

82
P89

A 1457301

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Д. М. БАЛАШОВА

*Художник
С. Харламов*

МОСКВА
«СОВРЕМЕННОСТЬ»
1983

РФ
Р89

Р89 **Русские народные баллады** /Сост. Д. М. Балашов. Худож.
С. Харламов.— М.: Современник, 1983.— 311 с.

Сборник составили русские народные баллады — замечательное явление народного творчества. Возникли они в период средневековья и отражают русскую историю и быт XIII—XVII веков. Художественно-иллюстрированное издание.

Р 4702000000—235
М106(03)—83 — 200 — 83

ББК82.3Р

© Издательство «Современник», 1983 г.

Вступ. статья, составление, комментарий, оформление.

Русские народные баллады

В этом сборнике представлены избранные сюжеты наших старинных народных баллад — эпического жанра, расцвет которого приходится на послемонгольский период русского средневековья, XIV—XVII веков.

Русские баллады еще очень мало изучены, да и само название «баллада» по традиции не связывается с русским фольклором. Многие из читателей вспомнят скорее Англию или Шотландию — классическую родину баллад.

Русские народные баллады, как, впрочем, баллады большинства народов, не имеют специфической метрической структуры, свойственной шотландским балладам (особой строфы с припевом); от западноевропейской баллады в целом их отличает к тому же отсутствие деления на рифмованные четверостишия. Именно эти побочные обстоятельства, по-видимому, привели к тому, что русские баллады мало изучались и долгое время не рассматривались как жанр, аналогичный европейской балладе, несмотря на то что по всем основным поэтическим признакам, кругу проблем и времени возникновения и расцвета это совершенно аналогичные явления, хотя и возникшие независимо друг от друга.

Фольклору, как правило, незнакомо чтение стихов. Вся поэзия народа, как лирическая, так и эпическая, повествовательная, — поется. Баллады — это песни, но песни обычно унисонные, их пели и в одиночку и вдвоем-втроем; пели и хором, поскольку по областям музыкальная система баллад очень сильно варьировалась, и если на юге баллада смыкалась с протяжной казачьей песней, то на севере она, по манере исполнения, зачастую сливается с эпосом. Здесь баллады — «стихи» или «старинки» — пелись в пост (когда запрещалось пение песен) наряду с былинами и духовными стихами.

Эпические песни — это главным образом рассказ о серьезном, значительном, общенародном. Каждый народ на заре государственности создавал свой эпос — величавую летопись тысячелетий, поэтические сказания о героях своего племени, своей страны. Эпосом Киевской Руси были былины о богатырях — защитниках родины, могучих представителях народа. Долгие века спустя былины всё еще воплощали извечную крестьянскую мечту о вольной и счастливой жизни. Величавы были образы былин. Вся художественная система богатырского эпоса строилась так, чтобы подчеркнуть, довести до высшей степени совершенства силу, красоту, мужество, талантливость героев.

Но на рубеже XIII—XIV веков былинная художественная система перестала целиком удовлетворять эстетические потребности масс в серьезном эпическом искусстве. Жизнь, с ее противоречиями, феодальные усоби-

цы и рознь гордых киевских, черниговских, рязанских, владимирских князей, неожиданно обернувшаяся бессилием страны перед нашествием степи; тревожные отсветы татарских костров на русских равнинах, страх городов и пожары деревень — все это властно разрушало рамки старого искусства. Богатырский идеал померк, отодвинулся в прошлое, слившись в мечтах и воспоминаниях с былым величием уничтоженного Киева и легендарного князя Владимира.

Новое время родило новые повествовательные песни. В них хлынула социальная действительность феодализма, от которой народный художник уже не мог и не хотел отворачиваться. Контрасты богатства и бедности, права и бесправия, сословные отношения и образы представителей разных сословий: князей, бояр, монахов, служилых людей, купцов, посадских, крестьян, разбойников, нищих — все это нашло себе место и выражение в новой повествовательной поэзии. Для серьезного эпического жанра стали важными судьбы простых безымянных героев: девушек и женщин, обычных «добрых молодцев», а не эпических богатырей. Конфликты патриархальной семьи, трагедии, скрытые за глухими заборами частных владений, приобрели неожиданно общенародное эпическое значение.

Былинная условно преувеличенная манера изображения героев начисто отсутствует в этих новых песнях. Трагизм, рожденный социальным бесправием, насилием власть имущих, трудной военной судьбой народа, пришел на смену торжественному оптимизму былинного эпоса.

Но на развалинах старого художественного мирозерцания росли новые гуманистические идеалы. Угнетаемый, слабый физически, бесправный социально и даже гибнущий персонаж баллады оказывается духовным победителем сил зла. Гибнут влюбленные, столкнувшиеся с гнетом патриархальной власти в семье (баллада «Василий и Софья»), но на могилах их вырастают чудесные деревья, сплетающиеся друг с другом вершинами. И любовь, перешагнувшая рубеж смерти, все-таки торжествует, и уже ничто, даже уничтожение чудесных растений, не в силах изменить мнения народа, людей, увидевших это чудо. То, что смерть, гибель положительного героя, может звучать как победа, как конечное торжество правды и добра, — явилось огромным эстетическим открытием новой народной поэзии.

Мы найдем в ранних балладах образы, созданные еще во времена татарского ига. Женщина, уведенная в плен, ставшая рабыней, узнает в своей госпоже родную дочь, угнанную татарами много лет назад (баллада «Татарский полон»). В балладе «Авдотья Рязаночка» женщине, добравшейся до стана грозного завоевателя, предлагается нелегкая задача: выбрать кого-то одного из угнанных врагами родных, пожертвовав остальными. В балладе «Егорий», в форме христианской легенды, отразилась вера в конечное освобождение страны от врага-насилыника. В балладе «Князь Роман и Марья Юрьевна» воспета стойкость русской женщины, попадающей в плен, на чужбину.

В балладах, посвященных семейным конфликтам, отразилось тягостное положение женщины в патриархальной семье; гнет свекрови, иногда злой колдуньи («Рябинка»); трагедия девушки, которая предпочитает смерть насильственному замужеству («Домна»), трагедия «согрешившей» и безжалостно казненной братьями героини («Алеша и сестра двух братьев»). Сколько удивительного гуманизма и подлинной человечности в этих внешне «жестоких», часто с кровавым исходом драмах! Сколько поэтических открытий, драгоценных сюжетных находок, подчас ожидающих одного только прикосновения поэта, писателя или драматурга, чтобы быть развернутыми в целый роман, пьесу, поэму!

В других сюжетах нашла себе место духовно-религиозная проблематика, крестьянские идеалы равенства сословий и философские вопросы бытия. В балладах описываются исторические события вперемежку с аллегориями, чудесами, символическими картинками. Все многогранное, яркое и полное трагических противоречий лицо средневековья отразилось здесь. И с новым содержанием пришла новая форма. Эпическая песня стала напряженной, сжатой, стремительной, сосредоточенной вокруг одного эпизода; лишилась былинных особенностей: преувеличений, развернутых описаний, эпических длиннот. Песня теперь обильно насыщалась диалогами действующих лиц, приобрела драматический характер. Так родился балладный жанр.

Балладу можно определить как повествовательную песню драматического характера, в которой события сосредоточены вокруг индивидуальной человеческой судьбы, действие сведено к одному эпизоду, изложение кратко и стремительно, без «авторских» пояснений и отступлений, иногда с символикой и чудесными явлениями. Композиция баллады «прерывистая», с резкими переходами от события к событию, обычно ритмически организованная особой системой повторяющихся сюжетных положений и строк: «повторениями с нарастанием».

Конфликты баллад взяты чаще всего из реальной действительности, но нарочито заострены: ссоры приводят к убийствам (баллады «Князь и старица», «Князь Роман жену терял»), смертельные исходы любовных и семейных драм становятся почти обязательными («Домна», «Василий и Софья», «Алеша и сестра двух братьев» и др.), комическое заостряется до сатиры («Терентий гость», «Старец Игренище» и др.), в сферу будничного смело вводятся фантастика, чудеса и аллегорические уподобления («Рябинка», «Дети вдовы», «Молодец и река Смородина», «Чудесное спасение» и проч.).

Своеобразна композиция баллады. Действие начинается обычно сразу с основного конфликта (яркий пример — баллада «Князь Роман жену терял»), проходит без «предисловий» и «послесловий», минуя статические моменты. Выделяются только наиболее напряженные, наиболее драматические звенья сюжета. Благодаря этому причины трагического события зачастую так до конца и не раскрываются балладой («Насильный постриг», «Жена мужа зарезала» и др.), что создает особую балладную «загадочность», позднее так понравившуюся поэтам романтической школы. Балладный рассказ, как правило, организован системой повторов — «повторений с нарастанием», когда к повторяющимся фразам песни прибавляются раз за разом новые подробности, сгущающие, усиливающие драматическую напряженность конфликта вплоть до его разрешения, чаще всего трагического (см.: поиски жены в балладе «Князь Михайло», поиски отца в балладе «Князь Роман», развертывание событий в балладе «Василий и Софья» и проч.). В той или иной форме повторяемость частей сюжета, усиливающая напряжение конфликта и подводящая к развязке, присутствует почти в каждой балладе.

Балладная поэтика сосредоточивает внимание на индивидуальной человеческой судьбе и даже проблематику общественного и отвлеченно-философского характера отражает, изображая личные судьбы отдельных персонажей («Аника-воин», «Молодец и река Смородина», «Горе» и др.). Несколько столетий спустя эта особенность жанра (кстати, тоже привлекавшая внимание поэтов-романтиков) оказалась уже устарелой для отражения новых общественных идей.

С конца XVII столетия классическая баллада начинает угасать. Новых сюжетов появляется все меньше, старые забываются, уступая место про-

тяжной лирической песне, поэтика которой позволяла личное человеческое переживание связать с судьбою и чувствами коллектива.

Эпическая баллада превратилась в художественное наследие прошлой эпохи и уже не была в силах вместить содержание нового времени. Но историческую действительность Московской Руси, чувства, надежды и чаянья людей своего времени старинная баллада выразила с исключительной полнотой и яркостью. В целом в наших балладах отразились, пожалуй, все стороны жизни русского народа с начала XIV и до начала XVIII века, то есть до времени начавшегося угасания балладного жанра.

Сюжеты русских баллад рассеяны по многим публикациям. Много баллад попало в такие известные фольклорные собрания, как сборник Кириши Данилова (в нем одном, в частности, сохранились такие превосходные баллады-сатиры, как: «Чурилья-игуменья и Стафида Давыдьевна», «Сергей-хорош», «Старец Игренище» и др.), песенник М. Д. Чулкова, собрание П. В. Киреевского. Но только А. И. Соболевский в первом томе своего свода «Великорусские народные песни» (1895) выделил баллады в особый раздел под названием: «Низшие эпические песни». В советское время специальные сборники русских баллад появлялись всего дважды, оба раза в изданиях большой серии «Библиотеки поэта», а научных монографий о балладе не было совсем. Так что изучение нашего балладного наследия еще только начинается.

Надо также заметить, что значительное число песен, несомненно балладного склада с исторической и религиозной сюжетикой, относилось прошлыми исследователями к жанрам исторических песен и духовных стихов. Спор о сущности и границах названных жанров еще не разрешен наукой. Составитель настоящего сборника стоит на той точке зрения, что к балладному жанру должны быть отнесены все сюжеты, стилистическая оценка которых позволяет считать их балладами. В виде опыта, возможно спорного, но не недопустимого, нами включены в сборник и такие традиционно «исторические» сюжеты, как «Грозный под Казанью» и, особенно, «Гнев Грозного на сына».

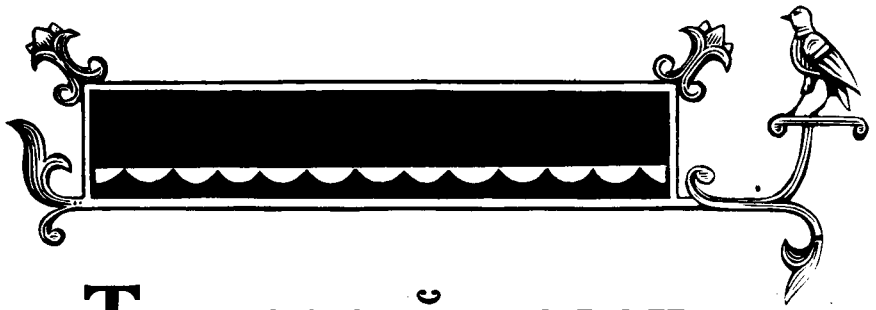
Тексты сборника подвергались только самой необходимой литературной правке в согласии с принципами, принятыми для изданий популярного характера. В случаях необычных произношений слов проставлены ударения. Замены слов диалектного характера и стилистические исправления, нарушающие ритмику стиха, не допускались нигде.

Необходимо помнить, что перед читателем — песня, со своей ритмикой, не всегда отчетливо воспринимающейся при чтении. В этом отношении значительно выигрывают баллады, переведенные с других языков и уложенные в ритмику литературного стиха. Зато читатель, преодолевший эту небольшую трудность, вознаградит себя знакомством с действительно чудесными творениями нашей народной поэзии.

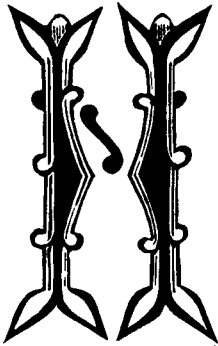
Д. БАЛАШОВ

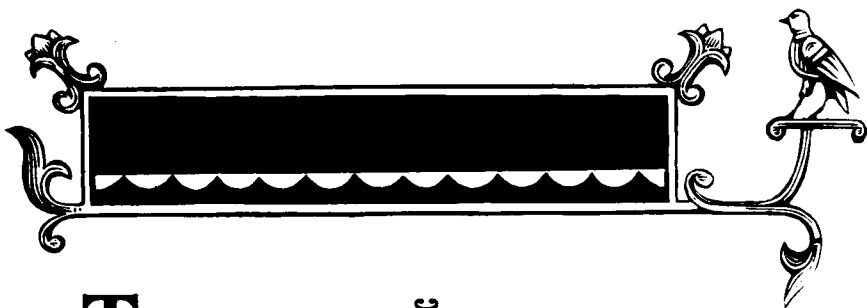

Татарский полон

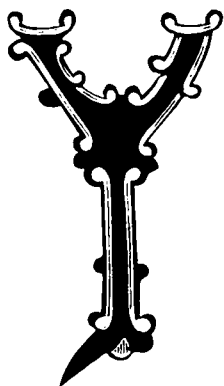
а дуваньице дуван дуванился,
Доставалась ему да теща зятелку.
Он повез ее да во дикую степь,
Он привез жены да с Руси русскую,
С Руси русскую да полоняночку:
«От привез тебе, да тебе нянечку.
Ты заставь ее три дела делати:
Как первó делó, да ей куделю прясть,
Как вторó делó, да ей гусей пасти,
Как третьё делó, да ей дитю качать».
Она сидит, руками она кудель прядет;
Она глазами, сидит, она гусей пасёт;
Она ногами, сидит, она дитю качат:
«Уж ты бай, баю, да злой татарченок!
Уж ты бай, баю, да ты татарский сын,
Уж ты бай, баю, да ты русёночек,
Уж ты бай, баю, да будешь внúченек —
Как твоя-то мать да мне родная дочь,
В парной байны я да с ею мылася,
Я признала в ей да две приметочки:
Как первá приметка — в груди родименка,
Как другá приметка — в ноги нет мизенчика».
Услыхали тут да девки сенные,
Побежали они к своей барыне,
Рассказали ей, да чо они слышали:
«Государыня, наша барыня,
Полоняночка с Руси русская
Она сидит, руками она кудель прядет,
Она глазами, сидит, она гусей пасет,
Она ногами, сидит, она дитю качат,
Она качат дитю, еще прибайкиват:
«Уж ты бай, баю, да злой татарченок,
Уж ты бай, баю, да ты татарский сын,

Уж ты бай, баю, да ты русеночек,
Уж ты бай, баю, да будешь вну́ченек —
Как твоя-то мать да мне родная дочь,
Я признала в ей да две приметочки:
Как перва приметка — в груди родименка,
Как втора приметка — в ноги нет мизенчика».
Прибежала тут да дочка к матери,
Во резвы ноги да повалилася:
«Ты прости, мати, да не признала ты,
Семи лет была да во полон взята!
Ты бери, мати, да золоты ключи,
Отмыкай, мати, шкапы зеркальчаты,
Ты бери, мати, да золоту казну,
Золоту казну да безрасчётную,
Безрасчётную, да сколько надобно,
Ты поди, мати, да на конюшен двор,
Ты бери, мати, коней езжалых,
Коней езжалых, да самолучших,
Поезжай, мати, да на святую Русь!»
«Мне не надо твои да золоты ключи,
Мне не надо твоя да золота казна,
Мне не надо твоих коней езжалых,
Коней езжалых, да самолучших.
Не поеду я да на святую Русь,
Я с тобой, дитя, не расстануся!»

Татарский полон

(иной вид)

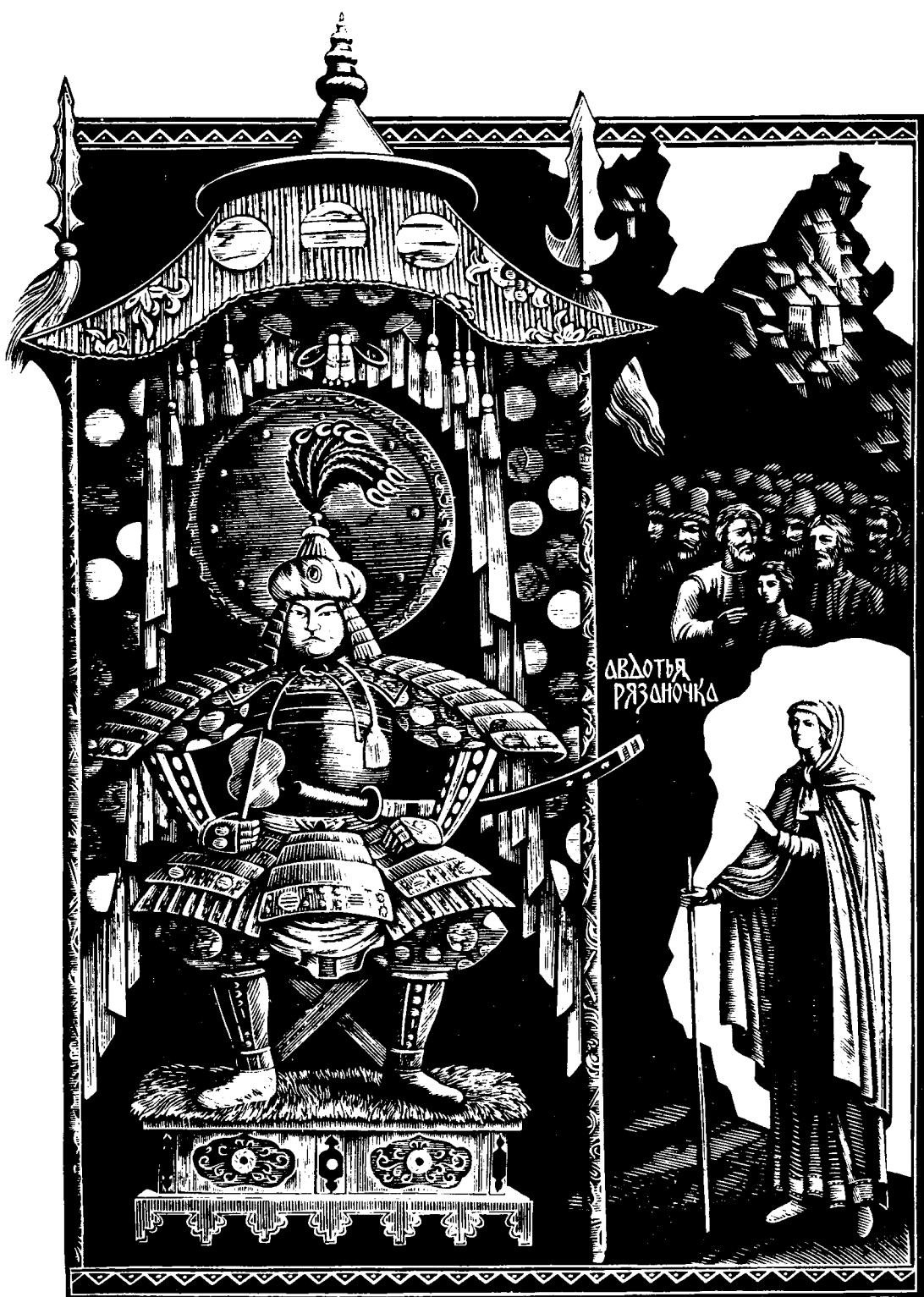

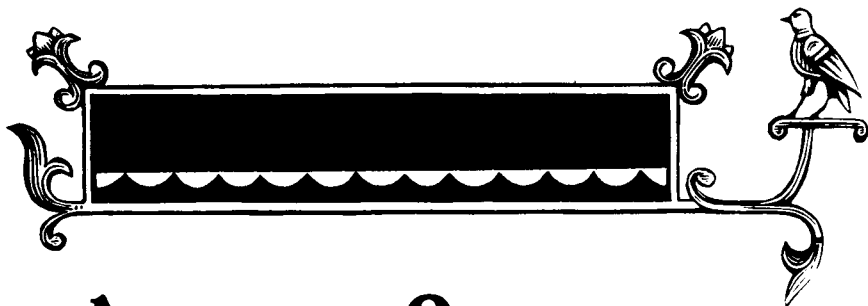
то во далече-далече, во чистом поле,
Огонек горит тут малешенек,
Дымок валит тут тонешенек.
У того огня да два татарина,
Два татарина-бусурманина,
Меж собой они дележ делят,
Кому-то что да доставалось.
Доставалась я, теща, зятюшку,
Доставалась да брату сестрица.
Как возговорит да злой татарянин:
«Уж ты гой еси, с Руси русская да полоняночка!
Ты садись-кося на добра коня,
Да поедем-ка к нам в Литву.
Как у нас в Литве да хорошо добрэ,
Лучше вашего да лучше русского:
Во всю ноченьку да все огни горят,
Все огни горят да все котлы кипят,
Все котлы кипят да все мясá варят,
Все мяса варят да кобылятину».
Как возговорит да с Руси русская полоняночка:
«Уж ты гой еси, злой татарчанин!
Как у нас в Москве да хорошо добрэ,
Хорошо добре да лучше вашего,
Лучше вашего да татарского:
Как по всей Москве все церкви стоят,
Все церкви стоят в колокол звонят,
В колокол звонят, люди сходятся,
Люди сходятся да богу молятся».
Подъезжает он к широку́ двору,
Он кричит-вопит громким голосом:
«Уж ты гой еси, млада тұрчанка,
Млада тұрчанка, молода жена!
Я привез тебе с Руси русскую да полоняночку».

Выходила же млада турчанка:
«Это черт у тебя, да не с Руси русская,
Это враг у тебя, да не полоняночка.
Что не сможет она ни столчи-смолоть,
Не сумеет она ни спечь-сварить,
Ни воды носить, ни коров доить.
Я заставлю ее три дела делáть,
Три дела делáть, три работушки:
Что первую-то работушку — гусей пасти,
Другую-то работушку — шелков кузов плестъ,
А третью-то работушку — мое дитя качать».
«Идти же мне да послушати,
Что не бьет ли она, не бранит ли его».
Хорошо добре да прибаюкивает:
«Ты баю-баю, мое дитятко,
Ты баю-баю, мое родимое!
Как по-старому да по-прежнему,
Как по-нашему да по-русскому,
Твой-то батюшко да мне-ка зятюшко,
Твоя-то матушка мне-ка дочь родна:
Твою-то матушку малым-то малешеньку,
Глупым-то глупешеньку, семилетнюю во полон
взяли».

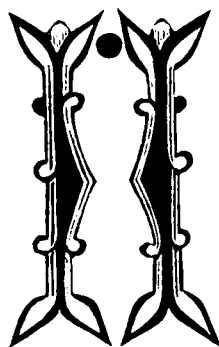
Услыхала млада турчанка,
Она скоро бежит да во высок терем,
Она пала ей во резвы ноги:
«Уж той гой еси, родима матушка!
Не заставляю тебя три делá делать,
Три дела делать, три работушки;
Ты живи у меня во ключницах,
Во ключницах да во ларешницах».

Авдотья Рязаночка

одступал тута царь Бахмет турецкий,
И разорял он старую Казань-город подлесную,
И полонил он народу во полон сорок тысячей,
Увел весь полон во свою землё.
Оставалася во Казани одна жёнка Рязаночка,
Стосковалася жёнка, сгоревалася;
У ней полонил три головушки:
Милого-то братца родимого,
Мужа венчального,
Свекра любезного.
И думает жёнка умом-разумом:
«Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единыя головушки
На дорогй хорошие на выкупы».
Царь Бахмет турецкий,
Идучи от Казани от города,
Напустил все реки-озера глубокие,
По дорогам поставил он всё разбойников,
Во темных лесах напустил лютых зверей,
Чтобы никому ни пройти, ни проехати.
Пошла жёнка путем да дорогою:
Мелкие-то ручейки бродом брела,
Глубокие реки плывом плыла,
Широкие озера кругом обошла,
Чистые поля—разбойников—о полночь прошла
(О полночь разбойники опочйн держат),
Темные леса—лютых зверей—о полдён прошла
(О полдён люты звери да опочйн держат).
Она так прошла да путем да и дорогою,
Пришла-де во землю турецкую,
К царю Бахмы турецкому,
Понизешеньку ему поклонилася:
«Ты батюшка, царь Бахмет турецкий!

Когда ты разорял старую Казань-город
подлесную,

Полонил ты народа сорок тысячей,

У меня полонил три головушки:

Милого-то братца родимого,

И мужа венчального,

Свекра любезного,

И пришла я к тебе выкупати хотя единыя

головушки

На дороги ли хоть на хорошие на выкупы».

Отвечал ей царь, ответ держал:

«Ты Авдотья жёнка Рязаночка!

Как ты прошла путем да и дорогою?

У меня напущены были всё реки-озера глубокие,

И по дорогам были поставлены разбойники,

А во темных лесах были напущены люты звери,

Чтобы никому ни пройти, да ни проехать».

Ответ держит ему Авдотья жёнка Рязаночка:

«Батюшка царь Бахмет турецкий!

Я так прошла путем да и дорогою:

Мелкие-то речушки бродом брела,

А глубокие речушки пловом плыла,

Чистые поля—разбойников—о полночь прошла

(О полночь разбойники опочин держат),

Темные леса—лютых зверей—о полден прошла

(О полден люты звери опочин держат),

Я так прошла путем да и дорогою».

Говорит ей царь Бахмет турецкий:

«Ты Авдотья жёнка Рязаночка!

Когда ты умела пройти путем да и дорогою,

Так умей-ка попросить и головушки

Из трех единыя,

А не умеешь ты попросить головушки,

Так я срублю тебе по плеч буйну голову».

Стоючись жёнка пораздумалась,

Пораздумалась жёнка, порасплакалась:

«Уж ты батюшка, царь Бахмет турецкий!

Я в Казани-то была жёнка не последняя,

Не последняя я была жёнка, первая.

Я замуж пойду, так у меня и муж будет,

Свекра стану звать батюшкой,

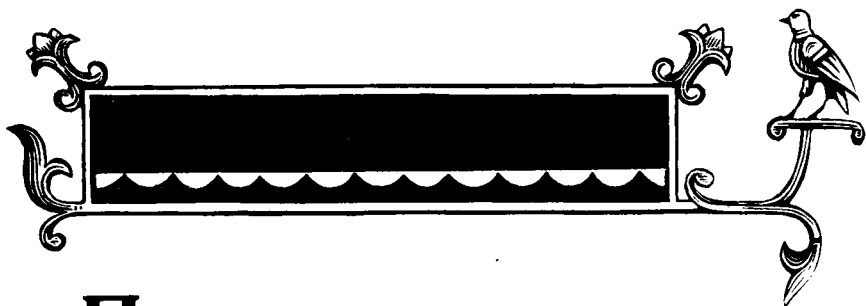
Приживу я себе сына любезного,

Так у меня и сын будет,

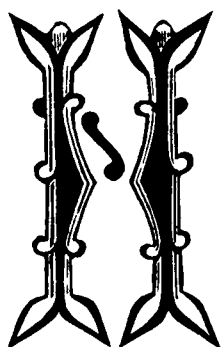
Приживу я себе дочку любезную,

Воспою-вскормлю, замуж отдам,

Так у меня и зять будет.
Не видать мне буде единыя головушки,
Мне милого братца родимого,
Да не видать век да и по́ веку».
Сижучись-де царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался:
«Ты Авдотья жёнка Рязаночка!
Когда я разорял вашу сторону, Казань-город
подлесную,
Когда у меня убили милого-то братца родимого,
Не видать буде век да и по́ веку.
За твои-то речи разумные,
За твои-то слова за хорошие
Ты бери полону сколько надобно:
Кто в родстве, в кумовстве,
в крестном братовстве».
Начала жёнка ходить в земле турецкия,
Выбирати полон во свою землю.
Она выбрала весь полон земли турецкия,
Привела-де полон во свою Казань-город
подлесную,
Расселила Казань-город по-старому,
По-старому да по-прежнему.

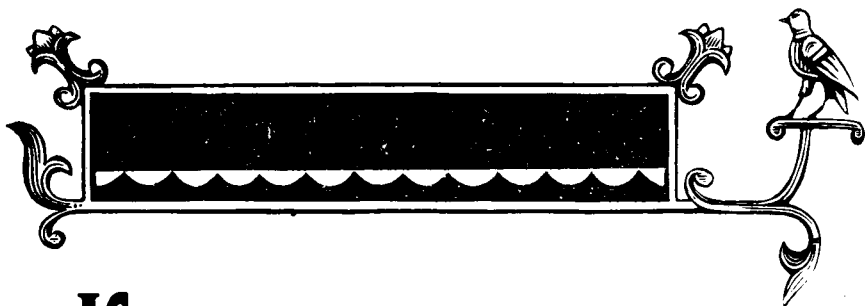
Полонянка

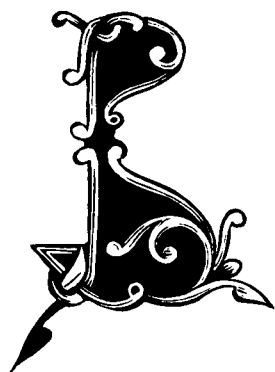
е белая лебедка в перелет летит —
Красная девушка из полону бежит.
Под ней добрый конь растягается,
Хвост и грива у коня расстилаются,
На девушке кунья шуба раздувается,
На белой груди скат жемчуг раскатается,
На белой руке злат перстень как жар горит.
Выбегала красна девушка на Дарью-реку,
Становилась красная девушка на крутой
бережок,

Закричала она своим обычным голосом:
«Ох ты гой еси, матушка Дарья-река!
Еще есть ли по тебе броды мелкие?
Еще есть ли по тебе калины мосты?
Еще есть ли по тебе рыболовщички?
Еще есть ли по тебе перевозчички?»
Неоткуль взялся перевозчик.
Она возговорила своим нежным голосом:
«Перевези-ка ты меня на ту сторону,
К отцу, к матери, к роду-племени,
К роду-племени, на святую Русь!
Я за то плачу тебе пятьсот рублей,
А мало покажется — восемьсот рублей,
А еще мало покажется — ровно тысячу;
Да еще плачу я добра коня,
Да еще плачу с плеч кунью шубу,
Да еще плачу с груди скат жемчуг,
Да еще плачу свой золот перстень,
Свой золот перстень о трех ставочках:
Первая ставочка во пятьсот рублей,
А вторая ставочка в восемьсот рублей,
А третья ставочка ровно в тысячу,
Самому перстню сметы нету-ка».

«А пойдешь ли, красна девица, замуж за меня?»
«Сватались за меня князья и боярины,
Так пойду ли я за тебя, за мордовича?»
Бежали за девушкой два погонщика,
Два погонщика, два татарина.
Расстилала красна девица кунью шубу,
Кидалась красна девица во Дарью-реку,
Тонула красна девица, словно ключ ко дну.

Казарин

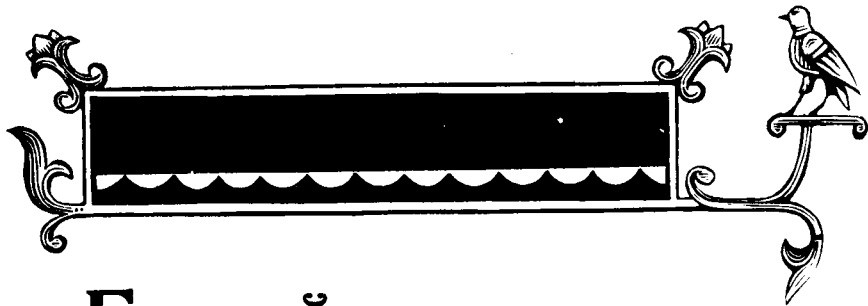

о городе да во Чернигове
У того купца Петра богатого
Уродилось чадышко малёшенько,
Малёшенько чадо, глупёшенько.
Именём дали его Казарином.
По отечеству его Петровичем.
На роду Казарина испортили,
На роду Петровича попортили.
Его род-племя да не в любви держат,
Отец-матушка да ненавидели.
Они спускали его да во чисто поле,
Во то раздольице широкое.
Не видал Казарин он ни старого,
Он ни старого, да всё ни малого.
Увидал Казарин черна ворона,
Черна ворона, да вороновича.
Он хочет ворона конем стоптать,
Конем стоптать, его копьём сколоть.
Как спровещился черной-от ворон русским
голосом:
«Уж ты гой еси, Казарин, да не коли меня!
Я скажу тебе да таку весточку:
Поезжай, Казарин, по чисту полю,
По тому раздольицу широкому,
Там есть стоит три шатра белополотняны,
Там есть живет да три татарина,
Три татарина, да три проклятые,
Они мучат девицу, да душу красную».
Да тому Казарин не ослушен был.
Поезжал Казарин по чисту полю,
Доезжал Казарин до шатров белополотняных.
Он стал Казарин, он стал выслушивать,
Он стал выслушивать, да выводывать,

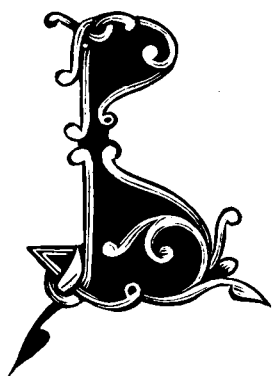

Чешет девица да буйну голову,
Да уплетат девица трубчату косу,
Она сама косы да приговариват:
«Ты природна моя трубчатая коса!
Да ты досталася, моя косонька,
Ты не за князя, не за боярина,
Ты не за купца-гостя торгового,
Да ты досталася, да моя косонька,
Трем татаринам, да трем проклятым».
Как первóй татарин утешал девку:
«Ты не плачь, девица-душа красная,
Не рыдай, моя да полоненная:
Я возьму тебя да за больша сына,
Уж ты будешь у меня больша невестушка,
Да я насыплю тебе кучу золота,
Да я другу-ту кучу чиста серебра».
Как другой татарин утешал девку:
«Ты не плачь, девица-душа красная,
Да не рыдай, да моя полоненная:
Я возьму тебя да за меньша сына,
Я насыплю тебе две кучи золота,
Я друга две кучи чиста серебра,
Я третья две кучи скатного жемчугу».
Да тут плачет девица пуще старого,
И рыдат девица пуще прежнего.
И как третий татарин утешал девку:
«Ты не плачь, девица-душа красная,
И не рыдай, моя да полоненная:
Я возьму тебя да за себя замуж,
Я по-плеч ссеку да буйну голову,
Размечу костьё да по чисту полю».
Тут плачет девица пуще старого,
Да рыдат девица пуще прежнего.
И тому Казарин не ослушен был,
Роздергал шатры белополотняны,
Заходил Казарин во тот бел шатер,
Он перва татарина конем стоптал,
Он друга татарина копьем сколол,
Он третья татарина под меч склонил.
«Ты садись, девица, на добра коня!»
И тут садилась девица на добра коня.
Поезжал Казарин по чисту полю,
Он стал у ей да всё выпрашивать,
Стал выпрашивать, да стал выведывать:
«Ты коей земли, да коей отчины?»

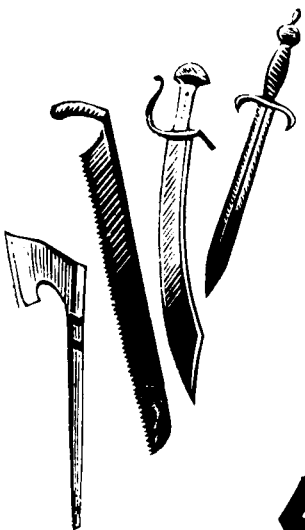
Коего города, отца-матери?»
«Я из города да из Чернигова:
От того купца Петра богатого
Уродилось чадышко малешенько,
Да малешенько чадо, глупешенько,
Именём дали его Казарином,
По отчеству да всё Петровичем,
Его род-племя да не в любви держат,
Отец-матушка да ненавидели,
Спускали его да в чисто поле,
Что во то раздольице широкое,
Еще я о нем да стосковалася,
Да искать пошла, да заблудилася».
«Солезай, сестрица, со добра коня!»
Они кланялись да во резвы ноги,
Целовались в уста сахарные.
Называл он ей своей родной сестрой:
«Ты садись, сестрица, на добра коня,
Я свезу тебя да к отцу, к матери!»

Егорий

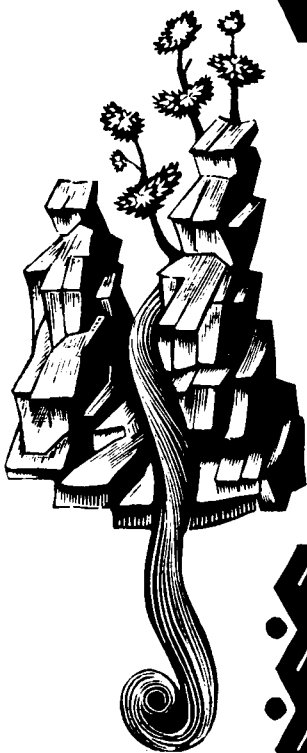

о шестом году в седьмой тысяче,
Во городе во Киеве
Стоит церковь соборная и богомольная.
Во той церкви нету старого,
Нету старого и ни малого,
Там одна честна Софья перемудрая,
За наши души грешны богу молится.
Породила Софья да три отрока,
Две девушки, еще свет Егория
Свет Егория всё и храброго.
Как послушал враг царевич и бусурманище:
«А не то что Егория видеть,
Не могу про него слову слышать,
Произведу я Егория на семь мук
И все разные разноликие».
Он сыскал ведь, враг, мастеров таких,
Повелел он Егорию ножи точить,
Повелел Егория во ножи колоть,
Повели Егория во ножи колоть,
Не вдавлиют Егория: всё ножи берут,
У ножей концы все посломались,
А святой Егорий невредим стоит,
Всё стихи поет херувимские,
Он гласом гласит по-евангельски,
Превозносит Егорий святу Троицу,
Святу Троицу и Богородицу.
Послышал враг царевич басурманщина,
Еще пуще того на Егория порассердился,
Он сыскал же, враг, мастеров таких,
Повелел на Егория он пилы точить,
Повелел Егория во пилы пилить.

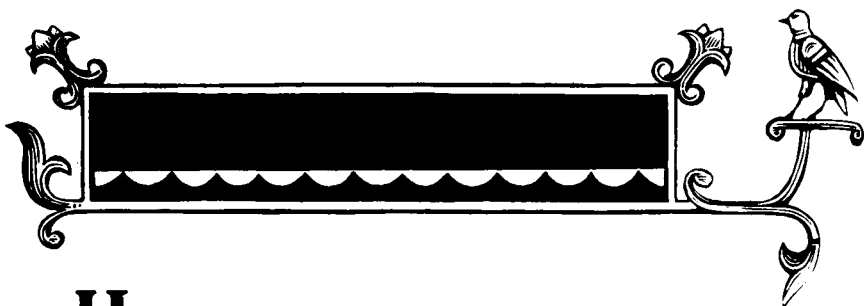
Не вдавлиют Егория: всё пилы его берут,
Во пилах рубцы посломались,
А святой Егорий невредим стоит,
Всё стихи поет херувимские
Голосом голóсит по-евангельски,
Превозносит Егорий святу Троицу,
Святу Троицу и Богородицу.
Еще пуще того враг рассёрдился,
Он сыскал же, враг, мастеров таких,
Повелел на Егория топоры точить,
Повели Егория в топоры рубить.
Повели Егория в топоры рубить,
Не вдавлиют Егория: топоры берут,
В топорах лезвиё всё посломались,
А святой Егорий невредим стоит.
Всё стихи поет херувимские,
Голосом голóсит по-евангельски.
Превозносит Егорий к святой Троицы
К святой Троицы и Богородицы.
Как послышал враг царевич басурманище
Он сыскал же, враг, мастеров таких,
Повелел же Егория погреба копать.
Не широкие, всё глубокие,
Ширины погреба десяти аршин,
Засадил Егория во темной погреб,
Закладал он брусья всё дубовые,
Закрывал он доски всё чугунные,
Задвигал задвижки всё железные,
Замыкал замками всё немецкими,
Засыпал песками рудожелтыми,
Засыпал он враг все притаптывал,
Все притаптывал и приговаривал:
«Не ходить Егорию по белу свету,
Не видать Егорию свету белого,
Не узреть Егорию солнца красного».
Как сидел Егорий он и тридцать лет,
Подымалась сила небесная
Из-за городу, из-за Киева,
Разносила пески рудожелтые,
Размыкала замки немецкие,
Отдвигала задвижки железные,
Открывала доски чугунные,

Расширяла брусья дубовые,
А святой Егорий невредим стоит.
Сам стихи поет херувимские,
Голосом гласит по-евангельски,
Превозносит Егорий святу Троицу,
Святу Троицу и Богородицу.
Он пошел к своей матушке ко Софеюшке:
«Честна хвальна Софья перемудрая,
Благослови меня благословением,
Пойду по Демьянищам,
Отомщу ему хлеб-соль старую,
Отолью ему кровь горючую!»
— «Благословлю я тебя благословеньцем,
Ты пойдѣ на то поле на Ордынское,
Возьми себе коня богатырского».
Как слышал враг царевич басурманище,
Заставлялся он заставами всё крепкими,
Гора с горою сомкнулися,
Леса с лесами столкнулися,
Постановил он, враг, воинов стадо,
И постановил он, враг, змей стадо,
На вратах у него Протофиль-птица.
Подъезжал Егорий ко заставушке,
Гора с горою сомкнулися,
Негде Егорию ни проехать ни пройти,
Святой Егорий проглаголился:
«Ой вы гой еси, горы крутые,
Вы раздвиньтѣся, разоидитѣся,
Вы и станьтѣ вы по старому,
Мы на вас будем строить церкви соборные,
Соборные и богомольные».
Вот одна застава миновалася,
Святой Егорий поезжаючи
И святую веру утверждаючи,
Подъезжал Егорий ко заставушке,
Леса со лесами сомкнулися,
Негде Егорию ни проехать ни пройти,
Святой Егорий проглаголился:
«Ой вы гой еси, леса темные,
Разоидитѣся, разодиньтѣся,
Мы изо вас будем строить
Церкви соборные, богомольные».

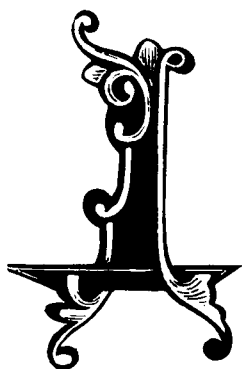

Вот еще застава миновалася.
А святой Егорий поезжаючи,
Святу веру утверждаючи,
Подъезжает Егорий ко заставушке,
Вот стоят тут и волков стадо,
На мого коня зубы скалючи.
А святой Егорий проглаголился:
«Ой вы гой еси, волки серые, всё свирепые,
Вы моим конем, волки, сыты не будете,
Разойдитесь, разбегитесь,
Вы и по два, по три, по единому
Вы и пейте, ешьте по Егорьеву благословению».
Вот еще застава миновалася.
Подъезжал Егорий ко заставушке.
Тут стоит заставушка всё змеей стадо.
Стерегут стадо две девицы красавицы,
На них тело — дубова кора,
На них власа — как ковыль-трава.
«Ой девицы-красавицы,
Вы скажите мне, вы которого роду-племени?»
— «Мы отца-матери Стратилатовы,
Был у нас один брат Егорий храбрый,
Засадил Демьян во темной погреб».
— «Уж вы девицы, мои сестрицы,
Вы пойдите, вы, на Иордань-реку,
Вы умойтесь, искупайтесь!»
Прошла заставушка, миновалася.
Подъезжал Егорий ко заставушке,
На воротах сидит Протофиль-птица,
На его коня зубы скалючи.
Святой Егорий проглаголился:
«Ой, ты гой еси, Протофиль-птица,
Ты моим конем век сыт не будешь,
Подымися ты, встрепенися ты,
Ты сядь среди моря на острове,
Ты и пей и ешь из синя моря
По Егорьеву благословению».
Протофиль-птица подымалася,
И синее море всколыхалось.
Он ударил копьём в ворота его,
Заревел он по звериному,
Запищал он по змеинному:

«Свет Егорий храбрый,
Не попомни старой грубости,
Не отплати мне хлеб-соль старую,
Ты не отлей мне кровь горячую,
Дай мне сроку хоть на три года!»
«Я не дам тебе и на три дня».
«Дай мне сроку хоть на три дня!»
«Не даю тебе сроку и на три часа!»
Отсек ему ногу левую,
Отсек ему руку правую,
По сверх того — буйну голову.

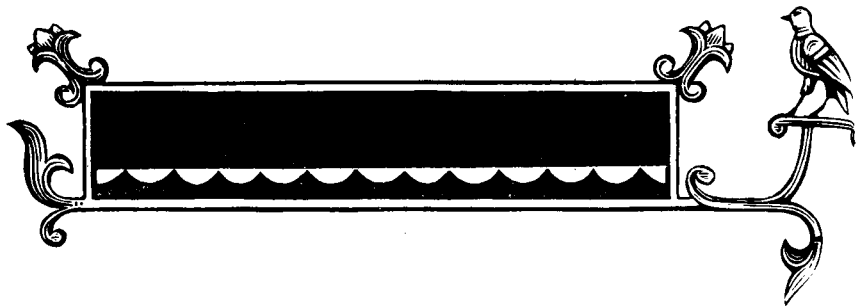

Чудесное спасение

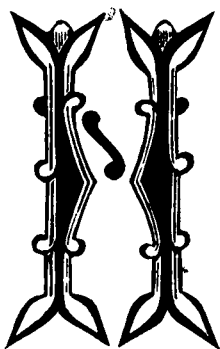
а лелим мне, лелим!
Сидела Аннушка у тереме под окошком,
У тереме под окошком,
У Юрьевой головушки.
Завидела Аннушка —
Далеко у чистом полю
Белые шатры стоят,
Жаркие огни горят,
Сивые кони ходют.
«Братец Юрьючка,
Куды ж то мне деться,
Куды ж то мне деться,
Да куда схорониться?»
«Схороню тебе, сестрица,
У каменных палатах,
Посажу тебе, сестрица,
На белом камушку,
Поставлю, сестрица,
Да тридевять каменных палат,
Закутаю, сестрица,
За тридевять дубовых дверей,
Замкну тебе, сестрица,
За тридевять золотых замков,
Поставлю, сестрица,
Да тридевять караульщичков».
Як приехал царь крымской
Со чистого поля,
Со чистого поля,
От зеленой дубровы,
Ударил царь крымской
Об Юрьины воротики.
Да тридевять караульщичек
Да усе разбегалися,

Да тридевять дубовѣхъ дверей
Усе раскутались,
Да тридевять золотыхъ замковъ
Усе разомкнулись,
Да тридевять каменныхъ палатъ
Усе развалились.
Осталась Аннушка
На беломъ камушку,
Ударилась Аннушка
Объ сырой белой камень.
Иде Аннушка пала —
Тамъ церковь постала,
Иде ручки да ножки —
Тамъ елки, сосѣнки,
Где буйная головка —
Тамъ крутые горки,
Где русая коса —
Тамъ темные лѣсы,
Иде цвѣтные платья —
Тамъ зеленый лесъ,
Иде кровь проливали —
Тамъ синие моря.

Егорий

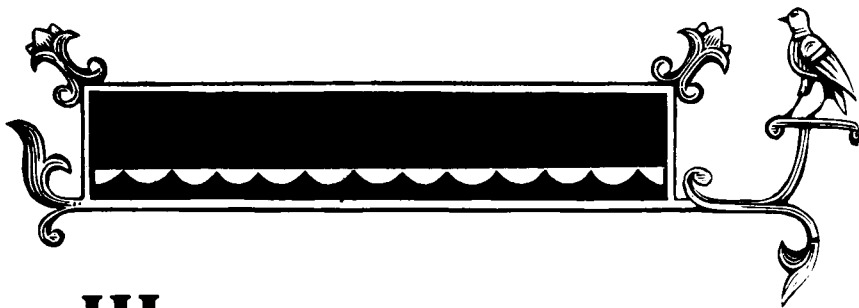
(иной вид)

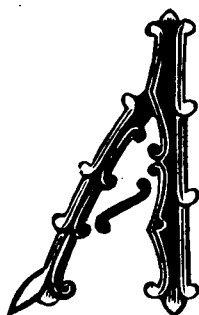
аезжал Царіще Грубиянище,
Он князей-бояр да всех повырубил,
Во княгинюшек да во полон берет,
Оставалось да чадо милое,
Чадо милое, Егорий храброе.
«Ну-ко станем Егорья-света мучити
Его всякыма мукамы разнолічныма,
Ну-ко станем Егорья топором рубить».
У топора лезьё всё приотпадало,
А Егорью-свету не досталось.
«Ну-ко станем Егорья тут пилой пилить!»
У пилы зубьё всё прикрошилось.
«Ну-ко станем Егорья во котли варить!»
А во котли Егорий он стоём стоит,
Он стоём стоит, да всё стихи поет,
На котли стаёт да пена золото,
А под котлом растет трава муравая.
Копали Егорью темный погреб-то,
Кидали Егорья в темный погреб-то,
И кольём да колодой заколачивали,
Серым-то камнем да заволачивали,
Желтыма песками да призасыпали,
Муравой травой да замуравили.
Тут еще вор-собака похваляется:
«Не бывать Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью света белого,
Не видать ему честной вдовы
Марфы Алексеевны».
От тут пали ветры буйные,
Ветры буйные, ветры холодные.
Всё кольё-колодьё разворочало,

Серо камень прираскátало,
Мураву траву всю размуравило,
И желты́ пески все приразвеяло,
И выходил Егорий на святую Русь,
Увидал Егорий свету белого,
И сáдился Егорий на добра коня,
Приезжал Егорий ко своей родной матери,
Приезжал он ко красну крыльцу.
«Здравствуй, Егорий храбрый!»
— «Благослови-ка, маменька, мне-ка съездить
во чистó полé,

Я убью, убью да кровь татарскую,
Изменю, изменю на христианскую».
Вот сáдился Егорий на добра коня,
И поезжал он во чисто поле.
Выходит царище Грубиянище:
«Здравствуй-ко-стё, Егорий храбрый!
Станем с тобой крестами брátаться,
Крестами брátаться да перстнём назвáниться.
Пусть, говорит, я тебе меньшей брат,
А ты мне большой!»
Не черный ворон крылом махнул,
А махнулася сабля острая.
«Я убил, убил я кровь татарскую,
А изместил, изместил я кровь христианскую».

Щелкан

и деялося в Орде,
Передеялось в большой.
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На черевчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил
Азвяк Таврулович
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме.
Одного не пожаловал —
Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал,—
Его дома не случилось.
Уезжал-то млад Щелкан
В дальнюю землю Литовскую,
За моря синея;
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,

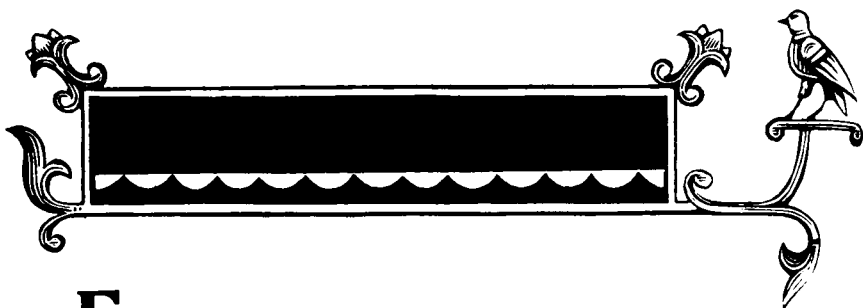

Царски невыплаты:
С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублей.
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царские невыплаты:
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублей,
Седло во тысячу,
Узде цены ей нет:
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем, узда, дорога,—
Царская жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать, тое узды
Ни продать, ни променять,
И друга дарить
Щелкана Дюдентевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,

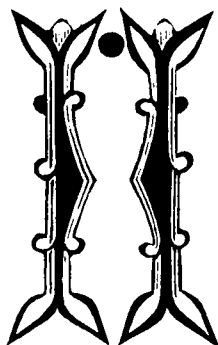

Дву удалыми Борисовичи».
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацади;
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебя пожалуйу
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацадил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцы родимыми,
Два удалыми Борисовичи.
И втапоры млад Щелкан
Он судьбою насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судьбою сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старья,
Мужики-то богатя,
Мужики посадския,
Они жалобу приносили
Двум братцам родимым,
Двум удалым Борисовичам.

От народа они с поклонами пошли,
С честными подарками;
И понесли они честныя подарки —
Злата-серебра и скатного земчуга.
Изошли его в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича.
Подарки принял от них,
Чести не воздал им:
Втапоры млад Щелкан
Зачванелся он, загорденелся.
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

Брат спасает сестру

осидимте-ка мы, братцы, да побеседуем,
Уж мы скажем-те, ребята, про старинушку,
Уж мы скажем-те, ребята, про старинушку,
Мы про старую старинку, про бываличинку,
Мы про старую старинку да про бываличинку.
Да как-то не пыль, братцы, и не копоть

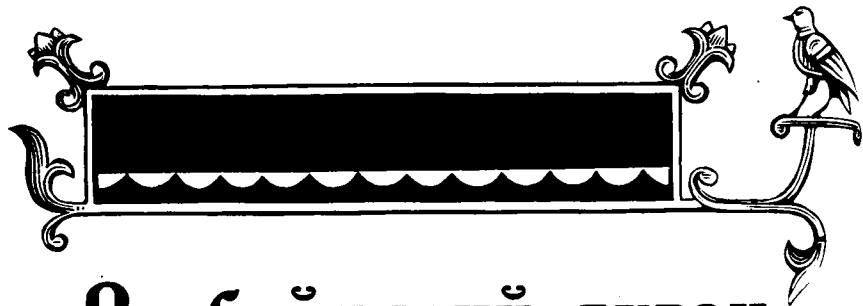
подымается,

И не пыль-то, братцы, знать, не копоть

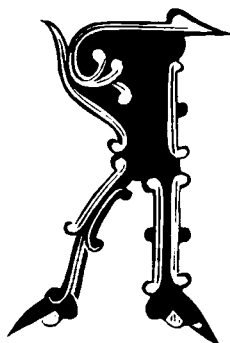
подымалася,

Воевали, бушевали три татарченка,
Воевали, бушевали три татарченка,
Они били-разбивали нов Чернигов-город.
Они били-разбивали да нов Чернигов-город.
Выбивали басурманы да стены каменны,
Выбивали басурманы да стены каменны,
Выбирали басурманы много множества,
Много множество, собаки, золотой казны,
А еще того побольше чиста жемчуга.
Выезжали басурманы во дикую степь,
Во дикую степь, степь Саратовску,
Становилися, собаки, при раздольице,
При таком большом раздольи, при широкима,
Рассыпали басурманы золоту казну,
Золоту казну, злы собаки, на три стороны,
Возметали басурманы на три жеребья,
А один-то вор-собака да к жеребью нейдет,
А один-то вор-собака к жеребью нейдет,
Он берет же красную девицу без жеребья,
Молодую душу он Фамельшу дочь Никитишну.
Он и взял же девчонку за белы руки,
Он повел ее, собака, во белой шатер.
Он повел ее, собака, во белой шатер,
И стал же басурманин насмехатися,

И стал же басурманин насмехаться,
Да над ее ли да белым телом надругатися.
Закричала же девчонка громким голосом:
«Уж ты, брат ли мой, братец, сын купеческой!
Ты не отдай-ка ты меня, братец,
 злым татарченкам,
Надо мною, над девчонкой, насмехаться,
Надо мною, над девчонкой, насмехаться,
Над моим ли-то белым телом надругатися!»
Наезжал на них, собаков, злой охотничек,
Одного же он да он конем стоптал,
Одного же он, собаку, да он конем стоптал,
А другого басурмана он к хвосту привязал,
А другого басурмана он к хвосту привязал,
А третьего-та он, собаку, топором срубил.
Он размыкал их кости по дикою степи,
А молоду душу он девчонку он к себе ее взял.
А молоду душу он девчонку он к себе ее взял,
А молоду душу Фамельшу дочь Никитишну.

Разбойничий дуван

Дик ты наш, сын Горынович!
Золотое твое, Яикушка, донышко,
Серебряны твои, Яикушка, бережки!
Весною ты, Яик, быстрехонек бежишь,
Урываешь ты свои круты бережки,
Посреди себя выметываешь часты острова!
На тех островах казаки, братцы,

дуван дуванят.

Делили они золоту казну пуховой шляпой.
Одного добра молодца задувалили:
Доставалась ему, добру молодцу,

красная девица;

За досаду ему это показалось,
Возговорил добрый молодец таковы слова:
«На бою была моя головушка самая первая,
А на дуване — самая последняя!»

Тут берет он красну девицу
За правую руку, за золот перстень,
Обнажил он свою саблю острую
И хотел отрубить ей буйну голову.

И тут красна девица возмолилася,
Молодцу в резвы ноги поклонилася;
Возговóрит ему красна девица:

«Ой ты гой еси, добрый молодец!

Не руби ты мне буйну голову:

Вот тебе с меня золотой перстень

во пятьсот рублей,

Вот тебе кунья шуба во всю тысячу,

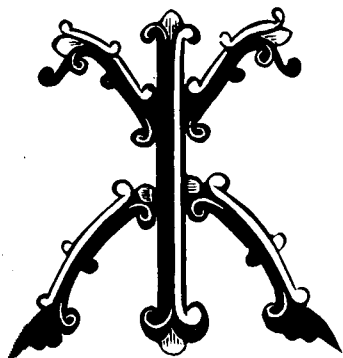
А я тебе, девица, ни за что пришла!»

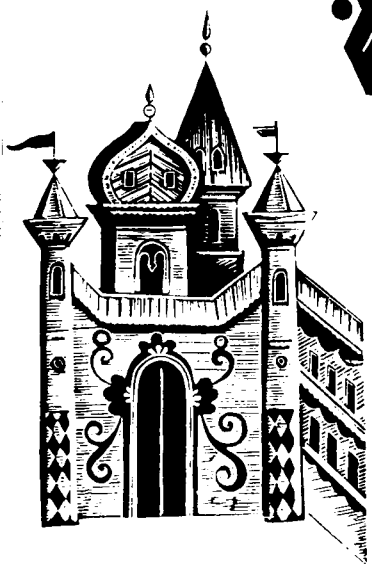

Князь Роман и Марья Юрьевна

ил-был князь Роман Митриевич,
С жонкой спал, и ей прищавилось ночью,
Что у ней перстень спал с правой руки,
С правого перстечка, с мезеночка,
И рассыпался на мелкие зёрнотка.
Она все собрала, одного не могла отыскать.
«Даем мы знать по всем землям, по всем ордам,
Чтобы твой сон рассудили,
Чтобы твой сон рассказали».
«Я свой сон сама рассужу,
Я свой сон сама расскажу:
Прибегут ко мне из-за моря
Три червлённых три корабля,
Увезут меня, Марью, за сине море,
За сине море, за солёное,
Ко тому Мануилу сын-Ягайлову».
Он не слушал тех речей,
Он ушёл скорей в тихи-мелки заводи,
Стрелять гусей, белых лебедей,
Маленьких пернастых серых уток.
Она села к окошечку косивчиту
И глядит: бежат из-за моря,
Из-за моря из-за синя,
Три черных три корабля,
Приворачивают к ним в гавань корабельную,
И видит Марья: «Увезут меня
За сини моря за солёные!»
Она запирала окошечко косивчато,
Пошла по палате белокаменной,
Из белых палат на новы сени,
С новых сеней на краснó крыльцо,
С красного крылечка на дубовый мост,
С дубового моста на тропиночку,

По тропиночке Марья во чисто поле
И засела под яблонь кудреватую.
И прибегали три кораблика три черных
Прямо в гавань корабельную,
Подбирали парусы полóтняны,
И метали якоря булатные,
И выпускали шéенки шелковые,
И спускали на воду шлюпку легкую,
И садились в шлюпочку, приехали
Прямо в гавань корабельную.
И шли в палаты белокаменны,
И искали Марью: не могут найти.
Один был вор, поваренный детинушка,
Не искóм ищет — следочки выправливает,
Выравнивает да вырезывает:
По тропиночке Марьи следочки выправливает,
Детинушка поваренный вырезывает.
И нашел ее под яблонью кудреватую.
«Ты ли есть Марья Юрьевна?»
«Я не Марья Юрьевна,
Я Марьи́на служаночка».
«Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна?»
«Я есть Марья Юрьевна, лебедь белая».
Он и брал ее за ручки белые
И за те ли перстни злаченные,
И увозил ее на червленом на корабле
За сине море за соленое.
И пришел детинушка поваренный
К Мануиле сыну Ягайлову.
Он встречает его с честью с радостью,
Он брал Марью за руки за белые,
За те ли перстни злаченные,
Он хочет целовать ее в сахарны уста.
Говорит ему Марья Юрьевна:
«У нас до трех годов не цалуются,
не обнимаются».
И ушел Мануило Ягайлович
На тихи-мелки заводи.
Стрелять гусей, белых лебедей,
Маленьких пернастых серых уток.
По́йдучи матери наказывал:
«Дай ей нянюшек-служаночек,
Ежели она закручинится».
Она сидела у окошечка косивчата.
Глядела в околенку стекольчату.

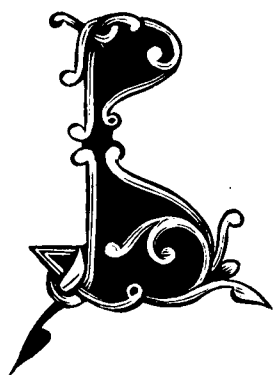

Вот мать его идет — спрашивает:
«Чего ты сидишь у окошечка у косивчата,
Чего плачешь-уливаешься?»
«Сегодня у меня на Руси велик праздник,
Велик праздник — светло Христово воскресение.
Гуляют жены христианские,
Купеческие, министерские, крестьянские,
И последние жены солдатские,
И голи кабацкие,
А я сижу у окошечка,
Проливаю свои слезы горючие!»
Мать дала ей нянечек-служаночек,
в сады гулять,
И дала напитков всяких разных,
И дала козла любимого Моналинова.
Она напоила няnek допьяна,
Что няньки лежат сами бѣз себя.
Вот она взяла козла — зарезала,
Пришла Марья на гору высокую,
Скидала свое платье цвѣтное,
Надевала на лесиночку
И пошла с горы.
Ей навстрѣчу быстрѧ река,
И быстра река идет,
Что гром гремит.
И возмолилась Марья быстрѧй реке:
«Ой же ты, мать Дарья-река!
Сделайся по женским перебродищам,
Станьте переходы узкие, переброды мелкие,
Пропустите меня, Марью Юрьевну!»
И река Марьи послушалась:
Сделалась по женским перебродищам,
Перебрела она через быстру реку,
Пошла она вперед попадать,
И пришла ей больше того река,
Она видит, что перейти нельзя.
Смотрит — плавает на другой стороне колода
белодубова,
И взмолилась Марья той колоде белодубовой:
«Ой же ты, колода белодубова!
Перевези меня через быстру реку,
А выйду на святую Русь,
Вырежу тебя на мелки кресты,
На чудны образы
И вызолочу червонным красным золотом».

И колода ее послушалась:
Перевезла ее через быстру реку.
И пришла Марья Юрьевна
К Роману Митриевичу,
Сама взговорит таковы речи:
«Ой еси ты, Роман князь Митриевич!
Вывезем мы колоду белодубову
На святую Русь,
Вырежем на мелки кресты
И на чудны образы
И вызолотим червонным красным золотом».
И вывезли ту колоду белодубову
На святую Русь,
И вырезали на мелки кресты
И на чудны образы,
И вызолотили червонным красным золотом,
И разослали по всем церквам.

Василий и Софья

о славном городе во Киеви
Жила-то была честная вдова,
Было у вдовушки тридцать дочерей,
И все они во спасенье пошли,
Все разъехались по пустым пустыням
И по всем монастырям,
Все становились по крылосам,
И все поют «Господи боже».
Одна Софеюшка промолвилась,
Хотела сказать: «Господи боже»,
А в ты поры сказала: «Васильюшко,
подвинься сюды».

Услышала Васильева матушка,
Скорешенько бежала во Киев-град,
На гривенку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютого,
Василью наливала зелена вина,
А Софеи наливала зелья лютого.
Говорит она таково слово:
«Ты, Васильюшко, пей, да Софеи не давай,
А Софеюшка пей, Василью не давай».
А Васильюшко пил и Софеи подносил,
А Софеюшка пила и Василью подносила.
Васильюшка говорит, что головушка болит,
А Софея говорит: ретивó сердце щемит.
Они оба вдруг переставились,
И оба вдруг переславились.
Василья несут на буйных головах,
А Софею несут на белых на руках.
Василья хоронили по правую руку,
А Софею хоронили по левую руку.

На Василье выросло кипарично деревó,
А с Софеи выростала золотá вербá.
Они вместо вершочками свивались,
И вместо листочками слипались.
Тут старый идет-то — наплачется,
А младый идет — надивуется,
А малый идет-то — натешится.
Тут проведала Васильева матушка,
Кипарично дерево повырубилá,
А золоту вербу повысушила.

Домна

Еще сватался Митрий-от по три года,
Князь Васильевич да по три осени.
На четвертой год да только свадьбы быть,
Только свадьбы быть, только к венцу пойти,
Ай к венцу пойти да обвенчаться.
Зазвонили честнѹ раннѹ заутреню,
Еще ту христовску да воскресенскую,
Воскресенскую да вознесенскую.
Чтой пошел князь Митрий ко заутрене,
Он ко той ли ранней к воскресенския,
К воскресенския, да к вознесенския,
Чтой бросалась Домнушка по плеч в окно,
Фалелеевна ровнѹ по поясу:
«Ай не этот ли Митрий князь Васильевич?
Чтой сказали про Митрия — хорош, пригож,
Он хорош, пригож, да в свете лучше нет;
Он сутул, горбат да наперед покляп,
И ногѣ кривы у его, глаза косы,
Русы кудри у Митрия онежские,
Еще речь у него да самоедская».
Еще тут ведь Митрию во слух пало,
Щой Васильевичу за беду стало,
Чтой за ту пало насмешку за великую.
Воротился Митрий от заутрени,
Приходил он к Настасьюшке к Васильевны:
«Уж ты гой еси, сестричушка любимая!
Соберем-ко мы пир, да всё девичий стол.
Попроси ты Домну Фалелеевну
На почестен пир, да на девичий стол.
Хлеба, соли исть, да сладка меду пить.
Ты скажи, что Митрия-князя в доме нет,
Чтой Васильевича да не случилось:
Он ушел ведь в лес теперь полѣсовать,

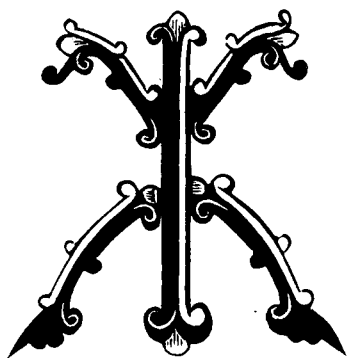
За лисицами да за кунницами,
Он за разныма за мелкима за птицами».
Щой первы послы к Домны на двор пришли:
«Добро жаловать, Домна Фалелеевна,
Еще к нашей Настасье к Васильевны
На почестен пир, да на девичий стол
Хлеба, соли исть да сладка меду пить!
Еще Митрия-то князя в доме нет».
Чтой первы послы да со двора сошли,
Ай вторы послы к Домны на двор пришли:
«Отпусти ты, Софьюшка Никулична,
Свою дочь Домну Фалелеевну
На почестен пир, да на девичий стол,
Хлеба, соли исть да сладка меду пить!
Еще Митрия-то князя в доме нет,
Чтой Васильевича не случилось,
Не случилось, не пригодилось:
Он ушел ведь в лес да всё полесовать,
За лисицами да за кунницами,
Он за разныма за мелкима за птицами».
Чтой третью послы к Домны на двор пришли:
«Добро жаловать, Домна Фалелеевна,
Еще к нашей к Настасье всё к Васильевны
Хлеба, соли исть да сладка меду пить!»
Не спускает ей Софьюшка Никулична:
«Не ходи уж ты, Домна Фалелеевна,
На почестен пир, да на девичий стол.
Я ночесь мало спала, да во сне видела:
Со белой груди скатился чуденной крест,
На правой руки распаялся всё златен перстен».
Не послушалась Домна Фалелеевна.
Умывалась Домнушка белёшенько,
Одевалась Домна наряднёшенько,
Приходила к Настасьюшке к Васильевны
На почестен пир, да на девичий стол.
Вдруг зашла она в палаты белокаменны,
Открывала дубовы да двери на-пять,
Она крест кладет да по-писаному
И поклон ведет да по-ученому,
Поклонилась на все четыре стороны.
А сидит тут Митрий во большом углу,
Князь Васильевич да во честном месте:
«Добро жаловать, Домна Фалелеевна,
Ко сутулому да ко горбому,
Всё к ногам кривым, к моим глазам косым,

Ко кудрям моим да всё к онежским,
К поговорюшке да к самоедския —
Хлеба, соли исть да сладка меду пить!
Ты садись, проходи да за дубовой стол».
Воспроговорит Домна Фалелеевна:
«Отпусти-тко меня, Митрий князь Васильевич!
Я с право́й руки забыла там злаче́н персте́нь,
Мы которым с тобой будем обручаться».
Воспрого́ворит Митрий князь Васильевич:
«Ты где хошь ходи, только моей слыви!»
Тут пошла ведь Домна Фалелеевна
Что из тех она палат да белокаменных,
Заходила она в кузницу железную,
Чтой ковала два ножичка булатных,
Уходила с ними Домна во чисто́ поле,
Становила Фалелеевна во сыру́ землю
Что востры́ма концами во белы́ груди,
Да сама тут ведь Домна приговаривала:
«Не достанься мое да тело белое,
Ты сутолуму, да ты горбатому!
Ай достанься мое да тело белое,
Лучше матушки да ты сырой земли!»

Василий и Софья

(вариант)

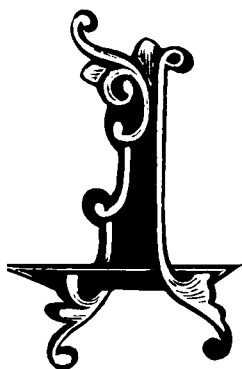

Жила вдова да по край синю моря,
Было у вдовы да было семь дочерей,
Семь дочерей, да один был сынок.
Все-то дочери по спасеньицам пошли,
Они спасалися, Христу-богу молилися.
Одна-то дочь, Софиюшка, промолвилася,
Хотела сказать: «Господи, прости меня»,
Между тем она сказала: «Васильюшко,
Василий-дружочек, потронься ко мне,
Потронься, подвинься,
Обоймемся да и поцелуемся».
Услыхала Софьяна мать, так закидалась,
забросалась,
Закидалась, забросалась по Кий-городам,
По Кий-городам да по царёвым кабакам.
На гривну взяла да зеленá она вина,
На другу взяла да зелья лютого.
Зелено вино Софье подносила,
Зелье лютное Василию подносила:
«Софиюшко, пей да Василью не давай,
Васильюшко, пей да Софии не давай».
Софиюшка пила, Василию подносила.
Васильюшко пил, да Софии подносил.
К утрушку к светушку представилися.
Представилися да приготовилися.
Делали гроб Софиюшке с чиста серебра,
Делали гроб Васильюшке с кипарисына дерева,
Несли ведь Софиюшку на буйных головах,
Несли же Васильюшка на белых руках,
Хоронили Софию по праву руку к церкви,
Хоронили Васильюшка по левую руку к церкви,

Цветочки с цветочками срастались,
Вьюночки с вьюночками свивались,
Старые идут да приплачутся,
Круг полувеку идут, так подивуются,
Молодые идут, так полюбуются.
И прилетал голубчик со голубушкой,
Садился голубчик на Васильюшков цветок,
Садилась голубушка на Софиюшкин цветок.
Говорил голубчик голубушке:
«Похоронены здесь безвинны людюшки».

Чурилья-игуменья и Стафида Давыдьевна

а много было в Киеве божьих церквей,
А больше того почестных монастырей,
А и не было чуднее Благовещения Христова.
А у всякой церкви по два попа,
Кабы по два попа, по два дьякона
И по малому певчему, по дьячку;
А у нашего Христова Благовещенья честного
А был у нас-де Иван-пономарь,
А горазд-де Иванушка он к заутрени звонить.
Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла та Чурилья к заутрени;
Будто галицы летят, за ней старицы идут,
По правую руку идут сорок девиц,
Да по левую руку другá сорок,
Позади ее девиц и сметы нет.
Девицы становилися по крылосам,
Честна Чурилья в алтарь пошла.
Запевали тут девицы четью петь,
Запевали тут девицы стихи верхние,
А поют они на крылосах, мешаются,
Не по-старому поют, усмежаются.
Проговорит Чурилья-игуменья:
«А и Федор-дьяк, девий староста!
А скоро походи ты по крылосам,
Ты спроси, что поют девицы, мешаются,
А мешаются девицы, усмежаются».
А и Федор-дьяк стал их спрашивать:
«А и старицы-черницы, души красные девицы!

А что вы поете, сами мешаетесь,
Промежду собой, девицы, усмехаетесь?»
Ответ держат черницы, души красные девицы:
«А и Федор-дьяк, девий староста!
А сором сказать, грех утаить,
А и то поем, девицы, мешаемся,
Промежду собой, девицы, усмехаемся:
У нас нету дьяка-запевальщика,
А и молоды Стафиды Давыдовны,
А Иванушки-пономаря zde же нет».
А сказал он, девий староста,
А сказал Чурилье-игуменье:
«То девицы поют, мешаются,
Промежду собой девицы усмехаются:
Нет у них дьяка-запевальщика,
Стафиды Давыдьевны, пономаря Иванушки».
И сказала Чурилья-игуменья:
«А ты, Федор-дьяк, девий староста!
А скоро ты побегу по монастырю,
Скоро обойди триста келий,
Поищи ты Стафиды Давыдьевны.
Али Стафиды ей мало можется,
Али стоит она перед богом молится?»
А Федор-дьяк заскакал-забежал,
А скоро побежал по монастырю,
А скоро обходил триста келий,
Дошел до Стафидины келейки:
Под окошечком огонек горит,
Огонек горит, караул стоит.
А Федор-дьяк караул скрал,
Караулы скрал, он в келью зашел,
Он двери отворил и в келью зашел:
«А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна,
А и царская ты богомольщица,
А и ты же княженецка племянница!
Не твое-то дело тонцы водить,
А твое бо дело богу молиться,
К заутрени идти!»
Бросалася Стафида Давыдьевна,
Наливала стакан винца-водки добрыя
И другой — медку сладкого,

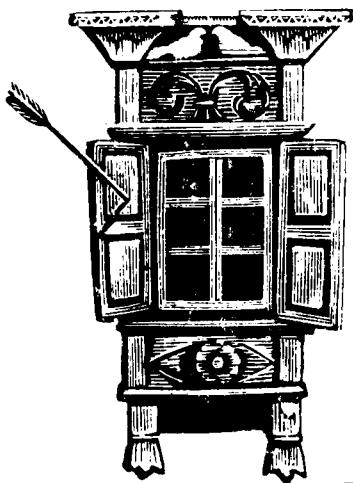
И пали ему, старосте, во резвы ноги:
«Выпей стакан зелена вина,
Другой — меду сладкого
И скажи Чурилье-игуменье,
Что мало Стафиде можется,
Едва душа в теле полуднует».
А и тот-то Федор, девий староста,
Он скоро пошел ко заутрени
И сказал Чурилье-игуменье,
Что той-де старицы, Стафиды Давыдьевны,
Мало можется, едва ее душа полуднует.
А и та-та Чурилья-игуменья,
Отпевши заутрени,
Скоро поезжала по монастырю,
Испроехала триста келий
И доехала ко Стафиды кельицы,
И взяла с собою питья добрые,
И стала ее лечить-поить.

Иван Дудорович и Софья Волховична

Еще был-жил Иван да сын Дудорович.
Он ходил-гулял да по чисту полю,
Он стрелял свою стрелочку каленую;
Застрелил свою стрелочку в окошечко
Еще к той ли к Софьюшке к Волховичне.
Ай первы послы к Софье на двор пришли;
«Уж ты гой еси, Софьюшка Волховична!
Ты отдай нам стрелочку каленую
Еще нашему Иванушку Дудоровичу —
Ты бери себе казны да сколько надобно».
«Мне не надобно вашей золотой казны,
Пушай сам ко мне придет Иван Дудорович».
Чтой первы послы да со двора сошли,
А вторы послы к ней на двор пришли:
«Уж ты гой еси, Софьюшка Волховична!
Ты отдай нам стрелочку каленую
Еще нашему Ивану ты Дудоровичу —
Ты бери с него казны вам сколько надобно».
Отвечает им Софьюшка Волховична:
«Мне не надобно его да золотой казны:
Пушай сам ко мне придет Иван Дудорович —
Я отдам тогда ему да калену стрелу,
Я без всякой отдам да золотой казны».
Вторы послы да со двора сошли.
Одевается Иванушко скорешенько:
Уж он шляпочку кладет да на одно ушко,
Уж он кафтан кладет да на одно плечо,
Уж он подходит к терему, к злату верху,
Еще к тем ли палатам белокаменным.
Выбегает к нему Софьюшка скорешенько,
И берет она его да за белы руки,
И ведет она его да в нову горницу,
И садит она Ивана за дубовый стол.

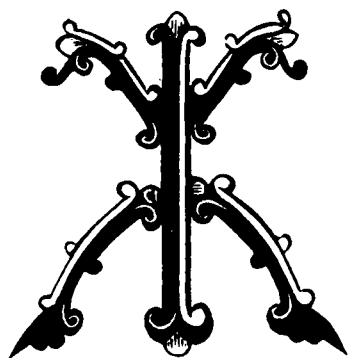

Накормила Иванушка ведь досыта,
Напоила она его, да она дѡпьяна,
Напоила, накормила, спать улѡжила.
Чтой по комнаты Софьюшка похаживат,
Да тихошенько Иванушка побуживат:
«Тебе полно спать, Иван, да усыпатися,
Да пора тебе, Иван, да пробужатися!
Отслужили честнѹ раннѹ заутреню,
Еще ту ли христовску-воскресенскую,
Воскресенскую да Вознесенскую,
Вдруг идут у меня два брата, два царевича,
Идут два млáдых два Ивана два Волховича».
А Иванушко спит, да не пробудится.
Забудила его Софья во второй након:
«Тебе полно спать, Иван, да усыпатися,
Да пора тебе, Иван, да пробужатися!
Отслужили честнѹ раннѹ заутреню,
Еще ту ли христовску-воскресенскую,
Воскресенскую да Вознесенскую.
Вдруг идут у меня два брата, два царевича,
Чтой два млáдых два Ивана два Волховича».
Тут встает Иванушко скорешенько,
Уж он шляпочку полѡжил на одно ушко,
Он кафтан скоро накинул на одно плечо,
Он спускается по лестнице дубовыя.
С ним встречаются два брата, два царевича,
Их два млáдых два Ивана два Волховича:
«Ты чего, сокол, летаешь, да здесь облятывашь,
Ты зачем зашел сюда, Иван Дудорович:
Ты жениться хочешь или свататься
Чтой на нашей на Софьюшке Волховичне?»
Воспрогѡворит Иван да сын Дудорович:
«Да давно у нас с Софьюшкой положенось.
Мы чуднѹма крестами поменялися,
Злаченѹма перстнями обручилися».
Тут ведь брали его братья за белѹ рукѹ,
Чтой садили Ивана на добрѹ коня,
Увозили Ивана во чисто поле,
Отрубили Ивану по плеч голову;
Они лѡжили на блюдо буйну голову,
Понесли его к сестре к своей любимыя.
Увидала их Софьюшка Волховична,
Что идут у ней братья из чиста поля
И какую-ту несут да буйну голову;
Она платьице одела воскресенское,

А второ она одела подвенечное
И встречала два брата два царевича,
Их два млáдых два Ивана два Волховича:
«Уж ты гой еси же, наша родимá сестра,
Уж ты можешь ли узнать, чья буйна гóлова?»
Воспроговорит Софьюшка Волховична:
Уж вы гой еси, два брата два Волховника,
Вы два млáдых два Ивана два разбойника!
Вы куда теперъ девали тура златорогого,
И туда же турйцу златошерстную!»
Еще тут-то братанам за беду стало,
Что за ту ли им досаду за великую.
Подхватили они Софью за белы руки,
Отвозили ведь Софью во чистó поле,
Отрубили сестре да по плеч голову,
Схоронили ей с Иваном во сыру землю.
Вырастали две березки кудреватые.
Шли прохожие — народ и удивлялися:
«Тут погублено две души безгрешные,
Тут пролита кровь, верно, безвинная!»

Князь и старицы

ил тут ведь князь да девяноста лет,
Он ведь брал себе княгиню да девяти годов,
Девяти годов, да десяти летов.

Он ведь жил со княгиней ровно три года,
На четвертой-от год да князь гулять пошел.
Он ходил-то гулял да ровно три года,
На четвертой-от год да князь домой пошел,
Что навстречу ему идет три старицы,
Что три старицы идет, да три монашки.

«Уж вы гой еси, старицы-монашки,
Не видали ли княгинюшки девяти годов,
Девяти годов, да десяти летов?»

«Мы видом-то не видали, да слухом слышали!
Что твоя-то княгинюшка за блудом пошла,
За блудом она пошла, да заблудилася,
За гульбой она пошла, да загулялася,
Что к амбарикам дорожечки уторены,
Все шурупчаты замочки исприломаны,
Годовалые хлебы все приедены,
Еще сладкие меды все испиты,
Все ведь добрые конички по-колен стоят
в назьме,

Белояровой пшеницы да не насыпано,
Ключевой свежей воды да не наношено,
Что в перву спальню зайдешь—да колыбель
вѣснет,
Что во втору спальню зайдешь—да всё втора
веснет,
Что в третью спальню зайдешь—да всё третья
веснет,
Уж как выйдет княгинюшка да без повойничка,

Без повойничка, в одном она платочике,
Без чулочиков, в одних она башмачиках,
Без канмотничка, в одной она рубашечке.
Ты сказни, сруби да буйну голову,
Раскидай-ко, размечи да по чисту полю!»

Что не лютое сердце да расходилося,
Богатырская кровь да раскипелася,
Что приехал князь да к широку́ двору,
Что выходит княгинюшка встречать его
Без повойничка, в одном она платочике,
Без чулочиков, в одних башмачиках,
Без канмотничка, в одной она рубашечке.
Что сказнил у ей да буйну голову,
Разметал он, раскидал да по чисту́ полю,
Что бросался князь да всё к амбарикам,
Что дорожечка к амбарикам неуторена,
Все шурупчаты замочки не приломаны,
Годовалые хлебы не приедены,
Еще сладки вина-мёды не испиты,
Еще добры ведь конички по-колен стоят

в шелку,

Белояровой пшеницы принасыпано,
Ключевой свежой воды да принаношено.
Что в перву́ спальню́ зашел—да всё пялá веснут,
Что не сколько в пях шито, боле плакано,
Что тебя-то, князя́, домой дожидано.
Что во втору спальню́ зашел, да что вторы веснут,
Что не сколько в пях шито—вдвое плакано,
Что тебя-то, князя, домой дожидано.
Что в третью-то спальню́ зашел, да что третьи

веснут,

Что не сколько в пях шито—втрое плакано.
Что тебя, князя, домой было дожидано.
Что не лютое сердце расходилося,
Богатырская кровь да раскипелася,
Что ведь перву-то старицу конем стоптал,
Что втору́-то он старицу копьём сковал,
Что третья-то ведь старица взмолилася:
«Уж ты гой еси, князь да девяноста лет,
Чтой одна-то ведь старица ведь мать твоя,
А друга-то ведь старица — сестра родна,
Что третья-то ведь старица — ведь крестна
мать!»

Терентий-гость

й ты гой еси, Терентий-гость,
Славен ты, богат человек!
У тебя, дескать, жена молода
Оленушка Клементьевна,
Клементьевна-Дементьевна.
Ее с вечера недуги берут,
К полуночи ее немочь бьет,
К белой заре лихорадка трясет:
Немочь-то — черная,
Лихорадка — красная,
Пухота, подживотна скорбь.
Тут возговорит жена молода
Оленушка Клементьевна:
«Ой ты гой еси, Терентий-гость,
Ты славен, богат человек!
Что ты мастеров не спрашиваешь,
Подмастерьев не допытываешь?»
Тута Терентий-гость
Встает поутру ранёхонько,
Обувается гладёхонько,
Умывается белёхонько,
Надевает шубу новую,
Он пошел по Новугороду,
Он стал против креста,
Проти креста, против чудного,
Проти чудна Остафейского.
Навстречу ему скоморохи.
Скоморохи, люди вежливые,
Люди вежливы, очестливые;
Они взглянутся — улыбнутся.
А отвернутся — рассмехнутся.
Тут возговорит Терентий-гость:
«Ой вы гой еси, скоморохи,

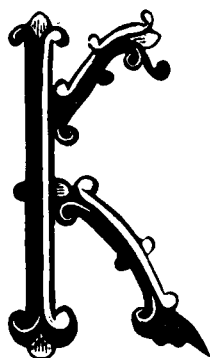

Скоморохи, люди вежливые,
Люди вежливы, очестливые!
Вы много по земле ходоки,
Вы много всем скорбям знатоки.
Вы скорби ухаживаете,
А недуги уговариваете.
У меня, братцы, жена скорбна,
Оленушка Клементьевна,
Клементьевна-Дементьевна,
Ее с вечера недуги берут,
В полночь черна немочь бьет,
К белой заре лихорадка трясет».
Ин тута скоморохи
Сглянутся — улыбнутся,
Отвернутся — рассмехнутся:
«Ой ты гой еси, Терентий-гость,
Славен, богат человек!
Ты пойди-ка во холщовой ряд,
Купи холщовой мех,
Ты недорого — три денежки дай,
А мочалище — полденежки,
Стало, без полушки грош,
Садися в холщовой мех!»
Пошли они к Терентью старому,
К Оленушке Клементьевне,
Клементьевне-Дементьевне.
Встречает их молода жена
Оленушка Клементьевна:
«Ой вы гой еси, скоморохи,
Скоморохи, люди вежливые,
Люди вежливы, очестливые!
Не видали ли немилого мово,
Терентья старого,
Терентья богатого?»
И тут скоморохи
Взглянутся — улыбнутся,
А отвернутся — рассмехнутся:
«Мы видели немилого твоего
Терентья старого
Против креста, проти чудного,
Проти чудна Остафейского:
Его вороны потаскивают,
Черны кобели поволакивают».
Возговорит жена молода
Оленушка Клементьевна:

«Избыла-де я немилого свою
Терентья старого,
Терентья богатого,
Нажила я свою волюшку!»
Тут возговорят скоморохи,
Скоморохи, люди вежливые,
Люди вежливы, очестливые:
«Ты слышишь ли, мешок,
Ты слышишь ли, холщов,
Что про тебя говорят,
Про твою буйну головушку?»
Он стал в мешке потягиваться,
Стал поволакиваться;
Холстинушка разорвалась,
А мочалище порвалось.
Встает тут Терентий-гость
На свои на резвы ноги,
Он берет трость жимолостну,
Половина свинцу налита,
Он стал скорби ухаживати,
Стал недуги уговаривати.
Тут возговорят скоморохи,
Скоморохи, люди вежливые,
Люди вежливы, очестливые:
«Ой ты гой еси, Терентий-гость!
Ты сам скорби ухаживаешь,
А недуги уговариваешь!»

Князь Роман жену терял

ак князь Роман жену терял,
Терял-терзал, в реку бросал,
Во ту реку во Смородину.
Приехал к своему широку двору,
Встречает его дочь любимая,
Принимает из кареты за белы руки,
Стала у батюшки выпрашивать:
«Государь мой родной батюшко!
Куда ты девал мою матушку?»
«Не плачь, не плачь, дочь любезная:
Пошла твоя матушка во высок терем,
Белится и румянится,
Во цветное платье наряжаются».
Пошла княжна во высок терем,
Искать своей матушки родимыя:
Белилочки стоят не белены,
Румянечки и не тронуты,
Цветно платье на грядочке.
Идет княжна — как река льется:
«Государь ты мой родной батюшко!
Куда девал мою матушку?»
«Не плачь, не плачь, дочь любимая,
Поехала матушка в чистое поле,
Цветочки рвать, веночки вить».
Выходила княжна на крылечушко,
Закричала своим громким голосом:
«Ах вы слуги мои, слуги верные!
Запрягайте скорее колясочку,
Повезите меня к матушке родимой,
Ах далече-далече во чистом поле
Цветочки рвать, веночки вить».
Приехала далече во чисто поле:

Цветочки стоят не сорваны,
А веночки не свиваны.
«Ах, нет моей матушки родимья!»
Как билася княжна об сыру землю,
Она плакала громким голосом.
Над ней летал млад орел-птица,
Орел-птица, птица царская,
Спускался к ней на белы руки,
В когтях держал руку белую,
Руку белую, руку правую,
Со перстнями со алмазными.
Что взговорит орел-птица:
«Не плачь, не плачь, молода княжна,
Не ищи ты своей родной матери:
Как князь Роман жену терял,
Терял-терзал, во реку бросал,
Во ту реку во Смородину.
Вот твоей матушки права рука.
Со перстнями, со алмазными!»
Приехала княжна к широку двору,
Восходила она во высок терем,
Она била руки о дубовой стол.
Услышал ее батюшка родимой,
Бежит к княжне во высок терем:
«Ты о чем плачешь, дочь любимая?»
«Государь ты мой родной батюшко!
За что погубил мою матушку?»
«Ах, свет моя дочь любезная!
Не я терял, не мои руки:
Потеряло ее слово противное.
Приведу я тебе матушку любезную».
Что возговорит молода княжна:
«Не желаю матушки любезных,
Желала б свою матушку родимую!»

Гибель брата

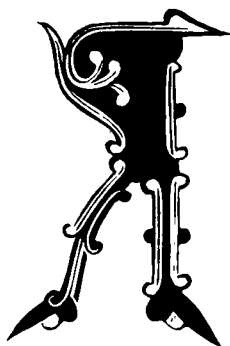
Уотца, у матери
Был один сынок.
Собрали, срядили,
В школу отдали.
Обучимши школьному,
В войско собрали.
Большая сестрица
Седлала коня,
Меньшая сестрица
Прощалась с ним:
«Прощай, прощай, братец,
Прощай, мой родной!
Да что же твой, братец,
Не весел стоит конь?
Да знать тебе, братец,
Век у нас не быть!»
«Малая сестрица!
Ты манехонька,
Ты манехонька,
Да умнехонька...
Выходи, сестрица,
На Дунай-реку,
С ведром по воду;
Увидишь там, сестрица,
Силу войскую,
Спроси там, сестрица,
Про брата своего...»
Выходила девица
На Дунай-реку,
На Дунай на речку,
С ведром по воду.
Увидела девица
Силу войскую,

Спросила сестрица
Про братца своего:
«Да где же мой братец,
Да где ж мой родной?»
«Не твоего ли братца
Ворон конь стоит?
Да и твой-то братец
Сильный воин был:
Три роты побил,
На четвертой роте
Головку сложил...
А вон — твоего братца
Во гробе несут:
По правую сторонку
Соколик летит,
По левую сторонку
Ворон конь идет!»

Князь Роман жену терял

(вариант)

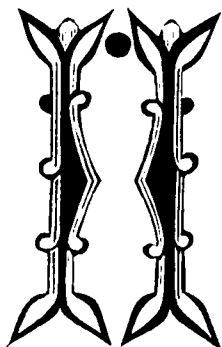

Лгляжу, сижу под окошечком,
Я гляжу, гляжу на Дунай-реку.
По Дунай реке бежат два волка,
Оба серые, хвосты белые.
Вы куда, волки, призадумали,
Куда, серые, призамыслили?
— Мы бежим, волки, ко Дунай реке,
Ко мосточку ко ракитову:
Там лежит убита твоя матушка,
Баска хороша, свет Михайловна,
Резвыми ножками ко Дунай реке,
Буйной головой в ракитов куст.—
Пометалась княжая дочи
Ко батюшку в нов высок терём:
«Ты скажи, скажи, сударь батюшко!
Ты куда девал мою матушку,
Баску хорошу, свет Михайловну?»
— А ушла, ушла твоя матушка
Что ль во погреба глубокие,
Что за двери за тяжелые:
Разводить квасы медовые
И поить гостей некормленных.—
Пометалась княжая дочи
Что ль во погреба глубокие,
Да за двери за тяжелые:
Там стоят квасы не развожены,
Гости там сидят не поены.
Пометалась княжая дочи
Ко батюшку в нов высок терём:
«Ты скажи, скажи, сударь батюшка,
Ты куда девал мою матушку
Баску хорошу, свет Михайловну?»

— А ушла, ушла твоя матушка
Что ль во горницу во новую:
Там румянечка по склянечкам,
Цветно платьице по грядочкам.—
Пометалась княжая дочи
Что ль во горницу во новую,
Там румянечка по скляночкам,
Цветно платьице по грядочкам.
Пометалась княжая дочи
Ко батюшку в нов высок терём:
«Ты скажи, скажи, сударь батюшка!
Ты куда девал мою матушку,
Баску хорошу, свет Михайловну?»
«Ты не плачь, не плачь, мое дитятко!
Я сострою тебе нов высок терём,
Я куплю тебе золотую цепь,
Я возьму тебе нову матушку».
«Ты сгори, сгори, нов высок терём,
Ты растай, растай, золотая цепь,
Ты умри, умри, нова матушка,
Ты возстань, возстань, стара матушка,
Баска хороша, свет Михайловна!»

Дети вдовы

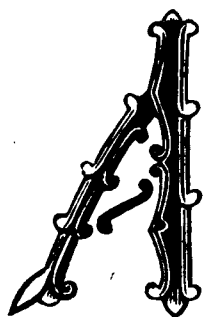

ринёсла вдова два сына, и два ясна сокола.
Запелёнала она их в пеленочки,
И запоясала она их поясиками,
И сколотила им дубочек из дощочек;
И понесла вдова да ко чисту́ полю,
Ко чисту полю, да ко синю́ морю,
Ко синю морю, да ко солóному.
Она спущат, да приговариват:
«Ты убай, убай, море синее,
Уж ты пой, корми, да поле чистое».
Пошла вдова ко чистому полю
С любимой дочерью богу молитися.
Молилась ровно тридцать лет,
И во снях-то ей да привиделось,
Наяву-то ей да показалось:
И как летит, летит два черна ворона,
Два черна ворона да два ясна сокола.
Тут пошла вдова тут ко синю морю,
Ко синю морю, и ко солоному.
И стоят, стоят да черные кóрабли,
Взошла она на кораб да стала спрашивать:
«Откуль же вы да из какой земли,
Из какой земли да какого вы царя,
Вы какого царя вы небесного?»
Уж как вы старые, дак я замуж иду;
Уж как вы молодые, так я дочь даю».
Один-от брат усумлеется:
«Это що, братцы, за чудо?
Это що, братцы, за диво?»
Как родна-то мать да идет да за сына,
Как родну сёстру дават за брата».

Та стала у них выпрашивать:
«Из чего у вас да черны корабли?
Из чего у вас да грузные якоря?
Из чего у вас да тонки парусы?»
«Черны корабли да из дощочек,
Грузные якоря да из гвоздечиков,
Тонки парусы да из пеленочек».
Тут-то мать догадалася.

Убитый брат

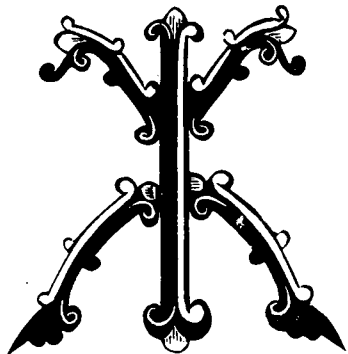

что то в поле да здучйт-грючйт?
Да здучит-грючит — три сестры в поле.
Да чего ж они да здучйт-грючйт?
Да здучат-грючат — они брата ищйт.
Первая пошла — звездою в небу,
А другая пошла — вихрами в поле,
А третья пошла — щукою в море.
Звездою пришла — не нашла брата,
Щукою пришла — не нашла брата,
Вихрами пришла да й нашла брата,
брата рóдного.

Да лежит братец в чистом поле.
В чистом поле, под грушею, под кудрявою,
Его ножечки возле дорожечки,
Его ручечки возле кучечки,
А головка его в раки́тóm кусте.
Прилетело к нему да три ласточки,
Три ласточки, три касáтые.
Первая села на буйнóй голове,
А другая села на резв́ых ногах,
А третья села на ретив́ых руках.
На буйной голове — да то мать его,
На резвых ногах — то жена его,
На ретивых руках — то сестра его.
Ой, мать плачет, ой, век до веку,
Сестра плачет, ой, год до году,
Жена плачет, ой, день до вечера.
Где мать плачет, там река льется,
Где сестра плачет, там колодязи,
Где жена плачет — там росы нету.

Братья-разбойники и сестра

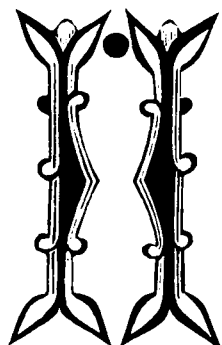

ила-была вдова па́шица.
Как у той вдовы было у пашицы
Много детушек, да мало девушек:
Девять сыновей, да единая дочь.
Все-то сыновья да во разбой пошли,
Молодую дочь ведь замуж выдали,
Замуж выдали да за синё море,
За синё море да красовитое,
За того купца да за богатого.
Уж я год жила, да не стоснулася,
Я другой жила, да в умах не было.
Мне на третий год да стосковалося
По родимой да по сторонущке.
Я у свекрушка да испросилася,
Я у свекровушки да сподавалася,
С мужем вздумали се, да поехали.
Выезжали мы да на синё море,
На синё море да красовитое.
Не тученька ли с моря повыстала,
Не белы ль снежки с неба попадали,
Приставали мы ко берегу,
Тут нападали на нас разбойники,
Моего мужа взяли да зарезали,
Мальчика да в воду бросили,
Меня мóлоду да обезчестили.
Наступала тут да ночька темная,
Ночька темная, да ночь осённая,
Все разбойнички да спать поулеглись,
Молода вдова да порасплакалась.
Одному разбойничку да не поспалось,
Молоду вдову да стал выпрашивать,
В уме-разуме да стал выпытывать:
«Ты скажи, скажи, да молода вдова,

Ты какого роду есть да племени,
Поповского али господского?»
«Уж я есть роду крестьянского,
У меня ль было девять братцев родимых.
Девять братцев во разбой пошли,
Единую дочь да замуж выдали,
Замуж выдали да за синё море,
За синё море да красовитое,
За того купца да за богатого».
«Станьте-ко, братцы родимые!
Мы каку беду да теперь сделали:
Зятя взяли да зарезали,
Племянничка в воду бросили,
Родну сестру да обезчестили!»
Все разбойнички да тут повь́стали,
Все разбойнички да тут расплакались.

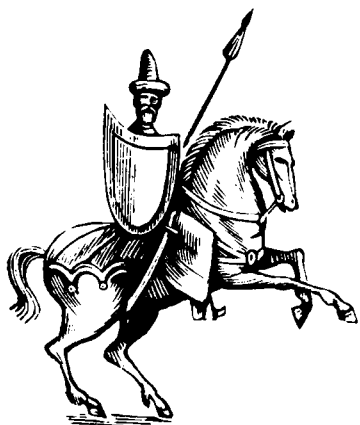

Князь Михайло

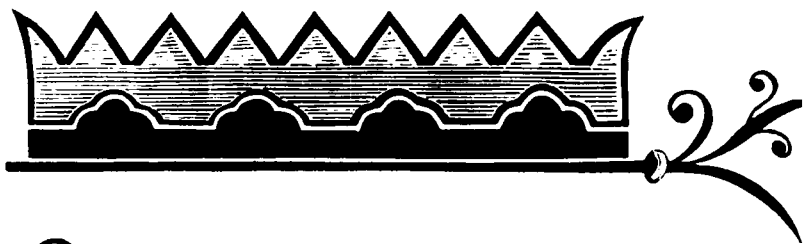
оехал князь Михайло жениться,
Женился, у матушки родимой не спросился,
Обвенчался он, ей не сказался.
Его матушка родима
Была гневна и сердита.
Он поезжал, Михайло, воевати,
Своей он матушки молился:
«Ай же ты, матушка родима!
Береги мою княгиню,
Ты корми мою княгиню
Ествушкой сахáрной,
Уж ты пой мою княгиню
Питвицем медвяным,
Ты води мою княгиню
В собор богу молиться,
Ты ложи мою княгиню
В маленьку спальню.
А сама ложись с княгиней
На тесовую кроватку».
Его матушка родима
Скоро с дому спроводила,
Парну баенку топила,
Парну байну, не угарну.
Созвала мати княгиню
В парну баенку помыться,
Нажигала она горюч камень
До калины,
Положила горюч камень
Мать княгини на утробу.
Княгиня в первый раз вскричала,

Все граждана услышали;
Во второѣ-т раз вскричала,
Вся палата задрожала;
А и в третій раз скричала,
Земля мать задрожала.
Выжигала у княгини
Мать младеня из утробы,
Завернула мать младеня
В белотравчату рубашку,
Положила мать княгиню со младенем
В белодубову колоду,
Набивала на колоду
Три обруча железных,
Опустила мать колоду
В синѣ море Волынско.
У него, князя Михайлы,
Вороной конь его споткнулся,
Востра сабелька сломилась,
Из глаз слезы покатились.
Испроговорит князь Михайло:
«Вы постоит-ка, ребята,
Разве дома у меня нездорово:
Родна матушка неможет,
Молода жена хворает».
Приезжал тут Михайло
Ко своей белокаменной палаты.
Его матушка встречала,
Со приездом проздравляла,
Со приездом проздравляла,
Со добра коня снимала.
Испроговорит князь Михайло:
«Ах ты, матушка родима!
Не тебе б меня встречати
Со приездом проздравляти,
Со добра коня снимати,
А молодой моей княгине.
Ах ты, матушка родима!
Где моя княгиня?»
«Твоя-то, князь, княгиня
Горда и спесива,
Все в горенке просидела,

В окошко просмотрела,
На кровати пролежала,
На кроватке на тесовой,
На перинке на пуховой,
Не пила и не ела,
Никуда не выходила».
Его слуги верные встречали,
Со приездом проздравляли.
«Слуги верные любимы!
Где моя княгиня?»
Слуги верны говорили:
«Твоя-то, князь, княгиня
В синем море Волынском,
В белодубовой колоде:
Тебя матушка родима
Скоро с дому спроводила,
Парну баенку топила,
Парну байну, не угарну,
Нажигала мать горюч камень
До калины,
Созвала мати княгиню
В парну баенку помыться,
Положила горюч камень
Мать княгине на утробу,
Выжигала у княгини
Мать младеня из утробы,
Завернула мать младеня
В белотравчату рубашку,
Положила княгиню со младенем
В белодубову колоду.
Поди-тко к рыболовам,
Князь Михайло,
Пускай они закинут шелков невод».
Он пошел, князь Михайло,
К рыболовам,
Велел он рыболовам
Закинуть шелков невод.
Шелков невод закидали,
Колоду вытягали,
Тут колоду разбивали.
Увидал тут князь Михайло

Княгиню со младенем,
На колоду ушибался,
Со белым светом прощался,
Со своей душой расстался.
Его маменька родима
Вдоль по бережку ходила,
По бережку ходила,
Причёты говорила:
«Тяжко, тяжело согрешила,
Три души я погубила:
Перву душу безымянну,
Другу душу безответну,
Третью душеньку сердечну!»

Рябинка

ак у нас было в воскресенье-день,
Как свекровь пошла ко заутрене,
Сноху послала во чисто поле:
«Ты стань, сноха, там рябиною,
Там рябиною, да кудрявою,
Отростками — малы детушки!»
На ту пору муж от службы шел,
Пришел домой, стал он сказывать:
«Уж сколько я ни хаживал,
Такой дивушки не нахаживал,
Уж и что это за рябинушка,
За рябинушка, за кудрявая,
Что без ветру она да качается,
Ко сырой земле приклоняется!»
«Ах ты, сын ты мой, сын возлюбленный!
Ты возьми свою саблю острую,
Сруби эту ты рябинушку».
Он раз секнул — она вздрогнула,
Он другой тюкнул — кровь ли брызнула,
Он третий тюкнул — слово молвила:
«Не рябину сечешь ты — молодую жену,
Не кудрявую — с малыми детками!»
Пришел домой, стал он спрашивать:
«А где моя молода жена?»
«Твоя жена, она гулять пошла».
«А где мои малы детушки?»
«Малых детушек с собой взяла».
«Не мать ты мне, не рódная,
Змея ты мне, змея лютая,
Тымышь ли,мышь подкопенная!»

Молодец и королева

Гулял молодец по Украине
Ровно тридцать лет и три года,
Загулял молодец к королю в Литву,
Король молодца любил, жаловал,
Королева не могла наглядеться
На его красоту молодецкую.
Как стал молодец упиваться,
Буйными словесами похваляться:
«Уж попито, братцы, поедено,
В краснѣ в хорошѣ похожено,
С одного плеча платья поношено,
Королеву за ручку повожено,
С королевной на пиринушке полежено».
Уж как злы-лихи на молодца своя братья,
Доносили на молодца самому королю:
«Ты гой еси, наш батюшко грозной король,
Не знаешь про то дело, не ведаешь:
Живет королева с добрым молодцем».
Король на молодца вдруг прогневался,
Закричал, завопил громким голосом:
«Как есть ли у меня слуги верные?
Вы возьмите удалого добра молодца,
Посадите его в темну тѣмницу,
А сами подите во чистѣ поле.
Вы роите две ямы глубокие
И вы ставте два столбичка высокие,
Перекладинку положите кленовую,
Вы петельку повесьте шелковую,
Поведите удалого добра молодца,
Не ведите вы его вдоль по улице,
Поведите вы его позади дворца,
Не увидела бы королевшна».
На первую ступень ступил молодец:

«Прости, прости, мой отец и мать»,
На другу ступень ступил молодец:
«Прости, прости, весь род-племя»,
На третью ступень ступил молодец:
«Прости, мой свет королевшна!»
Далеко королевна голос слышала,
Бежала в свой во высок терем.
Брала она свои золоты ключи,
Отпирала шкатулу серебряну,
Вынимала два ножичка булатные,
Порола свои груди белые.
Молодец в чистом поле качается,
Королевишна на ноженьках кончается.
Пришел к ней скоро родной батюшка,
Не успел король лише взозрити,
Увидел убиту королевшну,
И он бил свои руки о дубовой стол:
«Ах свет ты моя дочь любезная,
Для чего мне заранее не поведала,
Что жила во любви с добрым молодцем—
Уж я бы доброго молодца пожаловал,
От смерти б добра молодца помиловал».
Закричал, завопил громким голосом:
«Уж есть ли у меня слуги верные?
Пошлите ко мне двух грозных палачей,
Рубили бы головы доносчикам,
Кто доносил на королевшну».

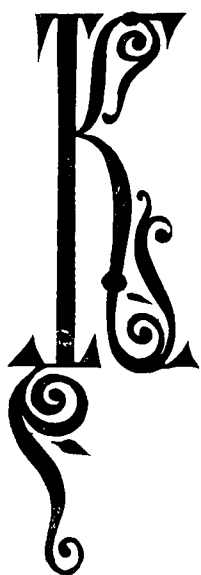

Толкла я злые кореньица в ступочке,
Сеяла я злые кореньица на ситочке,
Сыпала я злые кореньица в зеленó вино,
Зазывала я доброго молодца к себе в гости,—
Подносила я доброму молодцу зелена вина.
Как с вечера у доброго молодца
 голова больно болит,
К полуночи добрый молодец перестави́лся.

Молодец и королевна

(вариант)

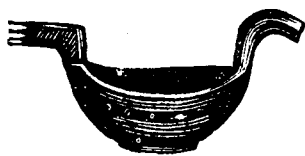

ак на соловья не зима бы да не студёная,
Не морозы бы да ведь крещенские,
Не летал бы я соловей по мхам, по болотищам,
И по частым да наволочищам.
А как на молодца да не служба б государева,
Не наборы ведь солдатские,
Не ходил бы молодец по чужой дальней
по сторонущке,

А по той по свирской по украине.
Вот пошел молодец из земли в землю,
А зашел молодец к королю в Литву:
«Ай ты, батюшко, да король польский!
Ты прими молодца во слуги-рабы,
Во слуги-рабы прими, да хоть во конюхи».
Я во конюхах-то жил да цело три годы,
Не ходил молодец во царёв кабак,
И не пил молодец меду сладкого,
И не пил молодец пива пьяного,
Не закусывал да белым сахаром.
Меня бог, добра молодца, миловал,
А король молодца да любил-жаловал.
Тут пожаловал молодца во стольнички.
Я во стольничках-то жил да цело три годы,
Не ходил молодец во царёв кабак,
А не пил молодец меду сладкого,
И не пил молодец пива пьяного,
Не закусывал да белым сахаром.
Меня бог, добра молодца, миловал,
А король молодца да любил-жаловал,
А пожаловал-то молодца во ключники.
Я во ключниках-то жил да цело три годы,

Не ходил молодец во царёв кабак,
А не пил молодец меду сладкого,
И не пил молодец пива пьяного,
Не закусывал да белым сахаром.
Как у того короля политовского
Была дочь Настасья красивая.
«Государь ты мой, да король-батюшко!
Ты дай-ко мне к кровати кроватничка».
Испроговорит король политовский:
«Выбирай себе к кровати кроватничка:
Хоть из князей-то иль из бояров,
Иль из сильных могучих богатырей,
Или из тех ли поганных татарин».
Испроговорит Настасья королевична:
«Мне не надо к кровати кроватничка
Мне не из князей-то, не из бояров,
Не из сильных могучих богатырей,
А ты дай-ко мне к кровати кроватничка
Своего ты любимого ключничка».
Я в кроватничках жил да цело три годы.
Тут зашел молодец во царёв кабак,
А напился молодец меду сладкого,
А напился молодец пива пьяного,
А он сам говорит таковó слово:
«Я служил королю всех двенадцать лет:
Перво три годы служил я да во конюхах,
Друго три годы служил я да во стольниках,
Третье три годы служил я да во ключничках,
Четверто три годы служил я да во постельничках.
Я тесовой кроваточки не складывал,
Я пуховой перинки не растряхивал,
Круто-складного зголовьица не складывал,
Соболина одеяльца не натягивал,
А я спал-то со Настасьей королевичной,
А я спал у ей да на правой руки,
Часто я бывал да на белой груди».
Тут схватили удалого молодца,
Повели в тюрьму да богадельную.
Через три дни молодцу решеньицо
Отрубить-то ему буйна голова.
Испроговорит удалый добрый молодец:
«Ай же вы, палачи политовские!
Вы берите с меня золотой казны,
А вы только берите, сколько надобно,
Вы ведите меня мимо окошечек королевичных».

Закричал удалый добрый молодец:
«Ты прости, прости, Настасья королевична!
А ведут меня-то на дощечку да на липову
Отрубить-то мне да буйну голову!»
Тут проговорот Настасья королевична:
«Ай же вы, палачи политовские!
Вы спустите сего удалого молодца,
Вы берите с меня золотой казны,
А вы только берите, сколько надобно,
Вы возьмите татарина хоть мертвого,
А хоть мертвого, да еще мерзлого,
Отрубите ему да буйну голову,
Донесите королю политовскому,
Что за его поступки неумильные
А отрублена ему буйна голова».
Тут проговорот Настасья королевична:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
А есть ли дома у тебя отец и мать,
Есть ли у тебя да молода жена,
А есть ли у тебя да малы детушки?»
Тут проговорот удалый добрый молодец:
«Есть у меня дома отец и мать,
Есть у меня и молода жена,
Есть у меня и малы детушки!»
Тут проговорот Настасья королевична:
«Ты возьми-ко мои золоты ключи,
Отмыкай мои кованы ларцы,
Ты бери себе да золотой казны.
Ты только бери, сколько надобно,
Чтобы было довольно твоим
да малым детушкам!»
А тут век про Настасью старину скажут,
Синему морю на тишину
А вам всем добрым людям на послушание.

Молодец и королевна

(иной вид)

Крапива-крапивушка, крапива стрекучая,
Одолела крапивушка поле чистое!
Охочь был молодец по полям ездить,
Он охочь был стрелять гусей-лебедей:
Опоздал же молодец домой ехать.
В чистом в поле было три дороженьки:
Первая дорога к отцу к матери,
Вторая дорога к роду к племени,
Третья к своему городу.
В городе ворота были заперты;
У ворот караульщики крепко спят да
не прósнутя;
Выходила королевна на ново крыльце,
Отпирала королевна городские ворóтечки,
Она впускала удалова-доброва молодца:
«Ты иди со мной полегонечку,
Говори со мной потихонечку».
Королева на утро стала спрашивать:
«Уж ты дочь моя, дочь любимая!
Уж с кем же ты нынче ночью разговаривала?»
«Уж ты милая моя мать родимая!
Мне спалось малось, во сне много виделось:
Будто ты, моя мать, во гробу лежишь,
Пред тобой стоят попы, дьяконы,
Они поют память вечную».
У стола, стола государева
Служил добрый молодец.
Добрый молодец хмелен напивается,
Во хмелю королевской дочерью похваляется:
«Уж я спал-почивал с королевской дочерью
На одной кровати!»
Были люди доносчики,
Доносили самому королю:

Как вскричит король громким голосом:
«Уж вы слуги мои, слуги верные!
Вы подите-приведите доброго молодца!»
Стал король у него спрашивать:
«Сколько же ты жил с моей дочерью?»
«Я не мало, не много — ровно три года».
Как вскричал король громким голосом:
«Уж вы слуги мои, слуги верные!
Вы подите в чисто поле,
Копайте две ямы глубокия,
Становите два столба еловые,
Кладите перекладины дубовыя,
Вешайте петельку шелковую,
Вы возьмите-приведите доброва молодца,
Не ведите молодца переди дворца,
Вы ведите молодца позади дворца!»
Молодец в петельке качается:
Королевская дочь в терему кончается.

Алеша и сестра двух братьев

Беседа ли, беседа,
Смиренная беседа,—
Во той во беседе
Сидели тут два брата,
Два брата родные,
Хвалились сестрою,
Своей сестрой родною:
«У нас сестра хоро́ша,
Голубушка пригожа:
На улицу не ходит,
В хороводы не играет,
В окошечко не смотрит,
Бела лица не кажет».
Где ни взялся Алеша,
Алешенька Попович:
«Не хвалитесь, два брата,
Своей сестрою родною:
Я у вашей сестры был,
Две ноченьки ночевал,
Два завтрака завтракал,
Два обеда обедал,
Два ужина ужинал».
Как взгóворит большой брат:
«Пойдем, братец, ко двору,
Сожмем снегу по кому,
Бросим сестре во терем».
Что взговорит нам сестрица:
«Не шути шутку, Алеша!
Ступай прямо во терем:
Моих братьев дома нету».

Как взговорит большой брат:
«Пойдем, братец, в кузницу,
Скуем, братец, сабельку,
Срубим сестре голову!»
Покатилась головка
Алешеньке под ножки.
А бог суди Алешу:
Не дал пожить на свете!

Молодец и худая жена

„Как женил-то меня батюшко неволею,
Родна матушка — неохотою.
И они брали из места из богатого,
И много-множество было приданого за ней,
И много-множество, а человека с дела нет.
И мне-ка нечем при своей братье похвастати». —
И еще вздумал добрый молодец гулять идти.
И ушел-то добрый молодец ко синю морю.
Он ходил-гулял ровно девять лет.
Со синя моря туманы поднимались,
Молодцу пала кручина в ретивое сердце,
И еще вздумал добрый молодец домой идти:
«Мне к батюшке идти — живым не застать,
К роду-племени идти — не узнают меня,
Я пойду-ка, добрый молодец, к молодой своей
жене».

И он идет-то, добрый молодец, по улице,
Вдоль по улице идет да по широкой.
Тут играли-поиграли два мальчика.
Он говорит таковы слова:
«Гой вы еси, два мальчика!
Кто этта живет? Чья изба это стоит?»
И проговорят два маленьких мальчика:
«Тут живет-то наша матушка родимая
И пречестная вдова благодатная».
«А где у вас родимый батюшка?»
«Ушел-то наш батюшка ко синю морю».
Услыхала их матушка из высокого из терема
И отворяла окошенку стеклянную,
И сама говорила таковы слова:
«И не всходило красно солнышко три года,
И не всходило красно солнышко шесть годов,

И не всходило красно солнышко девять лет,
А сегодня красно солнышко высоко взошло!»
И бежит она на улицу на широку,
И сама говорит таковы слова:
«Ой вы гой еси, мои дети милые!
И пришел-то ваш родимый батюшка,
И берите его за белы́ руки,
И ведите его в нову горницу,
Садите за столы за дубовые,
За скатерти браные,
За яствы за сахáрные,
И пойте, кормите, кланяйтесь».

Брат, сестра и любовник

ак у нас-то было, было в зеленóм саду,
Под грушею было под зеленою,
Под яблоней было под кудрявою:
Стругал стружки добрый молодец,
Сбирала стружки красная девица,
Бравши стружки, она в костер клала,
В костер клавши, она змею пекла,
Змею пекла, пепел веяла,
Пепел веяла, зелье делала,
Состав составляла в зеленом вине.
Ждала к себе друга милого,
Своего она братца родимого.
Едет братец, что сокол летит,
Сестра к братцу, что змея сипит.
Встретила братца посреди двора,
Чару зелена вина наливаючи,
Свое горе, горе проклинаячи.
Уж как капнула капля коню на гриву,
У коня грива загоралася,
Уста у брата кровью запекались,
Успел братец он сестре сказать:
«Схорони ты меня между трех дорог,
Обсей же меня ты цветочками,
В головах поставь поклонный крест,
А в ногах привяжи воронá коня:
Стар пойдет — он богу помолится,
А млад пойдет — на коне поездится,
А девушки пойдут — нагуляются.
А сестра-то пойдет — слезно наплачется».
Как вечер ко мне мой милой пришел:

«Ходи, мил друг, теперь смелей,
Извела я твоего недруга,
Своего братца родимого».
«Коль умела ты братца извести,
Изведешь и меня, мóлодца,
Оставайся ж ты теперь одна!»
При том девушка слезно заплакала:
«Извела я брата родимого
И лишилася друга милого».

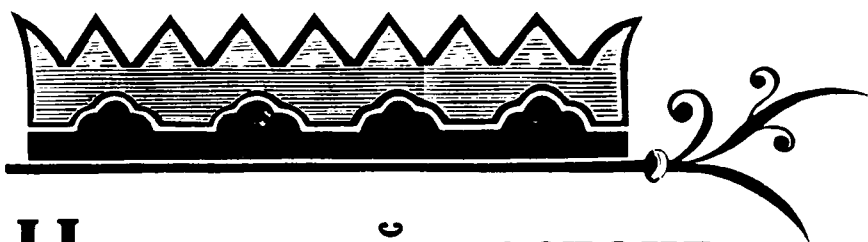
Худая жена — жена умная

Ий сидит кручинен доброй мóлодец,
Да й сидит печален доброй молодец,
Он повесил свою буйную головушку
Да й пониже плеч своих могучиих.
«Ты чего сидишь печален, доброй молодец,
Ты чего сидишь кручинен, доброй молодец?»
«Еще как-то молодцу мне не кручиниться?
Еще как-то молодцу мне не печалиться?
Так вечер-то лег я — не поужинал,
Я утрось-то стал — да не позавтракал,
Пообедати схватился — там и хлеба нет.
Поневолили-то молодца жениться,
Поженили-то в деревне у соседушка,
У соседа они брали у богатого,
Да й приданого-то много, — человек худой.
Ай приданое висит на грядочке,
Да й худая жонка-то на ручке спит.
То мне не с кем добру молодцу погладиться,
Да и не с кем добру молодцу поластиться». —
Оттого-то молодец да во гульбу пошел,
Во гульбу пошел, да во гуляньицо.
Еще день за день, как будто дождь дождит,
Да й неделя за неделю как река бежит,
Да пошел-то молодец а из землй в землю
Из земли в землю, да из орды в орду,
И зашел-то к кóролю к литовскому,
Да й задался во служение к литовской
королевичной,
Да й служил у ней двенадцать год,
А двенадцать год служил он верой-правдою,
Верой-правдой он служил, да не изменою:
На кровати спал он на тесовую,

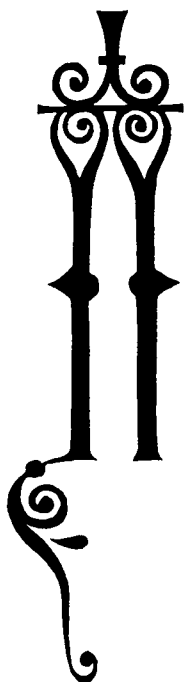

Ай на той он на перинке на пуховую,
У самой ли-то у ней да на белóй груди.
Столковалось тут дородну добру молодцу
По своей-то по родимой по сторонушке,
Он доклáдал королю литовскому:
«Ай ты батюшко, король литовский!
Столковалось по родимой мне сторонушке,
Захотелось посмотреть мне на отцовско
на поместьицо:
Там не выросло ль зеленое крапивушко?»
Приказал король ему коня седлать,
Королевична литовская
Насыпала-то бесшчетну золоту казну,
Во шелкóв камверт да запечатала,
Положила она молодцу в глубок карман;
Ай поехал тут дороднëй доброй молодец.
Аще день за день, как будто дождь дождит,
Той неделя за неделю как река бежит,
Ай-то ехал молодец да из орды в орду,
Да й проехал молодец он из земли в землю,
Приезжал он на отцовско на поместьицо.
На отцовскоём да й на поместьице
То стоит худая мала хижинка,
Да й у той ли малой худой хижинки
Ходит малых два глупых два вьюнышка.
Говорил-то им дороднëй доброй молодец:
«Ай же малые вы, глупы вьюнышки!
Вы которого-то дому, да коей семьи?
Еще есть ли то у вас да отец, матушка?»
Отвечали ему малы глупы вьюнышки:
«Ай ты, дядюшка, да и не знаёмой!
Только есть у нас одна родитель матушка,
Ай то нет у нас да рóдна батюшка».
Говорил-то им дороднëй доброй молодец:
«Ай же малые вы, глупы вьюнышки!
Ай куда у вас ушла да родна матушка?»
Говорили ему глупы малы вьюнышки:
«Ай ушла-то наша родна матушка
На крестьянскую да на роботушку,
А и тем она да нас воспитыват».
Он стоял-то ведь до позднего до вечера.
Тут худая-то жена, да жена умная,
Жена умная, многоразумная,
То идет она с крестьянской со роботушки,
Во правóй руки несет-то косу вострую,

Во левóй руки несет-то грабли частые,
На плечах бедна́ горю́щица дрова несет.
Приходила-то к худою к малой хижинке.
Говорил-то ей дороднѣй доброй молодец:
«Ай честна́я ли ты вдова, аль жена мужняя?»
Отвечала-то ему да жена умная,
Жена умная, многоразумная:
«Не вдова-то есть, жена не мужняя,
Сирота я есть да горе-горькая».
Говорил-то ей дороднѣй доброй молодец:
«Не вдова ты есть, да жена мужняя!»
«Почему ты меня знаешь, жену мужнюю?»
«Потому я знаю жену мужнюю,
Что с тобою мы росли да близко-поблизку,
Да играли мы с тобою в шашки, в шахматы,
Да во славны по велеи во немецкие,
Ай тогда с тебя я часто ѣзды брал...
Подойти-тко ты ко мне, да жона умная,
Жона умная, многоразумная,
Положи-тко свои ручки во глубок карман,
Вынимай-ко из кармана ты шелко́в камверт,
Вынимай камверт, да распечатывай».
То худая-то жона, да жона умная,
Жона умная, многоразумная,
Подошла она к дородню добру молодцу,
Положила свои ручушки в глубок карман,
Вынимала-то оттуль она шелков камверт,
Вынимала-то камверт, да распечатала,
Находила во камверте свой злачѣн перстень,
А когда они венчались во матушки
Дай во матушки венчались во божьѣй церкви,
Тогда этим она перстнем обручалася.
Она брала-то за ручушки за белые,
За его за перстни за злачѣные.
Целовала во уста его сахарные,
Называла-то себе мужо́м любимым.

Насильный постриг

апенька с маменькой спор спорили,
Спор спорили об своей дочери:
Маменька хочет игуменье отдать,
Папенька хочет за князя отдать.
Маменька пошла за сто двадцать верст,
Папенька пошел за сто семьдесят верст.
Немного погодя и маменька идет,
Маменька идет и игуменью ведет,
Игуменья идет, востры ножницы несет:
«Садись-ка ты, девица, мы станем постригать».
«Дайте мне, девице, цветное платье снять!»
«Снимешь ты, девица, как чёрно надевать».
«Дайте мне, девице, русу косу расплесть!»
«Расплетешь ты, девица, как станем постригать».
«Дайте мне, дивице, лицо бело измыть!»
«Смоешь ты, девица, горючим слезам».
«Дайте мне, девице, с подружкам проститься!»
«Простишься, девица, как в келию пойдешь».
Немного погодя и папенька идет,
Папенька идет и князя ведет.
Князь молодой удивляется:
«Чья это шапочка на столике лежит?
Чья это руса коса на гвоздике висит?
Чья это монашина хорошая сидит?»
«Князь молодой, ступай с богом домой,
Уж верно мне, девице, не быть за тобой!»

Старец Игренище

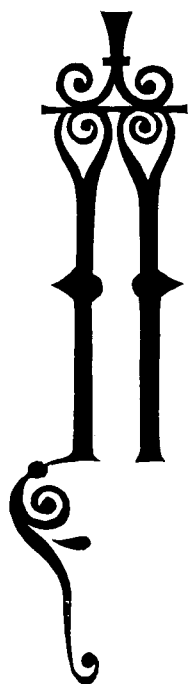
Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игрэнище
Игрэнище-Кологрэнище,
А и ходит он по монастырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, душа спасти, ее в рай спусти.
Пришел-та старец под окошечко
Человеку к тому богатому,
Просил честную он милостыню,
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя.
А тот удалой господин добре
Сослал редечки горькия
И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя
А с тою ли девушкой поваренною.
Сошла та девка со двора она
И за те за ворота за широкие,
Посмотрит старец Игренище-Кологренище
Во все четыре он во стороны,
Не увидел старец он, Игренище,
Во всех четырех во сторонушках
Никаких людей не шатаются, не мотаются,
И не рад-та старец Игренище
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя,
А и рад-та девушке-черनावушке.
Ухватил он девушку-черनावушку,
Ухватил он, посадил в мешок
Со тою-та редькою горькою,

И со той капустой белою,
И со той со свеклой со красною.
Пошел он старец по монастырю,
И увидели его ребята десятильниковы,
И бросались ребята они ко старцу,
Хватали они шилья сапожные,
А и тыкали у старца во шелковый мешок:
Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
Из красной свеклы рассол пошел.
А и тута ребята десятильниковы,
Они тута со старцем заздорили.
А и молится старец Игренище,
А Игренище-Кологренище:
«А и гой вы еси, ребята десятильниковы!
К чему старца меня обидите?
А меня вам обидеть — не корысть получить.
Будьте-тка вы ко мне в Боголюбов монастырь,
А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-то носить да не износить;
А другому дам камчат кафтан,
Он весь-та во тетивочку повыстеган;
А третьему дам сапожки зелен сафьян
Со теми подковами немецкими».
А и тут ему ребята свободу дают,
И ушел он, старец Игренище,
А Игренище-Кологренище
Во убогие он свои во келейки.
А поутру раненько-ранешенько
Не изробели ребята десятильниковы,
Промежду обедни, заутрени
Пришли они, ребята десятильниковы,
Ходят они по монастырю,
А и спрашивают старца Игренища,
Игренища-Кологренища.
А увидел сам старец Игренище,
Он тем-та ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:
«Вы-та ребята разумные,
Пойдем-ка ко мне, в келью идите».
Все рассказал им подробно все,
А четверть пройдет — другой приди,
А всем рассказал, по часам рассказал.
Монастырски часы были верные,

А который побыстрее их, ребят,
Наперед пошел ко тому старцу ко Игренищу.
Первому дал он пухов колпак:
А брал булаву в полтретья пуда,
Бил молодца по буйной голове —
Вот молодцу пухов колпак,
Век носить, да не износить,
Поминать старца Игренища.
И по тем часам монастырским
А в четверть прошла — другой пришел.
А втапору старец Игренище
Другому дает кафтан камчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболок его, детину, донага,
Полтора-та ударов ему в спину вlepил.
А и тех-та часов монастырских,
Верно-та, их четверть прошла,
И третей молодец во монастырь пошел
Ко тому старцу ко Игренищу,
Допрошался старца Игренища.
И завидел его старец Игренище,
Игренище-Кологренище,
А скоро удобрил и в келью взял.
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.
«А вот вы, ребята десятильниковы,
Всё я вас, ребят, пожаловал:
Первому дал пухов колпак,
А и тот ведь за кельей валяется,
А другому наделил я камчат кафтан,
А и тот не ушел из монастыря,
А последнему — сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить да не износить!»

Федор Колыщатой

Доехали два брата, два Волховича,
к солнышку Владимиру.
У солнышка Владимира на пиру были
пьяны-веселы,
Кто хвастает своим богатством, кто хвастает
молодой женой,

А кто хвастает слугою верною.
Два брата ничем не хвастают.
Тут спроговориł солнышко Владимир-князь:
«Уж почто, два брата, не хвастаете?»

Тут встают два брата на ножки на резвые,
Еще кланяются они понижёшенько.
«Еще чем будем мы хвастати?»

Еще есть у нас родна сестрица,
Свет по имени Софьюшка-волшебница,
Не перед свет свечой блад светел месяц,
Не обогреет ее красно солнышко».

Тут сидит со царем во рядом,
На том было на стулике на ременчатом,
Свет по имени Федор сын Колыщатой.

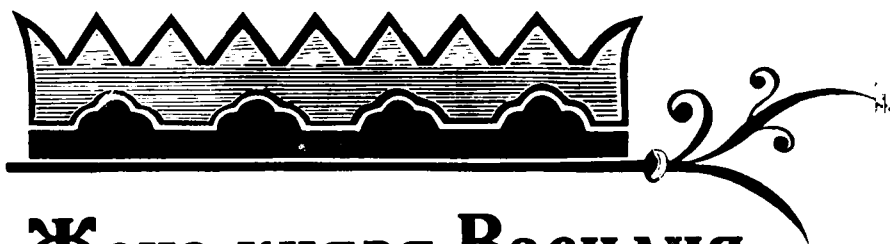
Встает он на ножки на резвые,
На зелен сафьян сапоженки,
На те белы чулочки пеньковые,
Еще кланяется он понижёшенько:
«Уж то правда, два брата, пустым хвастаете,
Видел, видел я вашу сестрицу в рубашке
без поясу».

Еще в те поры два брата обстыдились.
Поехал Федор к Софьюшке-волшебнице:
«Уж тобой я, душечка, призахвастался».
Тут спроговорит Софьюшка-волшебница:
«Уж теперича нам живым не быть».
Тут разъехались два брата, два Волховича:

«Выходи ты, Федор, на красное крыльцо».
Тут спроговорит Софьюшка-волшебница:
«Хоть лежать тебе, доброму молодцу,
не отлежатися,
Хоть сидеть тебе, доброму молодцу,
не отсидетися».

С душой Софьюшкой распростилися,
Выходил Федор на красное крыльцо.
Еще подкололи два брата, два Волховича,
На два копышка булатные.
Еще в ту пору Софьюшка-волшебница
подкололася

На два ножечка булатные.
Еще в те поры два брата прослезилися:
«Уж не знали мы, сестрица, над тобой это
случится,
То совокупили мы голубя с голубицею».

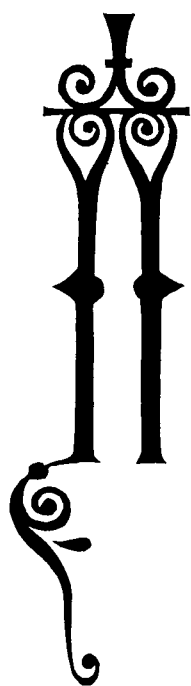

Жена князя Василия

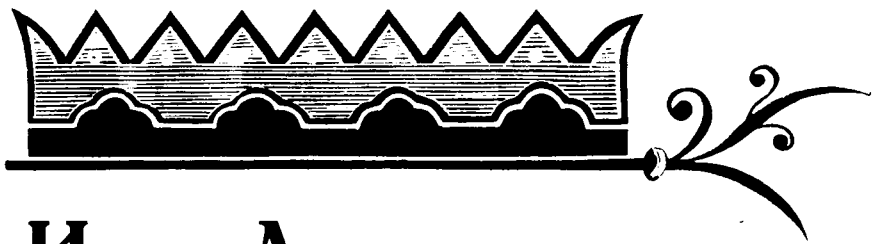
На синём было на́ море,
На тихом было за́водье,
Потонул тут Василий-князь,
От злата венца идучи.
Оставалась молода княжна:
«Уж вы боя́ра, боя́ра!
Воротите вы ко́моня
На родимую сторону
Ко родимому батюшке,
К государыне матушке».
Они приехали к батюшке;
Посмотрела в окошечко
Молодая невестушка:
«Богоданная матушка!
К нам не гостюшка приехала,
К нам приехала надворница,
Вековая постельница».
«Ой вы гой еси, боя́ра!
Воротите вы ко́моня
Ко святому мона́стырю,
К са́мобольшей игуменье.
Ты честна́я игуменья!
Постриги меня в ста́рицы,
Ты построй мне-ка келейку,
Просеки три окошечка:
Первое-то окошечко
Ко святому Благовещенью,
А второе-то окошечко
На родимую сторону,
А как третье-то окошечко
На синее на́ море,
На тихое на за́водье:
Потонул тут мой венчаный муж,
Мой венчаный муж — Василий-князь!»

Молодец и три татарина .

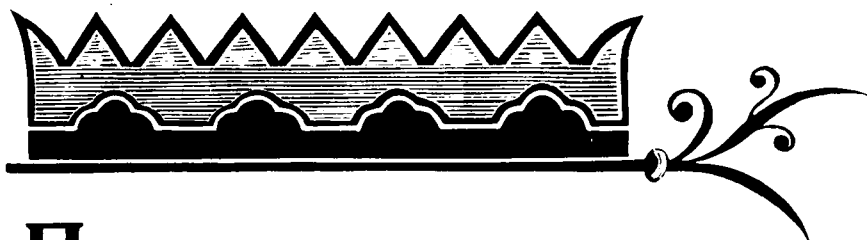
ри курганчике, при широком раздольице,
Добрый молодец спочив имел,
Спочив имел, день до вечера,
Осеннюю темную ночушку до белой зари.
Наезжали на доброго молодца три охотничка,
Три охотничка, три татарина.
Один говорит: «Из ружья убью»;
А другой говорит: «Я копьем сколю»;
А третий говорит: «Я живого возьму».
Добрый молодец ото сна пробуждается,
За шелков чумбур хватается,
На своего доброго коня наскоро сажается,
Он и первого татарина сам из ружья убил;
А другого татарина копьем сколол;
А третьего татарина живьем повел.

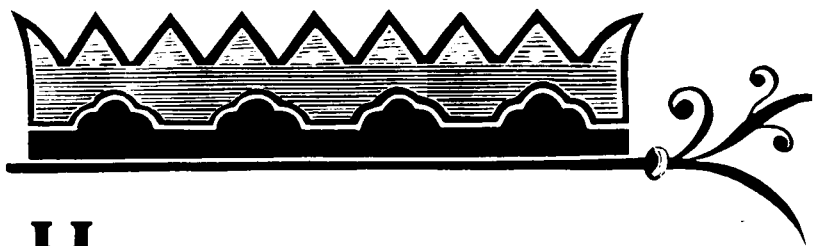
Иван Левшинов

Из-за гор крутых,
Было из-за кру́тых гор,
Ай из-за крутых гор,
Из провалища было из глубокого,
Ай, было из глубокого,
Не белой-то кречет он вылетывал,
Ай, кречет он вылетывал,
Не лютый молодец турчин всё наезживал,
Ай, вот турчин всё наезживал
На своем душечке добру́, на добру коню,
На добру коню.
У него добрый-то конь, коник, ровно лютый змей,
Коник, ровно лютый змей,
На нем сбриуца, сбруя азиатская,
Ай, сбруя азиатская,
На нем платице, платье ровно жар горит,
Ай, ровно жар горит,
На нем шапочка, шапка-кабардиночка,
Ай, шапка-кабардиночка,
Выезжал-то турчин вот он на высок курган,
Ай, на высок курган.
Он глядит-то турчин на четыре на все стороны,
Ай, четыре на все стороны,
Он глядит-то, смотрит на полки на пехотные,
На полки на пехотные,
А и больше глядит на полки на казачие,
На полки на казачие.
Он кричал-то шумел своим громким голосом,
Ай, своим громким голосом,
Вызывал, выкликал вот себе он охотничка,
Вот себе охотничка,
Супроти-то себе, турку, поединщика,
Ай, турку, поединщика.

Вот один-то казак, казак сыхотился,
Казак сыхотился.
Со Ершова полка, со шестой сотни,
Ай, вот бы со шестой сотни,
Ну из самой задней со шереночки,
Из задней шереночки,
Выезжал-то молодец, донской малолеточек,
Донской малолеточек,
По прозванию он Иван Левшинóв казак,
Ай Иван Левшинов казак.
По полку-то ездит, со всеми он прощается,
Ай, со всеми прощается:
«Вы простите мене, милые вы товарищи,
Милые товарищи!»
Ну и сам-то взвился, вроде ясна сокола,
Вроде ясна сокола.
Вот и вдарился с своим сопротивничком,
Ай, своим сопротивничком,—
Он сбил-то казак турка-неприятеля,
Ай турка-неприятеля.
Ухватил-то его коня за шелков чунбур,
Коня за шелков чунбур,
Он и едет к своему полку со добычею.

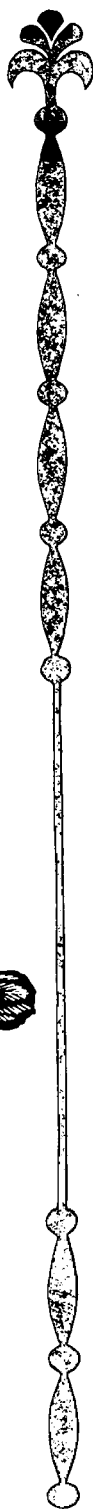
реди торосинушки, середь площади
 Тут ходит, тут бродит злой татарченко;
 За собой водит он красну девушку,
 Красну девушку полоняночку,
 Отдает он красну девицу во постельницы,
 Он и просит за девонюшку пятьдесят золотниц,
 За всякую золотницу по пятьсот рублей.
 Тут не выдалось купчинушку из всей Москвы,
 Только выбрался один удаленький
 добрый молодец;
 Он, выдавши свои денежки, сам задумался:
 «Не пропали мои денежки, пятьдесят золотниц!
 На девушке шелков пояс на тысячу,
 На головушке ала ленточка в две тысячи,
 На ручушке золот перстень цены нет;
 А мне красна девушка в барышах пришла!»

На литовском рубеже

ак дáлече-далéче во чистóм полé,
Далече во чистом поле,
На литовском на рубеже,
Под Смоленским городом,
Под Смоленским городом,
На лугах, лугах зеленых,
На лугах, лугах зеленых.
Молода коня имал,
Молодец коня имал,
Дворянин-душа спрашивает:
«А и конь-то ли, доброй конь,
А конь наступчивой!
Зачём ты травы не ешь,
Травы, конь, зеленые?
Зачем, конь, травы зеленые не ешь,
Воды не пьешь ключевые?»
Провещится доброй конь
Человеческим языком:
«Ты хозяин мой ласковой,
Дворянин-душа отецкой сын!
Затем я травы не ем,
Травы не ем зеленые
И воды не пью ключевые,
Я ведаю, доброй конь,
Над твоей буйной голове
Невзгоду великую:
Поедешь ты, молодец,
На службу царскую
И на службу воинскую,
А мне, коню, быть подстрелену,
Быть тебе, молодцу, в пойманье.
Потерпишь ты, молодец,
Потерпишь, молодец,

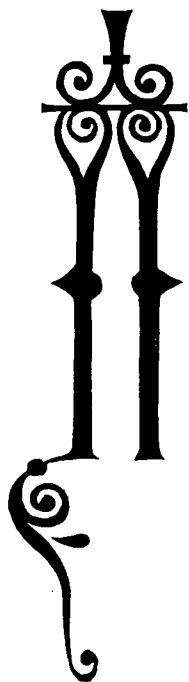

Нужи-бедности великия,
А примешь ты, молодец,
Много холоду-голоду,
Много холоду ты, голоду,
Наготы-босоты вдвое того».
Позабыл доброй молодец
А и то время несчастливое,
Повестка ему, молодцу,
На ту службу на царскую.
Поехал он, молодец,
Он во полках государевых.
От Смоленца-города
Далече во чистом поле
Стоят полки царские,
А и роты дворянские,
А все были войска российские.
Из далéча чиста поля,
Из раздолья широкого
Напускалися тут на их
Полки неверные,
Полки неверные,
Всё чудь поганая.
А Чуда поганая на вылазку выехал,
А спрашивал противника
Из полков государевых,
Из роты дворянския —
Противника не выскалось,
А он-то задорен был,
Дворянин, отецкой сын,
На вылазку выехал
Со Чудом драться,
А Чудо поганое о трех руках.
Съезжаются молодцы
Далече во чистом поле,
А у Чуда поганого
Одно было побоища,
Одно было побоища —
Большая рогатина,
А у дворянина — сабля вострая.
Сбегаются молодцы,
Как два ясные соколы
В едино место слетались.
Помогай бог молодцу
Дворянину русскому!
Он отводит рогатину

Своей саблей вострою
Что у Чуда поганого;
Отвел он рогатину,
Прирубил у него головы все,
Идолища поганая.
Подстрелили добра коня,
Подстрелили добра коня
У дворянина смоленского —
Он ведь пеш, доброй молодец,
Бегает пеш по чисту полю,
Кричит-ревет молодец
Во полки государевы:
«Стрельцы вы старые,
Подведите добра коня,
Не выдайте молодца
Вы у дела ратного,
У часочку смертного!»
А идола поганые
Метались грудю все,
Схватили молодца,
Увезли в чисто поле,
Стали его мучати:
И не поят, не кормят его,
Морят его смертью голодною
И мучат смертью неподобною.
А пало молодцу на ум
Несчастье великое,
Что ему доброй конь наказывал.
Изгибла головушка
Ни за едину денежку.

Пан привозит жене русскую полонянку

анушко по двору гуляет,
Доброго коня выбирает.
Паньюшка у стремени стояла,
Панушку плеть подавала;
Сама панья пану говорила:
«Не ездь ты, панушко, на службу,
На ту государеву-цареву,
Не быть тебе, панушку, живому,—
Быть тебе, пану, убитому!»
«Не тужи, слышь, моя панья!
Съезжу я в добром здоровье,
Привезу тебе, паньюшка, гостинцы —
С Руси русскую девку полонянку,
Тоненьку, долгоньку, высоконьку,
В беленькой рубашке миткальной,
В алом во тафтяном сарафане,
В широкой ленте во низаной,
В аленьких башмачках во сафьянных,
В беленьких чулочках во бумажных».
Пойду я, выйду я в новы сени,
Из новых сеней на крылечко,
С крылечика в чисто поле;
Погляжу на синее море,
Как было на синем-то на море
Вдруг забелились парусочки,
Вдруг зачернели три стружочка.
Как было во первом-то стружочке —
Везут паново платье,
Паново платье немецкое.
Как было во другом-то стружочке —
Везут пана не живого;

Убит пан, да не до смерти.
Как было во третьем-то стружочке —
Везут паньюшке гостинцы:
С Руси русскую девку полонянку,
Тоненьку, долгоньку, высоконьку,
В беленькой рубашке миткалиной,
В алом во тафтяном сарафане,
В широкой-то ленте во низаной,
В аленьких башмачках во сафьянных,
В беленьких чулочках во бумажных.

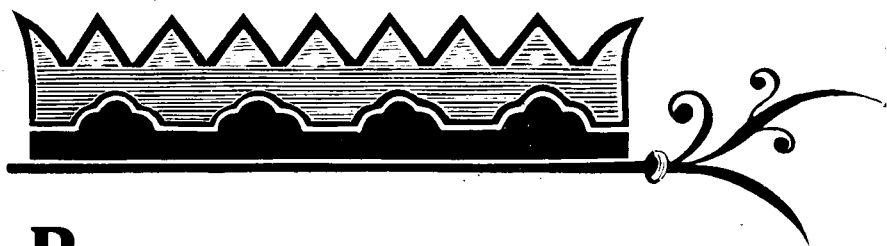

Три зятя

государыни матушки
Нас было три дочери,
Три было хорошие.
Одну дочку отдали
В село за боярина;
Другу дочку отдали
В Москву за подьячего;
Третью дочку отдали
В Орду за татарина.
Одна дочь приехала:
«Ты не плачь, моя матушка,
Не тужи, государыня!
У моего у боярина,
На его на новых сенях,
Там сидят слуги верные,
Они льют кольца золоты
На мои руки белые,
На мои руки нежные».
С Москвы дочь приехала:
«Ты не плачь, моя матушка,
Не тужи, государыня!
У моего у подьячего,
На его на новых сенях,
Там сидят слуги верные,
Они шьют платье цветное
На мое тело белое,
На мое тело нежное».
С Орды дочь приехала:
«Ты поплачь, моя матушка,
Потужи, государыня!

У моего у татарина,
На его на новые сенях,
Сидят слуги неверные,
Плетут плети ременные
На мое тело белое,
На мое тело нежное».

Взаимные угрозы

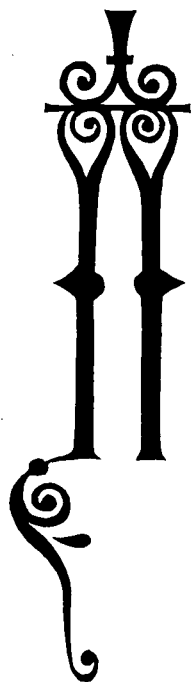

нас на улицы, у нас на широкой,
У нас да на мураве, у нас да на зеленой
Молодец девку прибесествовал,
Целовал, миловал, да за руки хватал,
Целовал, миловал, да за руки хватал,
Перстeneчки сымал позолоченные,
Отошедши от ней, насмехаться стал,
Насмехаться стал, насмеиваться:
«Кабы эта девушка за мною была,
За мною была и мною слыла,
Мною слыла добрым молодцем,
Привязал бы я ее к короватушке,
К короватушке, к дубовой доске,
Стояла б она увсю ноченьку,
Увсю ноченьку, всюю темную,
Глядела б она вдоль по небушки,
Считала б она часты звездочки».
«Эй добро, добро, добрый молодец.
Отсмею тебе все насмешечки,
Издивлю тебе все издевочки.
Есть у меня два брата родных,
Два брата родных, два названные.
Ой братцы мои, вы родимые.
Ой пойдите вы на конюшеньку,
Ой возьмите вы коня сивого,
Коня сивого, сивогривого,
Сивогривого, белокопытого,
А убейте его на полуверсты,
А убейте его на полуверсты,
На полуверсты до полусмерти,
Привезите мне тело белое,
Тело белое, молодецкое,
Молодецкое, завдалецкое,

Я из рук, из ног короватку смошу,
Из ребер его мосты помошу,
Из висков его фитилей насучу,
Из мозга его я свечей налью,
Из жиру его сала натоплю.
Поставлю свечу перед короваткою:
«Гори моя свеча не вгасаемчи,
Плач его матушка не смолкаемчи.
Сестрицы мои вы подруженьки.
Што ж это такое: по милом хожу,
По милом хожу, на милого гляжу,
Предо мною милой свечей горит?»
Сестрица его отозвалась:
«Эх, мы ему говаривали,—
Что не ходи долго в вечера,
Долго в вечера по заречию».

Король-королевич

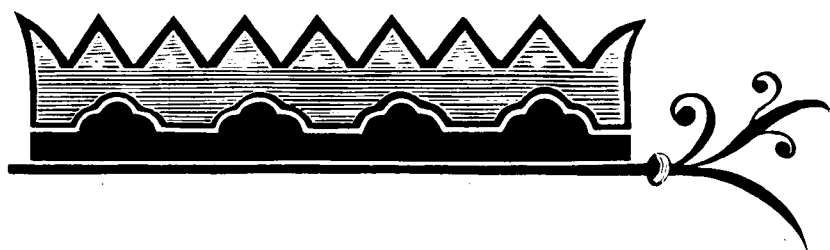
Поехал наш королевич на разгуляньице,
На бережке на крутеньком раскинул шатер,
Во шатрике во беленьком сам ложился спать,
Привиделся королевичу чуден-дивен сон:
Из-под правой рученьки вылетел сокол,
Из-под левой рученьки — утица серая.
Пробудился королевич от крепкого сна,
Поехал наш королевич к старой старушке.
«Ты, старая старушенька, рассуди мой сон!
Из-под правой рученьки вылетел сокол,
Из-под левой рученьки — утица серая».
«Садись, садись, королевич, рассужу твой сон!
Твоя жена, Марусенька, сына родила,
На утренней на зореньке сама умерла».
Садился наш королевич на добра коня,
Поехал наш королевич к себе до дому.
Подъехал наш королевич к широким воротам,
Широки ворота не заперты стоят,
Косящаты окошечки не защелкнуты,
Его жена Марусенька на столе лежит,
А на правой на рученьке младенец лежит,
Ударился королевич об дубовый стол:
«Ах, свет моя Марусенька, опустел домок!
Очи ее прекрасные не ўзрели меня,
Ножки ее резвешеньки не встретили меня,
Ручки ее белешеньки не обняли меня,
Уста ее сахárные не промолвили!»

Девичьи угрозы

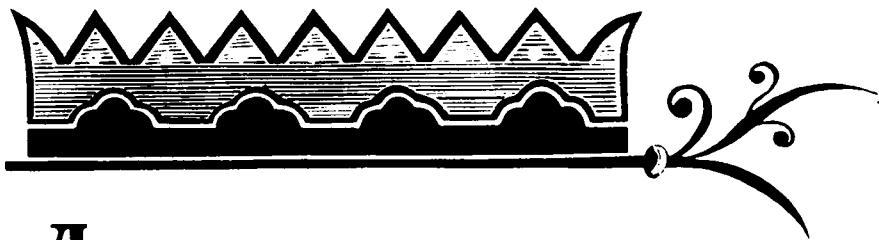
„И «Не сиди, девушка, поздно вечером,
Ты не жги, не жги восковой свечи,
И не шей, не шей бра́на полога,
И не трать, не трать пусто золота!
Не спать девушке в этом пологе,
Тебе спать, девушка, во синём морé,
Во синем море, на желто́м песке,
Обнимать девушке круты́ берега́,
Целовать девушке сер горяч каméнь!»
«Не серди меня, добрый мо́лодец!
Ведь я, девушка, не безродная,
У меня, девушки, есть отец и мать,
Отец и мать, два братца милые.
Я велю братца́м подстрелить тебя,
Подстрелить тебя, потребить душо́у.
Я из косточек терем выстрою,
Я из ребрышек полы выставлю,
Я из рук, из ног скамью сделаю,
Из головушки ендову солью,
Из суставчиков налью стаканчиков,
Из ясных очей — чары винные,
Из твоей крови наварю пива́,
Созову я в гости всех подруженек,
Посажу я всех по лавочкам,
А сама сяду на скамеечку:
«Вы подруженьки, мои голубушки,
Загану́ же я вам загадочку,
Вам хитру́-мудру́, неотгадливую:
Во мило́м диву, по мило́м хожу,
На милом сижу, из милого пью,
Из милого пью, кровь милого пью!»

Тут все девицы призадумались,
Одна девица и прирасплакалась.
Эта де́вица была се́стрица.
«Говорила я братцу мýлому:
Не ходи, милóй, к девушке в слободу,
Что она тебя ведь совсем сгубит».

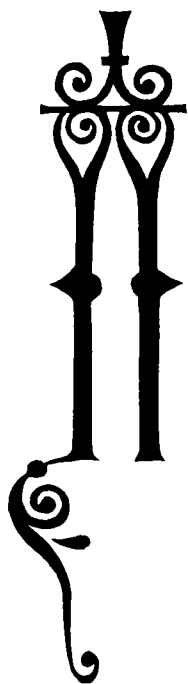
Злая жена

Навязалась на меня, братцы, зла-худа жена.
Вы не знаете ль, братцы, братцы,
от жены избыть?
Сокручу ль я жонку как боярыню,
Повезу жену-жонку в торг на ярмонку,
Я продам-то ли я жонку за сто рублей,
Запрошу ли за жену три денёжки.
Не дают ли за жену, за жену полденежки.
Я складу-то жену в саночки дубовые,
Отвезу я жену к отцу, к матери;
Я пойду ли, молодой, край синя моря,
Я куплю-то ли жене новый корабличек,
Посажу ли я жену на новый корабличек,
Поезжай-ка ты, жонка, на синё морё,
Поезжай-ка ты, жена-жонка, за сине море!
Положу ли я в корабль бел горюч камень.
Отпустил ли я жену-жонку на сине море,
Я пошел-то от бережку — запел песенку:
«Я избыл ли-то, избыл от своей лихой жены!
Уж вы братица мои, братцы родимые,
Я отвез жонку на сине море,
Клал ли я, клал бел горюч камень!»
Что ли веет ветерок-ветер сильною,
Что тащит ли-то корабль к круту бёрежку,
Что сидит ли-то моя жена, как змея люта.
«Уж ты вор, вор мой, вор-разбойничек!
Уж ты с чем меня спустил, спустил на сине море?»
Приезжала-то жена к круту бережку,
Выходила с корабля на крутой на бережок,
Выносила с корабля бел горюч камень.
«Благодарствуй, камешек, камень бел горюч!
Мы своего ли-то мужа-мужа повыищем!»

Девичьи угрозы

(вариант)

ерепелка пташечка
Примахала крылышки,
Правильные перышки...
Душа красна девица
Примахала рученьки,
Притоптала ноженьки,
По горенке ходючи,
По милом тужучи...
Молодец казанец,
Душа астраханец
Полюбил девку,
Полюбил красну.
Полюбивши он девицу,
За себя не взял,
За себя не взял,
Насмехаться стал:
«Ты не шей, красна девица,
Шитых браных пологов.
Уж мне ли, молодцу,
Не сыпать в пологу,
Не целовать девицу
Во сахарные уста.
Не трепать молодцу
По девичьему тельцу.
Мне трепать, молодцу,
Веслом по воде.
Целовать, миловать
Матку Волгу-реку».
Уж тут красна девица
Призадумалась,
Призадумавшись, девица
Слово молвила,
Речь говорила:

«Уж есть у меня
Да два братца родных,
Я велю тебя поймать,
Велю тебя потерять...
Я из мяса твоего
Пирогов напеку,
А из сала твоего
Я свеч налью,
Из буйной головы
Чашу выделаю,
Из ясных очей —
Да две чарочки,
Из костей твоих
Я кровать снашу.
Созову я гостей,
Красных девиц всё душей,
Загадаю им загадку
Не хитру, не мудру,
Не хитру, не мудру —
Не отгадливую,
Уж что таково:
Я на милом сижу,
И я милым подношу,
Милым потчиваю,
Ах, мил передо мною
Свечкою горит».
Тут одна красна девица
Призадумалася,
Призадумавшись, девица
Слово молвила,
Слово молвила,
Речь говорила:
«Уж я тебе, братец,
Говаривала:
Не ходил бы ты, братец,
Поздно вечером один.
Не любил бы ты, братец,
Красной девицы души».

У меня ль, у красной девушки

меня ль, у красной девушки,
Нет ни батюшки, ни матушки,
Нет ни роду, ни племени,
Только одна злая мачеха,
Злая змея подколотная.
Посылает меня матушка
На высок терем постелю стлать:
«Ты иди, красна девушка,
На высок терем постелю стлать!
Ты стели, красна девушка,
Две постели пуховые,
Ты клади, красна девушка,
Изголовья высокие,
Одевай, красна девушка,
Одеялы собольими».
Как пошла красна девушка
На высок терем постелю стлать,
И взяла с собой девушка
Два ножа, два булатные,
Да веревочку пенёчную.
На дворе-то смеркается —
Красной девушки нет с терема;
На дворе-то и поздним-поздно —
Красной девушки нет с терема;
На дворе и к полуночи —
Красной девушки нет с терема;
На дворе-то белым-бело —
Красна девушка идет с терема;
Русые волосы растрепаны,
Ясные очи заплаканы,
Белые руки опущены.

«Государыня матушка!
Ты иди, прибирай гостей:
Одного я зарезала,
А другого повесила».
«Ах, злодейка проклятая!
Да и что ж ты наделала?
Ты холостого зарезала,
А женатого повесила!»

Два Лазаря

Было два братца, два Лазаря:
Один братец — богатый Лазарь,
А другой братец — убогий Лазарь,
Пришел убогий к брату своему:
«Братец ты, братец, богатый Лазарь!
Напой, накорми, на путь проводи!»
Выговорил богатый: «Отойди прочь,
Скверный, отойди прочь от меня!
Есть дружья-братья получше тебя:
Князья, княгини — те дружья мои,
Богатые купцы — те братья мои».
Вывел богатый брата своего,
На чисто на поле выпроваживал,
Науськал богатый тридцать кобелей,
Стали убогого рвать и терзать.
Взмолился убогий самому Христу:
«Сошли мне, господи, грозных ангелов,
Грозных ангелов, двух немилостливых!
Вынимайте душу от белого тела!»
Услышал господи молитву его:
Сослал ему господи легких ангелов,
Легких ангелов, двух архангелов:
Изымали душеньку со радостью,
Кладывали душеньку на золоту мису,
Пронесли душу самому Христу.
Как бросило богатого о сыру землю,
Не узнал богатый ни дому, ни детей,
Ни дому, ни детей, ни жены своей.
Взмолился богатый самому Христу:
«Сошли мне, господи, легких ангелов,
Легких ангелов, двух архангелов,
Вынимайте душу от белого тела!»
Не слушал господи молитвы его:

Сослал ему господи грозных ангелов;
Грозных ангелов, двух немилостливых.
Вынимали душу не со радостью,
Кладывали душеньку на вострое копье,
Пронесли душу во огненну реку,
Во огненну реку, во кипучу во смолу,
Увидал богатый брата своего:
«Братец ты, братец, убогий Лазарь!
Омочи-ка, братец, безыменный перст

в окиян-море,

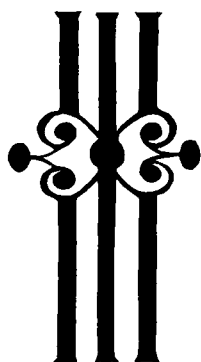
Помажь-ка, братец, печальные уста».
Отвечал убогий брату своему:
«Братец ты, братец, богатый Лазарь!
Как жили мы были на вольном на свету,
Не знали мы, братец, никакого греха:
Брат брата братцем не назывывали,
Голодного не накармливали,
Жаждущего не напаивали,
Голого не одёвывали,
Босого не обувывали,
Красную девицу из стыда не вывели,
Колодников-тюремщиков не навещивали,
Убогого в путь во дорожку не провоживали.
Теперь воля не моя, воля господя,
Воля господя, царя небесного».

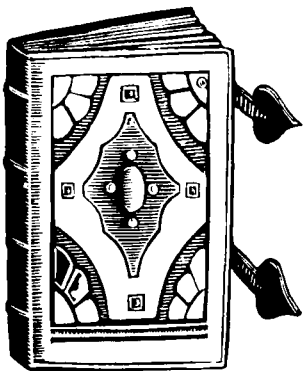

Аника-воин

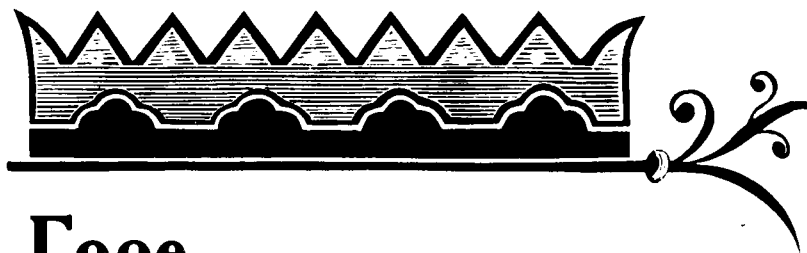

ил да был на земле
Храбрые человек Аника.
Много он полонил,
Много он покори
Царей и царевичей,
Королей, королевичей
И сильных-могучих богатырей.
Собирается Аника
В Ерусалим-град:
Хочет Аника
Святую святыню погубити,
Господень гроб разорити.
Едет Аника через поле.
Навстречу Анике едет Чудо:
Голова у Чуда человеческа,
Власы у Чуда до пояса,
Тулово у Чуда звериное,
А ноги у Чуда лошадиные.
Аника на коне становился
И этому Чуду дивился:
«Скажи ты мне, Чудо, проведай,
Царь ли ты, ли царевич,
Король ли ты, королевич,
Или ты сильные-могучий богатырь?»
Чудо ему отвечает:
«Я не царь, не царевич,
Не король, королевич,
И не сильный-могучий богатырь,
А я смерть, страшна и грозна,
Вельми непомерна,
Сердцем своим непосульна.
Кто сотворил небо и землю,
Кто сотворил облаки, звезды,

Тот меня сотворил,
По всей земле попустил.
Где кого застану, искошаю:
В пути, в дороге застану — искошаю,
В избе, на подворье застану — искошаю.
Хочу и тебя, Аника, искосити».
Возговорит храбрый человек Аника:
«Я палицу подыму, палицей пришибу,
Либо коня попушу, конем потопчу
По главе по твоей».
Она ему отвечает:
«Был на земле Самсон-богатырь,
Был на земле Святогор-богатырь —
И я их искосила,
Хочу и тебя, Аника, искосити».
Возговорит храбрый человек Аника:
«О смерть, страшна и грозна!
Дай ты мне сроку хоть на полгода:
Сострою я тебе церковь,
Спишу твой лик на иконе,
Поставлю твой лик на престоле,
И будут к нам съезжаться
Князья и бояре
И сильные-могучие богатыри,
И станут нам свозить казну золотую».
Она ему отвечает:
«Кабы-де брать мне казну золотую,
Были бы у меня горы золотые,
От востока и до запада».
Вынимает пилы невидимые,
Потирает его по рукам и по ребрам.
Возговорит храбрый человек Аника:
«О смерть, страшна и грозна!
Дай ты мне сроку на один год:
Есть у меня казна золотая,
Раздам я ее по тюрьмам,
По тюрьмам и по богадельням».
Она ему отвечает:
«Казна твоя кровавая
Душе твоей не помога».
Вынимает пилы невидимые,
Потирает его по костям и по жилам.
Возговорит храбрый человек Аника:
«Смерть, страшна и грозна!
Дай ты мне сроку хоть на полгода:

Есть у меня отец и мать,
Дай ты мне с отцом с матерью проститься».
Она ему отвечает:
«Как же ты ехал на ратное дело,
Зачем с отцом с матерью не простился?»
Вынимает пилю невидимые,
Потирает его по костям, по жилам,
Аника на коне шатается,
И смертные уста запекаются,
Аника с коня повалился,
Тут по Анике и слава.

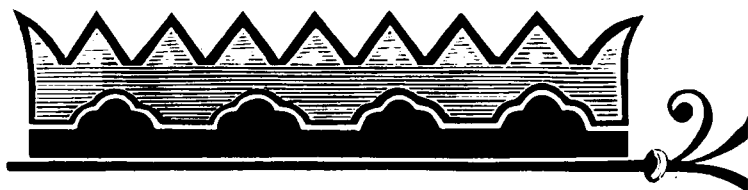

Горе

т чего ты, Горе, зародилось?
Зародилось Горе от сырой земли,
Из-под камешка из-под серого,
Из-под кустышка с-под ракитова.
Во лаптишечки Горе пообулося,
В рогози́ночки Горе понаделося,
Понаделося, тонкой лычинкой подпоясалося;
Приставало Горе к добру молодцу.
Видит молодец: от Горя деться некуда,—
Молодец ведь от Горя во чисто́ поле,
Во чисто поле серым заюшком.
А за ним Горе вслед идет,
Вслед идет, тенета несет,
Тенета несет, всё шелко́вые:
«Уж ты стой, не ушел, добрый молодец!»
Видит молодец: от Горя деться некуда,—
Молодец ведь от Горя во быстру́ реку,
Во быстру реку рыбой-щукою.
А за ним Горе вслед идет,
Вслед идет, невода несет,
Невода несет, всё шелковые:
«Уж ты стой, не ушел, добрый молодец!»
Видит молодец: от Горя деться некуда,—
Молодец ведь от Горя во огнёвушку,
Во огнёвушку, да в постелюшку.
А за ним Горе вслед идет,
Вслед идет, во ногах сидит:
«Уж ты стой, не ушел, добрый молодец!»
Видит молодец: от Горя деться некуда,—
Молодец ведь от Горя в гробовы́ доски,

В гробовы доски, во могилушку,
Во могилушку, во сыру́ землю́.
А за ним Горе вслед идет,
Вслед идет со лопаткою,
Со лопаткою да со тележкой:
«Уж ты стой, не ушел, добрый молодец!»
Только добрый молодец и жив бывал:
Загребло Горе во могилушку,
Во могилушку, во матушку сыру землю.
Тому хоробру и славу поют.

Хмель

В о городе во Петровском,
Во славным Ярославским,
Там хмелюшка по выходу гуляет,
Он и сам себя, хмель, восхваляет:
Нет меня, хмелюшки, лучше,
Нет меня, хмеля, веселее!
Без хмелюшки пивушка не варют,
Без ярого свадьбы не играют.
Где драка-баталя? — при хмеле!
Целованье-милованье? — при яром!
Сам государь про хмель знает,
Попы, архиереи благословляют.
Один лих был мужик-садовник:
Часто по садику гуляет,
Глубокие борозды копает,
И тут меня, хмелюшку, сажает, —
В ретиво сердце тычинушку втыкает
Уж и то-то мне, хмелюшке, тошно!
Уж и то-то мне, ярому, грустно!
Уж и тут я, хмель, не гневен,
Уж и тут я, ярый, не кручинен:
Опять же я, хмель, догадался —
По тычинушке наверх возвивался,
Распушал я свои ярые шишки,
Расстилал я свои бумажные листья.
Уж и стал я, хмель, созрел, —
Собирались меня бабы рвати,
Со малыми ребятами щипати,
Во кульё, во рогожи зашивати,
По торгам, по базарам развозити.
Закупали меня, хмеля, мужики степные,
Затирали они сладкое пиво,
Во сулой во котел меня топили,
Трое суток меня, хмеля, томили.

Молодой пивовар по повáренке гуляет,
Правым ухом к чану припадает:
Не пора ли тебя, хмелюшка, сливати,
По порожним посудам разливати?
Уж и тут я, хмелюшка, догадался:
Уж и тут я, хмелюшка, восстану,
Сиволапного крестьянина достану —
Я ударю его в тын головою,
В коровье говно бороною:
Уж и я тут, хмелюшка, насмеюся,
Уж я тут, ярый, наглумлюся!

Непростимый грех

К аялся-то добрый молодец сырой земле
Как сырой земле, да сырой матери:
«А прости, прости ты, матушка сыра
земля,

А прости, прости, сыра матери,
И меня прости, покай да добра молодца.
Во первом греху прости, покай меня:
Уж я жил ведь со кумой да со крестовою,
Уж я прижил у кумы да млада отрока».
«Уж я в том греху я могу простить,
Я могу простить, могу покаяти:
Уж ты малый был да молодёхонек,
Умом-разумом да был глупехонек».
«Во втором греху покай, матушка сыра
земля,

Ты покай да добра молодца:
Я бранил отца, да бранил матушку».
«Уж я в том греху тебя да ведь могу
простить,

Уж могу простить, могу покаяти:
Уж ты молод был да молодехонек,
Своим разумом да был глупёхонек».
«Во третьём греху покай, да мать сыра
земля,

Ты покай, прости да добра молодца:
Уж я ездил, добрый молодец,
да по чисту полю,
Я убил в чистом поли купца,
гостя торгового».

«Уж я в том греху тебя ведь, молодец,
да не могу простить,
Не могу простить, да не покаяти:
Не купца убил, гостя да не торгового,
Как убил ведь своего брата крестового,
Как порушил ведь да крестно знаменье».

Туры златорогие

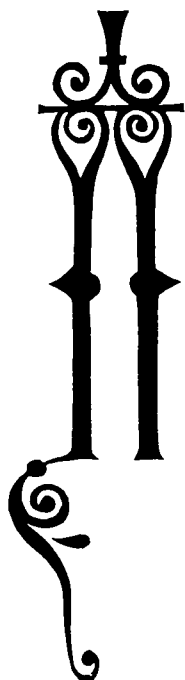

ы туры, вы туры да маленькие деточки!
Уж вы где вы, туры, да вы где были-хóдили?»
«Уж мы были туры да на святой Руси».
«Уж вы что, туры, там видели?»
«Уж мы видели туры стену городóвую,
Уж мы видели туры башню наугольную;
Из той стены из городóвыя
Выходила девица-душа красная,
Выносила она книгу Евангелиё
Да копала она книгу во сырую во землю,
Она плакала над книгою, улиалася:
«Не бывать тебе, книга, да на святой Руси,
Не видать тебе, книга, свету белого,
Свету белого да солнца красного».
«Ох вы глупые туры да неразумные!
Не башня стояла да наугольная —
Стояла тут церковь соборная;
Да не девица выходила, не красная,—
Выходила запрестольна богородица;
Да не книгу копала да не Евангельё —
Да копала она веру христианскую;
Она плакала над верой да улиалася:
«Не бывать тебе, вера, да на святой Руси,
Не видать тебе, вера, свету белого,
Свету белого, да солнца красного,
Солнца красного, да зори утренной,
Зори утренной — поздно вечерние».

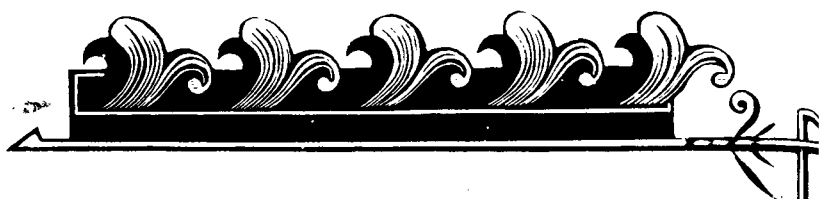

Вознесение

осередь-то было летика красного,
Наканун Вознесенья Христоваго.
Как вознесся господь на небеса,
Вот расплачется нищая-та братия,
Растужится у господа сиротина:
«Господи, господи, царь наш небесныя!
На кого ты нас, господи, оставляешь,
На кого ты нас, владыко, спокидаешь?»
«Ты не плачь-ко, не плачь, да нища братия,
Не горюй-ко, убога сиротина!
Я даю вам реку-ту медовую,
Я даю вам горю-ту золотую,
Я даю вам сады-виноградья»,
Тут прослышал Иван-от Предтеча,
Тут прослышал креститель господень:
«Уж ты господи, господи, царь наш небесныя!
Не давай-ко им реки-то медовыя,
Не давай-ко им горы да золотыя,
Не давай-ко им садов-виноградье:
Как над этой горой будет им кроволитье,
Как над этою рекой будет убийство.
Как наедут купцы, гости торговые,
Отоймут у них реку-ту медовую,
Отоймут у них гору-ту золотую,
Отоймут у них сады все виноградья.
Они будут ведь холóдны и голóдны,
Не обуты будут, не одеты,
От темной-то ночи не обогреты.
Уж как дай-ко свое-то имя Христово,
Ты спусти-тко по градам, селам, по деревням;
Они будут сыты и пьяны,
Они будут обуты и одеты
И от темной ночи обогреты».

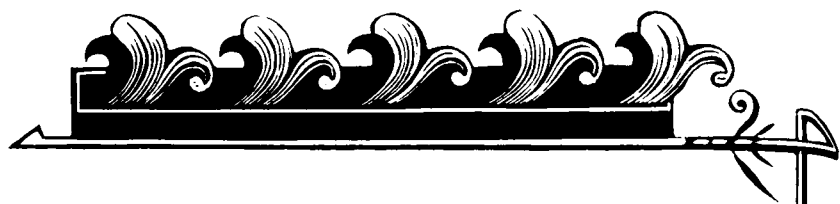
Туры златорогие

(вариант)

й да ввечеру, братцы,
Очень были пьяные,
Как заутра добры молодцы,
Чем же мы похмелимся?
Заболели у нас, молодцев,
Буйные головушки,
Защемили у казачушков
Ретивы сердечушки.
Мы пойдемте в чисто полюшко,
Пойдем, разгуляемся,
Уж и выйдем мы, ребяташки,
Выйдем на высок курган.
Уж и глянем мы, поглянем-то,
Братцы, на все стороны:
То не пыль, братцы, не курá летит,
В поле подымается,
Не туманушки будто во поле,
В поле расстилаются,—
Там бегут, вот и пробегают
Туры златорогие.
Подбегают гнеды турушки
Они ко синю́, ко синю́ морю́.
Во синём-то бы они морюшке
Воды напивалися,
В зеленых-то во лужочках
Травы наедались.
Приплывали гнеды турушки
Ко крутому бережку.
Насустречу турам мамушка
Тура златогривая.
Ну и стала-то гнедых турушков,
Стала она спрашивать:
«Ну и где же вы, мои детушки,

Где были-гуляли, где гуляли вы,
Где же, мои турушки, погуливали?»
«Уж и были мы, были в Шахове,
Были мы у Ляхове.
Белорусскую мы земелюшку,
Всю ее наскрозь, всю наскрозь прошли.
На белóй-то бы да на зореньке
Были в стольном Кieve,
Ну нигде же такой диковины,
Братцы, мы не видели,
Нигде мы не видели:
На широкой бы светлой площади
Стояла там будто девица,
Стояла там красна девица.
Во руках-то держит девица
Книгу незнакомую.
Сама плачет, красна девица,
Плачет, как река, как река льется:
«Вот придет-то на нас победушка,
Да на наш славный Киев, славный Киев-град!»

Княгиня и змей

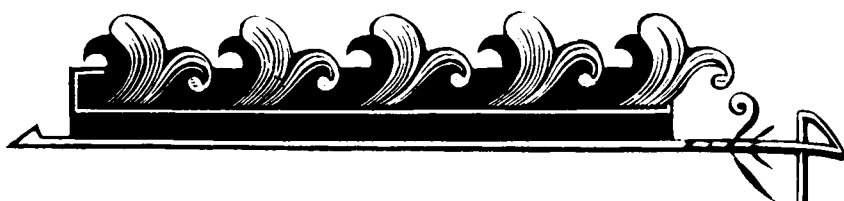
Ходила княгиня по крутым горам,
Ходила она с горы на гору,
Ступала княгиня с камня на камень,
Ступала княгиня на люта змея,
На люта змея, на Горыныча.
Кругом ее ножки змей обвился,
Кругом башмачка сафьянова,
Кругом ее чулочка скурлат-сукна,
Хоботом бьет ее в белые груди,
Во белые груди человечески,
Целует во уста ее сахарные.
От того княгиня понос понесла,
Понос понесла, очреватела.
Носила во утробе чадо девять месяцев;
На десятый-то чадо провещилось,
Провещилось, чадо, проговорилось:
«Уж ты гой еси, родимая матушка!
Когда я буду на возрасте,
На возрасте пятнадцати лет,
Уж ты скуй мне палицу боевую,
Боевую палицу во сто пуд.
Мне палица легка покажется,
Уж ты скуй, матушка, в полтора пуд.
Уж тогда-то я, матушка, буду со змеем воевать.
Я зайду-то к нему в пещерички змеинные,
Сниму ему буйну голову,
Подниму его головушку на острый кол,
Поднесу его головушку к твоему дворцу».

Индрик-зверь

Ии где то бы, слышно, глупому жить,
Да глупому жить, неразумному?
А и где слышно, есть Индей-земля,
Индей-земля, всё богатая?
Как и много там злата-серебра,
Да на больше того доброго земчуга.
Во Индей-земле степя дикие,
Степя дикие, леса темные.
Да во тех лесах живет Индрик-зверь:
На нем шорсточка вся земчужная,
А и грива-хвост позлаченная,
А копытца у него все булатные,
Из ноздрей у него огонь пышет,
Из ушей у него идет дым столбом.
Он и бегаёт пить во Тарью-речку,
Он бежит, бежит — вся земля дрожит.
Прибегает он во Тарью-речку,
Забродит он да по щеточку,
Он и воду пьёт, как ушатом в себе льёт.
Как Тарья-речка сколыхалася,
Сколыхалася, раскачалася,
Раскачалася на двенадцать верст.
На крутых горах там и львы свищут,
На сырых-то дубах все орлы скрывают.

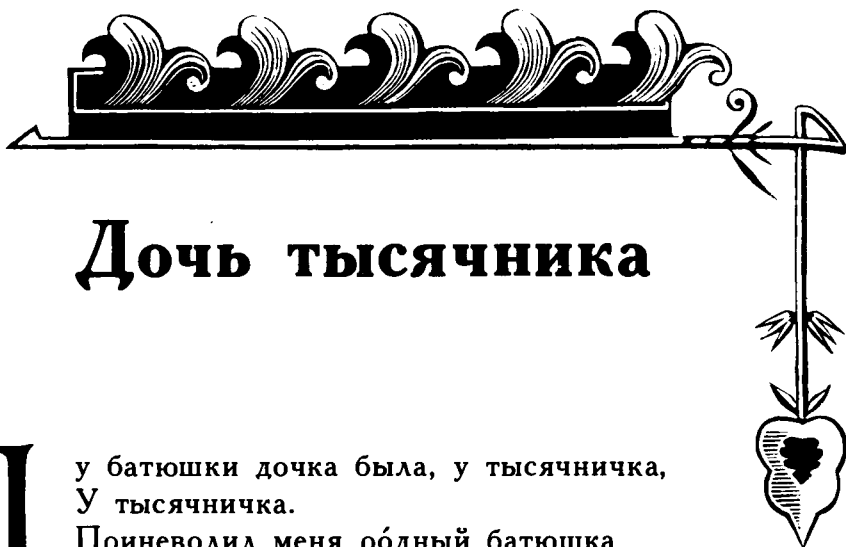

Царь Давыд и Олена

царя у Давыда
Был сын Соломон,
Была дочка Олена.
Дочку призывает:
«Ох ты дочка Олена!
Вставай ты поутру поране,
Умойся ты беленько,
Надевай ты платье подвенечно».
«Ох ты батюшка разумный!
Кажы ты мне законного брака,
Что я буду его знати?»
«Твой жених стоит в божьей церкви,
В божьей церкви тебя дожидается».
Она в божью церковь пришла,
Увидала своо брата:
Закон не примаёт,
Мать венца на главу не надевает.
Всё с себя цветно платье кидала,
Башмачки и чулочки с ног бросала.
Побегла она по беленькому по снежочку,
По лютому по морозу.
Подбегла она ко батюшкиному к окошку:
«Ох ты батюшка родимый, отоприся!»
«Ох ты дочка Олена!
Назови ты меня лютым свекром».
«Ох ты батюшка родимый!
Где это виделось,
В котором царстве случилось,
Чтобы батюшку лютым свекром назвати?»
Побегла она ко матушкину к окошку
По беленькому по снежочку,
По лютому по морозу:
«Ох ты матушка родима, отоприся!

Все я ноженьки свои признавила».
«Ох ты дочка Олена!
Назови ты меня лихою свекровью!»
«Ох ты матушка родима!
Где это случилось,
Чтобы матушку свекровью назвати?»
Побегла она ко братнину к окошку:
«Ох ты братец, родимый ты, отоприся!
Все я ноженьки признавила».
«Ох ты сестрица родима,
Назови ты меня законным браком!»
«Ох ты братец родимый!
Где это случилось,
Чтобы сестру родну брату взяти?»
Побегла она во чистое поле,
Всплакнула она своим жалким голосом:
«Ох, вы сбегайтесь, лютые звери,
Вы съедайте мое бело тело:
Моя душа много согрешила.
Солетайтесь, карги-ворóны, черны вóроны,
Растерзайте вы мое тело белое!»
И собегалися лютые звери,
Солеталися карги-ворóны, черны вóроны,
Растерзали ее тело белое
И растаскали ее тело по чисту полю.
Пошла ее душенька ко господу богу.

Дочь тысячника

У батюшки дочка была, у тысячника,
У тысячника.
Приневолил меня рódный батюшка
Замуж девушку идти,
Да идти да и замуж
Девушку идти,
На все грехи тяжки,
Грехи тяжки поступить,
Тяжки поступить.
Да дождуся я, девка, темной ночи,
Во полночи уйду во темный лес,
Да в лес.
Я молилась, девка, трудилась,
Девяносто лет, девка, я со зверьми,
Со зверьми.
Да не видала я, красна́ девчонка,
Человечьего лица,
Я лица.
Да не слыхала я, красна́ девчонка,
И я звону, я божьего,
Божьего.
Да как у девушки стало лицо
Как дубовая словно кора,
Да кора,
Да у девушки стали виски
Словно беленький лянок,
Да лянок.
Я да пойду я, девка, побреду я
Ко своему батюшке на двор,
Я на двор.

Да навстречу мне, красной девчонке,
Да святой идет монах,
Да монах.
Да испужался он, святой монах,
Человечьего лица,
Да лица.
«Да не пужайся, святой монах,
Да эта кожа — человек,
Человек.
Да исповедай меня, причасти ты,
Во святые мощи отпусти».

Скимен-зверь

ак из дáлеча-далéча, из чистá поля,
Изо того было раздольица из широкого,
Что не грозная бы туча накаталася,
Что не буйные бы ветры подымались,
Выбегало бы там стадечко змеиное,
Не змеиное бы стадечко — звериное.
Наперед-то выбегает лютый Скимен-зверь.
Как на Скимене-то шерсточка — буланая,
Не буланая-то шерсточка — булатная,
Не булатна на нем шерсточка — серебряная,
Не серебряная шерсточка — золотая,
Как на каждой на шерстинке по жемчужинке.
Наперед-то его шерсточка спрокинулася,
У того у Скимена рыло, как остро копье,
У того у Скимена уши — калены стрелы,
А глаза у зверя Скимена, как ясны звезды.
Прибегает лютой Скимен ко Днепру-реке;
Становился он, собака, на задние лапы,
Зашипел он, лютой Скимен, по-змеиному,
Засвистал он, вор-собака, по-солóвьему,
Заревел он, вор-собака, по-звериному.
От того было от шипу от змеиного
Зеленá трава в чистом поле повянула;
От того было от свисту от солóвьего
Темны леса ко сырой земле клонилися,
От того было от рева от звериного
Быстрой Днепр-река сколыбалася,
С крутым берегом река Днепр поровнялася,
Желты мелкие песочки осыпалися,

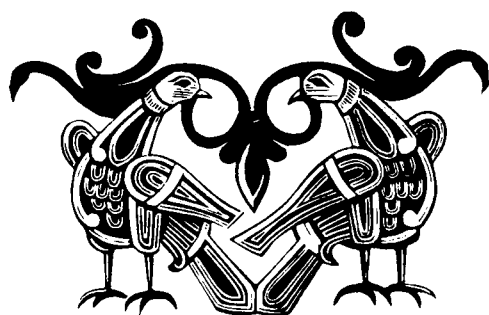
Со песком вода возмутилася,
В зеленых лугах разливалась,
С крутых гор камни повалилися,
Крупны каменья по дну катятся,
Мелки каменья поверху несет.
Заслышал Скимен-зверь невзгодушку:
Уж как на небе родился светел месяц,
На земле-то народился могуч богатырь.

Устиман-зверь

Как не пыль-то во чистом поле запылилася,
Не туманушки со синя моря подымались —
Появлялись со дикой степи таки звери:
Не два соболя бегут со кунцею,
Наперёд у них бежит стар Устиман-зверь.
На нем шорсточка, на Устимане, бумажная,
А щетинушки на Устимане всё булатные,
Как на каженной на щетинушке по жемчужинке,
Посередь спины у него, Устина, золото блюдо.
Не чистой-то жемчуг по блюду рассыпается,
Все-то звери лютые разбегаются.
Подбегали звери дивные к Яику к реке.
Воскричал, взгarkнул тут Устиман-зверь
Своим вельми громким голосом.
Все сыры дубы с кореньев посломались,
А быстра река Яикушка возмутилася,
Устоял только один сыр-матёрый дуб.
На дубу на том сидел не сизой орел,
Не сизой орел — удалый добрый молодец.
Уж он метился из винтовочки глазом верным;
Попадал же он Устину-зверю в ретивó сердце.
И падал тут Устиман-зверь на мать сыру землю.
Застонала мать сыра земля и расступилася,
Пожрала она зверя лютого, самого Устимана.

Взятие Казани

ы послушайте, ребята, послушайте, господа,
Что мы, стары старики, будем сказывать
Про того царя Ивана про Васильевича.
Как и наш-ат государь под Казань он

подступал,

Под тоё ли крепку стену белокаменную.
Переправу он держал через мать Волгу-реку,
Он подкопы подводил под Казань под реку,
Закатили канонеры сорок бочек дубовых
Как со лютым со зельем, свинцом-порохом.
Закатимши, канонеры зажигали там свечи,
А зазжомши свечи, от города отошли,
От города отступали во зеленые луга.
По лужкам-ти государь-царь разгуливает,
На тоё ли крепку стенушку поглядывает.
А татарушки по стенушке похаживают,
Заголя свои гузёночки показывают:
«Ещё вот те, государь, наш Казань-городок,
Не видать тебе Казани, как ушей на голове».
Как и наш-ат государь рассерчаится,
Он старшому канонеру хочет голову срубить.
А старшой-ат канонер поумнее всех,
Был поумнея, пославнея, поочесливее:
«Погоди нас, государь, казнить-вешати,
А позволь-ка, государь, слово молвити,
Словечушко молвити, речь возговорити.
Под землей-то свечи хоть и ясно горят,
Хоть и ясно горят — долго теплются;
На ветру-то свечи хоть не ясно горят —
Скоро теплются».

Не успел наш канонер слово молвити,
Словечушко молвити, речь возговорити,
Как и взорвало стену белокаменную.

Как и начало татарушек со стенушек
побрасывати,
Куда руку, куда ногу, куда туловища,
А буйную голову — в луговую сторонú,
Как и наш-ат государь-царь возрадовался,
Он старшим канонером восхваляется:
«Еще чем вас, канонеры, дарить-жаловати?
Или Питером, Москвой, иль златой
своей казной?»
«Нам не надо, государь, ни Питера,
ни Москвы,
Ни Питера, ни Москвы, ни златой
твоей казны.
Только дай нам, государь, нам Яик-реку,
На Яике будем жить, будем оберег держать,
Будем оберег держать, всю Россию сберегать».

Гибель Пожарского

алече во чистом поле,
Что на дальних на рубежах,
Полонили Пожарского татары-улавины;
Они взяли Пожарского за его руки белые,
За его руки белые, за перстни золотные,
Повели же Пожарского ко тому князю
Крымскому,
Еще стал его Крымский князь много
спрашивать:
«Ты скажи мне, молодец, всю верою-правдою,
Как служил царю белому,
царь Ивану Васильевичу?
Послужи ты мне, молодец, как служил царю
белому,
Как служил царю белому,
царь Ивану Васильевичу!»
«Послужил бы я тебе, молодец,
всю верою-правдою,
Кабы у меня, молодца, была сбруя вся
цельная,
Ружье было цельное, копье мержавецкое,
Еще бы у молодца была сабелька вострая,
Я бы снес с собаки голову по твоим могучим
плечам!»
Закидался, забросался собака Крымский
князь:
«Есть ли у меня у князя у ворот
приворотнички,
У ворот приворотнички, а у дверей
придвернички?
Вы возьмите Пожарского за его руки белые,
За его руки белые, за перстни золотные,

Поведите Пожарского далече во чисто поле,
Изрубите Пожарского в кусочки пирожные,
Раскидайте Пожарского по тому полю чистому,
По тому полю чистому, по раздольям
широким!»

Из-за лесу из темного, из-за гор из высоких
Что не красное солнышко выкаталось,
Выезжали тут два братца, два князя Пожарские,
Собирали бело тело во камóчку хручатую;
Повезли тело белое во матушку каменну́ Москву,
Хоронили бело тело все соборы московские.

Казань-город

ак на кру́том да на бе́режке
Красна девица воду черпала,
Добрый молодец он коня поил,
Он поил, поил да сам напайвал,
Меня, девицу, да подговаривал:
«Ты иди-ка, девица, за меня замуж,
За меня-то замуж во Казань-город!
Как у нас теперь в Казань-городе
На горах, горах, горах высоких
Лежат головы да сахарные;
На полях, полях хлебородных
Растут хлебушки да пшаничные;
Во садах, садах во зеленых
Растут вишенья разнородные;
На лугах, лугах сенокосных
А и травы растут да й муравые,
А цветы цветут да й лазуревы;
Во лесах, лесах, лесах темных
А растут древа разны чудные,
Кипарисные, виноградные;
На реках, реках у нас-то быстрых
Ручеечки бежат чистые,
Бежат чистые, подземельные;
Быстры реченьки у нас медом залиты,
Ручеечки да зелены́м вином!»
Говорит девица добру молодцу:
«Ты меня да не омманывай!
Я сама в Казани была ро́жена,
В мелких ручеечках была купана.
Как у вас теперь в Казань-городе
На горах, горах высоких
Не головы лежат сахарные —
Лежат головы человечия;

На лугах, лугах сенокосных
Не трава растёт муравая,
Не цветы цветут да лазуревы —
Там кусты у вас растут раkitовы;
На полях, полях хлебородных
Там не хлебушки растут пшаничные —
А растёт у вас одна мертвечина;
Во лесах, лесах у вас темных
Не растут дрeвa разны чудные —
Кипарисные да виноградные —
Воют волкушки всё серыи,
Да живут-ходят там разбойнички,
Дневные, ночные подорожнички;
На реках у вас да на быстрых
Не ручьи бежат там чистые —
Быстра кровь бежит да христианская!»

Кострюк

ак у нас было на Русе,
На Русе было, в каменной Москве,
Задумал царь жениться,
Царь Иван сударь Васильевич.
Он усватал невесту за себя,
Невесту за себя не у нас в Москве,
Он усватал во иной земле,
Не у князя, не у боярина,
Он усватал у татарина,
У того ли черкешанина,
Марью Темрюговну.
Через большую дочь он среднюю берет,
Марью Темрюговну.
Собирался почестной пир,
И все гости съехались, и все соходились,
Все гости пьют и едят,
И все гости кушают,
Белого лебедя рушают.
Один гость хлеба-соли не ест,
Хлеба-соли не кушает,
Белого лебедя не рушает,
Зелёного вина в рот не берет—
Кастрюк-Мастрюк Темрюгович,
Любимый царской шуринушка.
Он думает думушку, с кем поборотися,
За проклад поводится.
Он хочет каменну Москву в полон себе взять,
Он хочет взойти во Кремль-городок,
Он и хочет с нас пошлины брать,
С ворот поворотные,
А с дымов подымовные,

С молодежи повалешные,
А с девиц повенешные.
Князь Никита Романович
Входит он в палаты белокаменные:
«Ох ты гой еси, Грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич!
Все у нас гости съехались,
Все гости соходились,
Все гости пьют и едят,
Все гости кушают.
Белого лебедя рушают.
Один гость у нас хлеба-соли не ест,
Хлеба-соли не кушает,
Белого лебедя не рушает,
Зеленого вина в рот не берет,
На царя лихо думает —
Кастрюк-Мастрюк Темрюгович,
Любимой царской шуринушка.
Думает думушку он, думает крепкую,
С кем поборотися,
За проклад поводится.
Он и хочет каменну Москву нашу
Во полон себе взять,
И хочет во Кремль-город взойти,
И хочет сесть на камешке,
И хочет с нас пошлины брать».
И возговорит наш Грозный царь,
Царь Иван Васильевич:
«Ох ты гой еси, дядюшка,
Князь Никита Романович!
Взойди ты на крылечушко,
Взойди ты на красное,
Вскричи ты громким голосом,
Вскричи ты в первый раз,
Вскричи ты в другой раз,
Вскричи ты в третий раз,
Чтобы слышно было по всей Москве,
Чтобы шли таковы борцы,
Не спрашивавши и не докладываявши,
На мой на царский двор,
На мой на почестной пир!»
В то время не случилось в Москве борцов —

Разъехались по торгам, по ярмаркам,
Услыхали из Новагорода
Два братца два рóдные,
Два Ивана два Ивановича,
По прозванью Кашинины.
Приходили на царской двор,
На его на почестный пир.
Они по двору похаживали,
Шапочки заламывали,
Чулочки подтягивали,
Усы за́ уши закладывали,
Борцов поспрашивали:
«Есть ли у вас борцы, добры молодцы?
Подавайте нам их!»
Князь Никита Романович
Входил в нову горенку:
«Ох вы, гости мои, полюбовны мои!
Вот у нас хлеб-соль на столе,
А пришли борцы на дворе.
За что вы приметесь-ухватитесь:
За хлеб, за соль, за белого лебедя
Или за доброго мóлодца?»
Кастрюк — аткинулся,
Он все столы повалил
И все придано подавил.
Выходил на крылечушко,
Выходил он на красное.
Принимает его малый брат,
Малый брат Иванушка,
Он по двору похаживает,
Кастрюка поваживает;
Он перву-то пошибочку пошиб —
С Кастрюка черну шляпу сшиб;
А другую-то пошибочку пошиб —
С Кастрюка сапожки долой сшиб;
А третью-то пошибочку пошиб —
С Кастрюка-то всю одежду сшиб;
В чем мать родила, на свет пустила.
Кастрюк-то сором зажал
Да под крылец побежал.
Увидала его сестра
Марья Темрюговна

Из высокого терема
Из косящатого окошечка:
«Ты, мужик-то, мужик, мужичий сын,
Крапивные твои сѣмена!
Начто ты Кастрюка поборол,
Начто ты с него платье сшиб,
Платье сшиб, нага пустил?»
Возговорит наш Грозный царь,
Царь Иван Васильевич:
«Ох ты, баба, баба, б...,
Татарские твои сѣмена!
Не то-то мне дорого,
Что татарин хвалится,
А то дорого, что крестьянин тешится!»

Гнев Ивана Грозного на сына

огда воцарился Грозный царь Иван Васильевич.
Тогда он полонил славное Ообское,
Полонил Ообское и еще и Новгород
И сам на пиру расхвастался:
«Вывел я измену с Ообского,
И вывел измену с Новагорода,
Да надо вывести измену с каменной Москвы».
Говорит ему меньшой сын,
Младой Иванушка Иванович:
«Пустым ты, батюшка, расхвастался:
Не вывел измены с Ообского,
Да и не вывел измены с Новагорода,
Да не вывести и с каменной Москвы:
Со изменою и ешь, и пьешь,
И думу думаешь за одним столом».
Тут скрычал Иван Васильевич:
«Подай измену на очь,
А не подашь измены на очь,
Отсеку у тебя буйну голову,
Не дам живота ни на малый час».
Тут Иванушко задумался:
Сказать на князя иль боярина —
Пролить кровь напрасная;
А сказать на братца на родимого,
На младшего Федора-царевича:
«Грозный царь Иван Васильевич!
Которыми улицами ты ехал, батюшка,
Теми улицами кура не пила;
И которыми ехал Малюта Скурлатович,
И теми улицами кура не пила;
А которыми сзидил Федор Иванович,—
Задерживал решетки железные
И подпись подписывал,

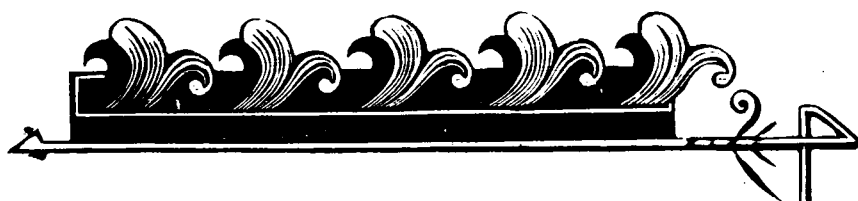
Что улицы казнены и раззорены;
А остались те улицы не казнены,
не раззорены».

Скрычал Грозный царь Иван Васильевич:
«Где мои палачи немилостивы?
Возьмите молодого Федора-царевича,
Ведите за Москву-реку,
Ко плахе, ко липовой, ко сабле ко вострой».
Повел его Малюта Скурлатов сын
За матушку за Москву-реку,
Ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой.
Не белая лань пробегала вдоль по городу —
Пробегала царица благоверная,
В белой тоненькой рубашечке без пояса,
В одних чулочках без чоботов
Ко своему братцу родимому,
Ко князю Никите Романовичу,
Князь Никита Романович за столом сидит,
Сидит, хлеб-соль кушает,
Сам говорит таково слово:
«Ты зачем, гостья, незвана идешь?»
А она говорит таково слово:
«Ты, братец мой родимой,
Князь Никита Романович!
Потухла зоря раноутренняя,
Поблекло наше красно солнышко:
Повел Малюта Скурлатов сын
Молодого Федора-царевича за Москву-реку,
Ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой,
Отсечь ему буйну голову».
Князь Никита Романович
Выскочил из-за дубова стола,
Через дубовый стол,
Дернул чоботы на босу ногу,
Кинул шляпу на одно ухо,
Кунью шубку за рукав схватил,
Бежал на конюший двор,
Взял коня самолучшего,
Сел не на уздана, не на седлана,
Поехал вдоль по городу за Москву-реку,
Голосом кричит, шляпой машет он:
«Стойте, народ, сторонитесь,
Дайте путь-дорогу широку
Ехать за матушку Москву-реку,
Ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой».

И кричит чрез Москву-реку
Малюте Скурлатову:
«Не за кус, собака, хватаешься:
Что съешь, тем и подавишься!»
У Малюты сердце испужалось,
Правая рука застоялася,
Левая нога задрожалась.
Приехал князь ко плахе ко липовой,
ко сабле ко вострой,
Скочил он со добра коня,
Поднимал младого Федора-царевича
Со плахи со липовой за ручку за правую,
Целовал его в уста во сахарные,
А сам отдал Малюте Скурлатову
Конюха своего любимого,
Который был лицо в лицо и плечо в плечо,
И един волос с волосом ладились.
Бил Иван Васильевич в колокол во казенный,
Чтоб идти в церковь в черных платьях всем.
Князь Никита Романович
Надел на себя и на племянника
Красны платья лучше всех,
Подошел к Грозному царю Ивану Васильевичу
Бил челом, его здравствовал:
«Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей любимой семьей,
И со двумя ясными соколами-сыновьями,
И со всема князьями и боярми!»
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Князь Никита Романович!
Перво был ты мне старый друг,
Теперь стал ты мне старый пес.
Таки-ль то надо мной невзгоды не ведаешь,
Не ведаешь невзгоды али надсмехаешься?»
Говорил Никита Романович:
«Живет ли виноватому прощеньице?»
Говорит ему Грозный царь Иван Васильевич:
«Рад бы простить, да негде взять!»
Вывертывал Никита Романович
Младого Федора-царевича:
«Вот тебе любезный сын,
Младый Федор-царевич».
«Князь Никита Романович!
Прежде был ты мне старый друг,
А теперь роден батюшка.

Городов ли тебе надо с пригородками,
Аль казны тебе несчетной однозолотной?»
Говорит ему князь Никита Романович:
«Городов мне не надо с пригородками,
А казны есть своей про себя.
А дай мне вотчину Микитину,
Чтобы слыла-была вотчина Микитина
Отныне и до веку:
Кто коня угонит, в мою вотчину ушел бы,—
Того и бог простит;
Кто жену уведет чужую, в мою вотчину
ушел бы,—
Того и бог простит;
Кто голову убьет, да в мою вотчину уйдет,—
Того бог бы простил».
Тут дал Грозный царь вотчину,
Котору он хотел.

Молодец и река Смородина

Когда было молодцу
Пора-время великая,
Честь-хвала молодецкая,—
Господь-бог миловал,
Государь-царь жаловал,
Отец-мать молодца
У себя во любви держал,
А и род-племя на молодца
Не могут насмотретися,
Суседи ближние
Почитают и жалуют,
Друзья и товарищи
На совет съезжаются
Совету советовать,
Крепку думушку думати
Оне про службу царскую
И про службу воинскую.
Скатилась ягодка
С сахарного деревца,
Отломилась веточка
От кудрявья от яблони,
Отстает доброй молодец
От отца, сын от матери.
А ныне уж молодцу
Безвременье великое:
Господь-бог прогневался,
Государь-царь гнев взложил,
Отец и мать молодца
У себя не в любви держал,
А и род-племя молодца
Не могут и видети,
Суседи ближние
Не чтут, не жалуют,

А друзья-товарищи
На совет не съезжаются
Совету советовать,
Крепку думушку думати,
Про службу царскую
И про службу воинскую.
А ныне уж молодцу
Кручина великая
И печаль немалая.
С кручины-де молодец,
Со печали великия
Пошел доброй молодец
Он на свой конюшенной двор,
Брал доброй молодец
Он добра коня стоялого,
Наложил доброй молодец
Он уздицу тесмяную,
Седелечко черкасское,
Садился доброй молодец
На добра коня стоялого,
Поехал доброй молодец
На чужу дальню сторону.
Как бы будет молодец
У реки Смородины,
А и взможится молодец:
«А и ты мать быстра́ река,
Ты быстра река Смородина!
Ты скажи мне, быстра река,
Ты про броды кониные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые!»
Провещится быстра река
Человеческим голосом,
Да и душой красной девицей:
«Я скажу те, быстра река,
Доброй молодец,
Я про броды кониные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые:
Со броду кониного
Я беру по добру́ коню,
С перевозу частого —
По седелечку черкасскому,
Со мосточку калинова —
По уда́лому молодцу,

А тебя, безвременного молодца,
Я и так тебя пропущу».
Переехал молодец
За реку за Смородину,
Он отъехал, молодец,
Как бы версту-другую,
Он своим глупым разумом,
Молодец, похваляется:
«А сказали про быстру реку Смородину:
Не пройти, не проехать
Ни пешему, ни конному —
Она хуже, быстрее река,
Тое лужи дождевые!»
Скричит за молодцом
Как в сугонь быстрее река Смородина
Человеческим языком,
Душой красной девицей:
«Безвременной молодец!
Ты забыл за быстрой рекой
Два друга сердечные,
Два востра ножа булатные,—
На чужой дальней стороне
Оборона великая!»
Воротился молодец
За реку за Смородину,
Нельзя что не ехать
За реку за Смородину,
Не узнал доброй молодец
Того броду кониного,
Не увидел молодец
Перевозу частого,
Не нашел доброй молодец
Он мосточку калинова.
Поехал-де молодец
Он глубокими омуты;
Он первую ступень ступил —
По черев конь утонул,
Другую ступень ступил —
По седельчко черкасское,
Третью ступень конь ступил —
Уже гривы не видети.
А и взмолился молодец:
«А и ты мать быстрее река,
Ты быстрее река Смородина!
К чему ты меня топишь,

Безвременного молодца?»
Провещится быстра река
Человеческим языком,
Она душой красной девицей:
«Безвременной молодец!
Не я тебя топлю,
Безвременного молодца,
Топит тебя, молодец,
Похвальба твоя, пагуба!»
Утонул доброй молодец
Во Москве-реке, Смородине.
Выплывал его добрый конь
На крутые береги,
Прибегал его доброй конь
К отцу его, к матери:
На луке на седельных
Ерлычок написаной:
«Утонул доброй молодец
Во Москве-реке, Смородине».

Правеж

то у нас было на святой Руси,
На святой Руси, в каменнóй Москве,
Среди-то торгу, братцы, среди площади,
Тут бьют доброго молодца на правеже,
Нагого-босого и разутого.
Поставили его на бел горяч камень,
Стоит молодец — сам не трёхнется,
Русы его кудри не ворóхнутя,
Лишь из глаз горячí слезы.
Лучилóся тут ехати
Самому царю православному,
Грозному царю Ивану Васильевичу.
Как возгóворит царь Иван сударь Васильевич:
«Ох вы гой еси, бурмистры-целовальнички!
За что вы пытаете доброго молодца,
Нагого-босого и разутого,
Поставя его на бел горяч камень?
Стоит молодец — сам не тряхнется,
Русы его кудри не ворóхнутя,
Только катятся из глаз горячи слезы
По белому лицу по румяному?»
Тут возговорят бурмистры-целовальнички:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный
царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич!
Пытаем мы с него золоту казну,
Золоту казну, платье цветное,
Не много, не мало — сорок тысяч».
Возговорит тут православный царь:
«Ох ты гой еси, добрый молодец!
Почему тебе золота казна доставалася,
И как она тебе прихóдила?»

Возговорит добрый молодец:
«Ох ты гой еси, наш батюшка

православный царь,

Грозный царь Иван сударь Васильевич!

Была у меня дубиночка вязовенькая,

И клал я дубиночку на плечико,

Ходил я, добрый молодец, по чисту полю,

По чисту полю, по темну лесу,

Нашел я воров-разбойников.

Тут-то они дуван дуванили,

Золоту казну делили мерою,

А цветное платье делили ношами;

Тут-то я ее отбил у них».

Возговорит православный царь,

Грозный царь Иван сударь Васильевич:

«Куда ты девал эдаку золоту казну?»

Возговорит добрый молодец:

«Точил я ее всё по домам по питейным,

А поил я всё голь кабацкую,

А цветное платье—одевал все наших босых».

Возговорит православный царь:

«Ох вы гой еси, бурмистры-целовальнички!

Заплатите ему за каждый удар

по пятидесяти рублей,

А за бесчестие заплатите ему пятьсот рублей».

Грозный под Серпуховым

Царь Иван Васильевич
Копил силушку ровно тридцать лет,
Накопил силы сорок тысячей,
Накопил силушку, сам в поход пошел.
Через Москву-реку переправился,
Не дошедши города Серпуха,
Становился он в зеленых лугах
При алых цветах, при лазоревых,
Стал он силушку переглядывать,
Князьям-бояром перебор пришел,
Енералам всем, фельдмаршалам,
Одного из них тут не случилось,
Что ни лучшего слуги верного,
Максима, сына казачьего,
По прозванью-ту Красношшокова;
Сказали царю про Мишеньку:
«Изменил тее, царю белому,
Предался он к хану турецкому,
Ко шишиморе деревенскому,
Он прельстился на ёго золоту казну,
На то ли на платье на светное,
На тех ли на сорочинычок,
По нашему — на красных девушек».
По утру-ту было, на зореньке,
На восходе красного солнышка,
Не ясен сокол по горам летал,
На белой кречат перепархивал —
Наш-ат Мишенька с полону едет
На турецком черном шахмате,
Везет с собой две сумы переметные,
В сумах-ту сидят сорочиночки,
Турецкого хана две дочери.

Не доехавши до шатра, сам с коня слезал,
Не дошедши до царя, стал низко кланяться:
«Здравствуй, батюшка православный царь!
Не вели меня скоро казнить,
Прикажи мне слово молвити,
Здравствуй, батюшка православный царь,
Грозный царь Иван Васильевич,
Со славным городом со Серповым!
Возьми ты у меня двух полоняночек,
Турецкого хана двух дочерей!»

Иван Грозный и Домна

ак жила-была старица,
А у старицы была племянница,
Была Домнушка Перфильевна.
Никуда она не ходила,
Ни к подружкам, ни на улицу.
Собиралась-то Домнушка,
Собиралась-то Перфильевна
Во собор богу молиться.
Вставала-то Домнушка
У левого у клироса.
А царь Иван Васильевич,
Он на правом на клиросе.
Он не столько богу молится,
Всё на Домнушку гляючи.
Посылает он слугов верных:
«Вы подите-ка за Домнушкой,
Вы подите за Перфильевной».
Приходят-то слуги верные:
«Пойдем, пойдем, Домнушка,
Пойдем, пойдем, Перфильевна,
Пойдем-ко мы ко царю во дворец».
Собиралася Домнушка,
Собиралася Перфильевна.
Надевала Домнушка
Черно платье печальное.
Ведут-то, ведут Домнушку,
Ведут широким двором.
А царь-то Иван Васильевич,
Он вышел на красён крылец:
«Пойдешь ли, пойдешь, Домнушка,
Пойдешь ли за меня замуж?»

«Не пойду я за носастого,
Не пойду я за глазастого,
За твои волоса огнивчатые!»
Вынает-то царь Иван Васильевич,
Он вынает саблю вострую,
Он ссек с нее головушку.
Она саблей-то венчалася,
А кровью-то обручалася.

Гришка-Расстрижка

На нас, братцы, господи разгневался,
На славное царство Российское,
На Российское царство, на Московское:
Дал господи царя несчастливого,
Называется собака прямым царем,
Прямым царем, царем Дмитрием,
Дмитрием царевичем московским.
Не успел вор-собака воцариться,
Похотел вор-собака жениться,
Не в своей он России, в каменной Москвы,
Поженился вор-собака во хороброй Литвы,
У Юрья пана Сердобольского
На его на меньшей на дочери,
На той ли на Маринушке Юрьевной.
Они свадьбу играли в Филиппов пост,
Венец принимали в Миколин день —
Миколы-то было в пятницу.
Дошло-то это время до Великого дня,
До Великого дня, до Христова дня.
У того ли у Ивана у Великого
Ударили в больший во колокол:
Все князи-бояра к обедне пошли,
Ко тья ко христовской заутрени,—
Вор Гришка-Расстрижка во мыльню пошел
Со душечкой с Маринушкой со Юрьевной.
Все князи-бояра богу молятся,—
Вор Гришка-Расстрижка в мыльни моется,
Со душечкой со Маринушкой блуд творит.
Все князи-бояра от обедни пошли,
Вор Гришка-Расстрижка с мыльни идет
С душечкой с Маринушкой со Юрьевной.
На Гришке кафтан красна золота,
На Маринушке саян чиста серебра.

Выскакивал собака на крылечико на царское,
Закричал вор-собака громким голосом,
Чтобы было слышно по всей Руси,
По всей Руси, каменной Москвы,
Ко Юрью пану Сердобольскому.
«Ай же вы князи-бóяре,
Очищайте Москву белокаменну:
Ко мне-ка-ва едет дальний гость,
Дальний гость — любимый тесть».
Говорит вор-Гришка таковы слова:
«Проходи-тко, Марина, в палаты белокаменны,
Не молись-ко, Марина, чудным образам,
Ты не кланяйся, Марина, князьям-боярам,
Проходи-тко, Марина, за дубовый стол,
Кушай-рушай лебедь белую.
Послушай, Марина, что я говорю:
Проживу, буде, я три часа,
Проживу, Марина, тридцать лет,
Не проживу, буде, я трех часов,
Не прожить мне-ка и трех годов».
Да еще тут господа все московские
Собирались господа во единый круг,
И думали думушку общую,
И придали Гришке смерть скорую.

Гришка-Расстрижка

(вариант)

Ты боже, боже, Спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался —
Сослал нам боже прелестника,
Злого Расстригу Гришку Отрепьева;
Уже ли он, Расстрига, на царство сел?
Называется Расстрига прямым царем,
Царем Дмитрием Ивановичем Углицким.
Недолго Расстрига на царстве сидел,
Похотел Расстрига жениться,
Не у себя-то он в каменной Москве,
Брал он, Расстрига, в проклятой Литве,
У Юрья пана Седомирского
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу-безбожницу.
На вешней праздник Николин день,
В четверг у Расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник Николин день,
Князи и бояра пошли к заутрене,
А Гришка-Расстрига он в баню с женой.
На Гришке рубашка кисейная,
На Маринке соян хрущето́й камки.
А час-другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,
А Гришка-Расстрига из бани с женой.
Выходит Расстрига на красной крылец,
Кричит-ревет зычным голосом:
«Гой еси, клюшники мои, приспешники!
Приспевайте кушанье разное,
А и постное и скоромное:
Завтра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан со паньею!»
А втапору стрельцы догадались,
За то-то слово спохватились,

В Боголюбов монастырь метались
К царице Марфе Матвеевне:
«Царица ты Марфа Матвеевна!
Твое ли это чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрей Иванович?»
А втапору царица Марфа Матвеевна заплакала
И таковы речи во слезах говорила:
«А глупы стрельцы вы, недогадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит?
На царстве у вас сидит Расстрига
Гришка Отрепьев сын;
Потерян мой сын, царевич Димитрей Иванович,
на Угличе

От тех от бояр Годуновых;
Его мощи лежат в каменной Москве
У чудных Софеи Премудрыя;
У того ли-то Ивана Великого
Завсегда звонят во царь-колокол,
Соборны попы собираются,
За всякие праздники совершают понафиды
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых бояр проклинаят завсегда».
Тут стрельцы догадались,
Все оне собирались,
Ко красному царскому крылечку метались,
И тут в Москве взбунтовались.
Гришка-Расстрига догадается,
Сам в верхни чердаки убирается
И накрепко запирается.
А злая его жена Маринка-безбожница
Сорокою обвернулася
И из палат вон она вылетела.
А Гришка-Расстрига втапору догадлив был,
Бросался он со тех чердаков на копья вострыя
Ко тем стрельцам, удалым молодцам —
И тут ему такова смерть случилась.

Скопин

князя было у Владимира,
Было пиrowанье почетное,
Ой кстили дитя княженецкое.
Ах, кто кум тот был, кто кума была?
Ай кум-от был князь Михайла Скопин,
Князь Михайла Скопин сын Васильевич,
А кума-то была дочь Скурлатова.
Они пили-ели проклажались,
Пивши-евши, похвалялися.
Выходили на крылечко на красное,
Ух как учели похвалу чинить князя-бояра.
Один скажет: «У меня много чистого серебра»,
Другой скажет: «У меня больше красна золота».
А что взговорит князь Михайла Скопин,
Михайла Скопин сын Васильевич:
«Еще что вы, братцы, выхваляетесь?
Я скажу вам не в похвальбу себе:
Я очистил царство Московское,
Я вывел веру поганскую,
Я стал за веру христианскую».
То слово куме не показалось,
То крестовой не пондравилось:
Наливала она чару водки крепкия,
Подносила куму крестовому.
Сам же он не пил, а ее почтил:
Ему мнилось, она выпила,
А она во рукав вылила.
Наливала еще куму крестовому:
Как выпил князь Михайла Скопин,
Резвы ноги подломилися,
Белы руки опустилися.
Уж как брали его слуги верные,

Подхватили его под белы руки,
Повезли его домой к себе.
Как встречала его матушка:
«Дитя мое, чадо милое!
Сколько ты по пирам ни ежжал,
А таков еще пьян не бывал».
«Ах ты гой еси, моя мать родная!
Сколько я по пирам ни ежжал,
А таков еще пьян не бывал:
Съела меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скурлатова!»

Оборона Пскова

Копил-то король, копил силушку,
Копил-то он, собака, двенадцать лет,
Накопил-то он силушки-сметы нет,
Много, сметы нет, сорок тысяч полков.
Накоплёмши он силы, на Русь пошел,
Он на Русь пошел, на три города,
На три города, на три стольные:
На первый на город — на Полотский,
На другой-то на город — Вели́ки Лукы́,
На третий — на батюшку на Опсков-град.
Он и Полотский — город мимоходом взял,
А Вели́ки Лукы́ он насквозь прошел.
Подходил он под батюшку под Опсков-град,
Становился, собака, в зеленых лугах,
Садился он, собака, во зóлот стул,
Смекал-то он силушку по́ три дни,
По три дни и по́ четыре:
Много ли силушки убыло,
Много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорок рот,
А прибыло силушки сорок полков.
Тут-же он, собака, возрадуется:
«Ох вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспешатели!
Мечитесь скоро в зелёные луга,
В зелёные луга государевы!
Бери своего коня Бахмута,
Поезжай во батюшку во Опсков-град.
Во город въезжай — не спрашивай,
Ко двору подъезжай — не докладывай,
Во палаты восходи — не бей челом,
Клади ярлыки на дубóвы столы».
За столами сидит воевода царев

Карамышев Семен Константинович:
«Ох ты гой еси, воевода царев
Карамышев Семен Константинович!
Отдай город Волок бѣз бою,
Без бою и без драки великия,
Без того уголовного смертного!
Я на первом часу возьму Опсков-град,
На другом часу стану чистити,
На третьем часу стану стол становить,
Стану пить, веселиться, прохладитися;
Князей твоих, бояр всех в полон поберу,
Донских казаков всех под меч преклоню,
А тебя, воеводу, казнить буду!»
Возгóворит воевода царев
Карамышев Семен Константинович:
«Блудѣн сын, король с королевичем,
С паном гетманом Хоткевичем
И с воинским конем Вороновичем!
Не отдам я тебе города бѣз бою,
Без бою и без драки великия,
Без того уголовного смертного!»
Как со вечера солдаты причащались,
Со полуночи ружья чистили.
Ко белóй заре, как куры пропели,
Не тучá с тучёй сходилася,
Не заря со зарёй сомыкалася —
Сходилися два войска, два великие,
Белого царя с королевским.
Тут ездит-разъезжает удалый добрый молодец,
Еще тот ли же воевода царёв
Карамышев Семен Константинович.
«Кому у нас на бою, братцы, божья помощь?»
Помог бог воеводе московскому
Карамышеву Семену Константиновичу,
Побил силу королевскую,
Всех латничков, сиповщичков,
Кольчужничков, барабанщичков.
На силу король сам-третей убежал,
Бегучий он, собака, заклинается:
«Не дай, боже, мне во Руси бывать,
Ни детям моим и ни внúчатам,
И ни внúчатам, и ни правнучатам!»

Защита Смоленска

Ротя было Москвы да белокаменной,
Когда царствовал Алексей Михайлович
Московской,
А выходил он, сударь, из божьей церкви,
Становился он на лобно, сударь, место,
На тую, сударь, зеленую дубраву,
Говорил он, надежа-государь-царь
Алексей сударь Михайлович Московской:
«Ай же вы, князи, вы бояра!
Пособите государю дума думати,
Надо думать крепка дума, не продумать.
Мне-ка пишет нынь король да земли
шведской,
Он просит у нас города Смоленца,
А дает ли нам хинскую землю;
То отдать ли нам Смоленец, не отдать,
Али нам за Смоленец постояти,
Али нам на Смоленец нанимать?»
Выходил перво князь востраханский,
Он поблизку государя становился,
А он понизку государю поклонился:
«Ах ты, эй-ну, надежа-государь-царь,
Алексей сударь Михайлович Московской!
Благослови мне, государь, слово смолвити;
Что Смоленец есть строеньице литовско,
Да во Смоленце стрельцов ведь нет
нисколько,
Во Смоленце казны ведь нет ни копейки;
Отдаем туда город-от Смоленец,
А возьмем-ко себе хинскую землю!»
Государю тыя речи не влюбились,
Говорил надежа-государь-царь,

Он Алексей сударь Михайлович Московской:
«Ах вы, эй же, малы детушки, солдаты!
Пособите государю дума думать,
Надо думать крепка дума, не продумать.
Мне-ка пишет нынь король земли шведской,
А уж он просит у нас города Смоленца,
А он дает ли нам хинскую землю;
То отдать ли нам Смоленец, не отдати,
Аль нам да за Смоленец постояти,
Аль нам да на Смоленец нанимати?»
Выходил-ка второй князь бухарский,
Он поблизку государя становился,
Да он понизку государю поклонился:
«Ах ты, эй-ну, надежа-государь-царь,
Алексей сударь Михайлович Московской!
Благослови мне, государь,

да слово смолвить:

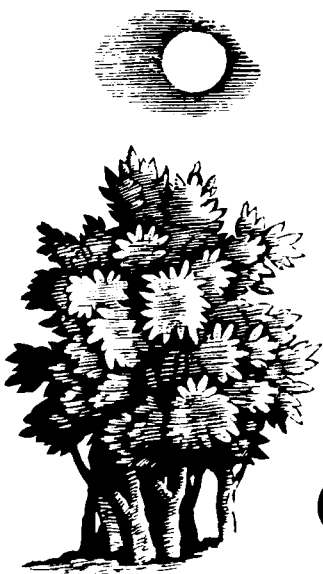
Что Смоленец есть строенье не московско,
А Смоленец есть строенье литовско;
Да во Смоленце стрельцов ведь нет

нисколько,

Да во Смоленце казны нет ведь ни копейки:
Отдадим туда город-от Смоленец,
Мы возьмем-ко себе хинскую землю!»
Государю тые речи не влюбились.
Говорил надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович Московской:
«Ах вы, эй же, малы детушки, солдаты!
Пособите государю дума думать,
Надо думать крепка дума, не продумать.
Мне-ка пишет нынь король да земли

шведской,

Она просит у нас города Смоленца,
А дает ли нам хинскую землю;
То отдать ли нам Смоленец, не отдати,
Да али нам за Смоленец постояти,
Да али за Смоленец нанимати?»
Выходил-ка князь Данила Милославской,
Он поблизку государю становился,
Он понизку государю поклонился:
«Ах ты, эй-ну, надежа-государь-царь,
Благослови мне, государь, слово смолвить:
Что Смоленец строенье не литовско,
А Смоленец строенье московско;
А во Смоленце казны есть да смету нету;

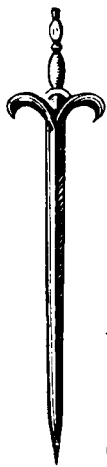
Уж мы станем за Смоленец постояти,
Уж мы станем за Смоленец нанимати,
Не дадим мы туда города Смоленца,
А не возьмем себе хинскую землю!»
Государю тыя речи прилюбились.
Говорил сударь надежа-государь-царь,
Алексей сударь Михайлович Московской:
«Ах ты, эй же, князь Данило Милославской!
Мне-ка чем тебя наскоро пожаловать,
А я пожалую во Смоленец воеводой!»
Астраханского взял — повесил,
А бухарскому-то князю голову срубил.

Взятие Азова

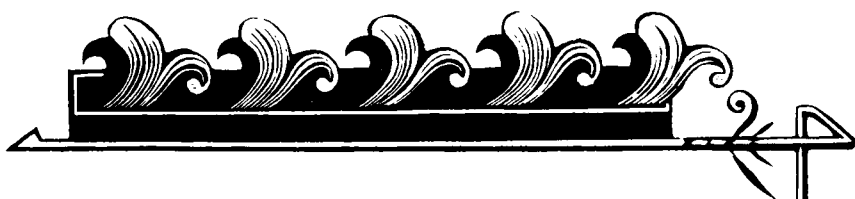

Как выходит ведь государь наш по день,
Выкликает надежда он по дру́гой,
Выкликает нас надежда царь по третей:
«Еще все же вы князи, вси бояри,
А все думские царевы генерала!
Пособите государю думы думать,
Государю чтобы дума не продумать,
Как бы взять бы мне Азов-горо́д без бою,
Без бою, без драки кроволитья».
Еще больший тулится за середнего,
А середний тулится за меньшего,
А от меньшего государю ни ответа нет.
Выходит тут казак е донсќий,
Еще он же молодец е удалые,
Супротив он государя становился,
Понизешенько надежде поклонился:
«Ох ты, батюшко надежда государь-царь,
Олексий сударь Михайлович московский!
Бласловите, государь, мне словца молвить.
Еще возьмем мы Азов-город без бою,
Еще без бою возьмем, без драки,
Еще без больща велика кроволитья!»
По головушке казаченка погладил:
«Благодарствуёшь казак тебе донсќий,
Еще ты же молодец е удалыи,
Еще ты же молодец-то есть смелые,
Еще смел-то с государем говорити.
А как будет ли казать тебе с дела,
Я пожалую по дорогу кафтану,
А как со тыма с клинамы золотыма
И с обвещамаы со тыма дорогима».
Пятьсот они тележек снарядили,
По пяти туды казаков положили,

Они черными юхтáмы накрывали,
Как булатнима гвоздцáмы обивали.
Еще они другие пятьсот тут снарядили,
Мякотным-то товаром нагрузили,
А туды же к Азову пропустили.
Они стали тут к Азову подъезжати.
Еще тут-то казаку ему не спится,
Еще брал-то он подарки дорогие,
К самому-то он Санталу относился:
«Ах ты здравствуешь, Сантал ты е турецкий,
Поздравляю тебя силой со немецкой!
Еще во́ теби подарки дорогие
Как от нашего царя теби от белого.
Да просил-то ведь наш царь тебя белый,
Да просил-то он в Азове торговати,
Как русийских товаров продавати,
А как ваших мы заморских покупати».
А как эти ему подарки прилюбились,
Приказал-то он в Азов-горóд въезжати,
Велел кажным тележки осмотрити.
Как пятьсот они тележек просмотрели,
Еще других тележек не сустигли,
Они всех они возов-то запустили.
Они зачали в Азове торговати,
А своих они товаров продавати,
А заморских они стали закупати,
А булатניים возцов тех отдирати,
Еще черных юхтов тех открывати,
Да оттудова молодцов тех выпускати.
Еще зачали казачки-то тут гуляти,
Они начали в Азове шурмовати
Да начали турчанов убивати,
Много множество турчанов тут прибили.
А одна-то тут Сантал и сам уехал
Еще во свою столицу в городóву.
Еще тут казачкам им не спится,
Оны вал-то земляной тут завалили
Как повыше стены они городóвой.
Тут Сантал-то он турецкой
Набирает себе силы сорок тысяч,
Подъезжает он к Азову тут ко городу,
Еще начал он в Азов-город ломиться,
Еще вал-то земляной он рассыпал,
Стену каменну оны да проломили,
Еще тут они в Азов-город забились,

Еще начали в Азове шурмовати,
Оны стали казачков тут убивати.
Тут немножко казачков тут оставлялось.
Собирались казачки тут в божью церковь,
Отслужили тут молебен со обедней:
«Еще ай же ты, Микола-чудотворец,
Не придай-ко нам напрасно умерети!
Подстрижемся мы тебе-ка вси в монахи,
Все в монахи подстрижемся, в патриархи,
Все в монахи подстрижемся, в патриархи!»
Напустил тут Микола-чудотворец,
Напустил тут на турчан он темну темень,
Они дружка дружку прирубили,
Как густым ту речку загустили.

Старина о большом быке

а все-то теперь разбежались,
Да все-то теперь раскучались
И со того со двора со боярского,
Да со того поместья государского:
Да князья, послушайте,
Да бояра, послушайте,
Да мужички-ты земские,
И старички деревенские,
Да ребята мэхотные,
Да крестьянушка пахотные,
И не шумите — послушайте,
Да я вам старинушку скажу.
Про того-де большого быка,
Рободáновича,
У которого стéпи рукой не достать,
Промежду-то рогами косая сажень,
На рогах была подпись та книжная,
Того Василья Богдановича,
Самого-де Рободáновича.
Да ли был Алешенька Кутятин-от,
Да не ел ли он да ни утятинки,
Да не ел ли он ни лебедятинки,
Захотел поест урослой телятинки,
Да-де собрал ён почестной пир.
И говорил-то Алеша таково слово:
«Да кто был у мя да во честном пиру,
Да кто был у мя да на ножку скор,
Да кто был у меня на походку легóк,
Да скочил бы за Москву за реку,
Да на тот бы на боярский двор,

Ко тому бы боярину
Да к Василью Богдановичу
К самому Рободановичу?»
Да был Зеновка на ножку скор,
Да был на походку легок,
Да скочил за Москву за реку,
Да на тот ли на широкий двор,
Да к тому ли Василью Богдановичу,
К самому ён да ли Рободановичу.
Да обул-то бытца в лапотци,
Да повернул быка пятами на перёд,
Да сам-то быку да приговаривал:
«Да кто-то быка как увел,
Да тому бы как безвестно уйти,
Да кто-то быка к дереву вязал,
Да тому бы как в то вёзиво попасть».
Да был Алешенька мясник,
Да были у его кулаки толсты.
И расскочился — быка палкой в лоб,
Да ткнул-де его ножом в бок.
Да сдирали кожу с бычоночка,
Совивали кожу трубочкой,
Завязали кожу урывочком,
Поносили кожу кожевнику.
Ихние урывочек срывается,
Ихна кожа развивается,
Да собаки-ты облаяли,
Да черные вороны ограили,
Пала кожа — дело не ўдало.
Три года в деле была,
Да середочка у ей повыгнила,
Да краёчкой у ей да не осталось,
Да-де вовсе-то кожа потерялася.
Да тому-то кожевнику
Да набили-то спину кнотом
Да справили двести с рублем,
Да двести с полтиною,
Да полно, дело покинули,
Да не люди-то добрые,
Да не заступы-ты крепкие,
Да не гости-ты Строганые,
Да только кожевнику бы головой вершить.

Да та беда — не беда,
Лишь бы больше вперед не была.
Да была Марья-кишочница,
Она старая харчевница.
Да состроила харчевенку,
Наварила она студенца,
Наварила она хорошего,
Да сварила она с прѳросью,
Господам-то есть было с легкостью,
Да не с того ли большого быка,
Рободановика,
У которого степи рукой не достать,
Промежду-то рогами косая сажень,
На рогах была подпись та книжная,
Того-то Василья Богдановича,
Самого-де Рободановича.
Да той-то Марье-кишочнице
Да набили-то спину кнутом,
Да справили двести с рублем,
Да двести с полтиною,
Да полно, дело покинули.
Да не люди-ты добрые,
Да не заступы-ты крепкие,
Да не гости-ты Строганные,
Да только бы Марье и головой вершить.
Да та беда — не беда,
Лишь бы больше вперед не была.
Да был у их Васенька,
Да был у их Васильюшко,
Да состроил он волыночку
Да на новую переладочку.
Да стал-то Васенько пощалкивать,
Да стали господа-ты посматривать,
Да стали Василья подхваливать:
«Да то-то наш Васенька,
Да тот наш Васильюшко!
Как состроил он волыночку
Да не с большого ли быка,
Рободановика,
Промежду-то рогами косая сажень,
На рогах была подпись та книжная,
Того Василья Богдановича,

Самого-де Рободановича».
Да тому-то ли Васеньке
Да набили спину кнутом
Да справили двести с рублем,
Да двести с полтиною,
Да полно, дело покинули.
Да не люди-ты добрые,
Да не заступы-ты крепкие,
Да не гости-ты Строганные,
Да только Василью и головой вершить.
Да тот-то бык стал во шестьсот рублёв,
И во шестьсот рублёв, кроме станových костьёв.
Дунай, Дунай — больше вперед не знай.

Травник

и деялося в весне
На старой на Канакже,
Ставил Потанька плужок
Под окошко к себе на лужок.
От моря-та синего,
Из-за гор высокиих,
Из-за лесу, лесу темного
Вылетал молодой Травник.
Прилетал молодой Травник,
Молодой зуй болотинник,
А садился Травник на лужок,
А травку пощипывает,
По лужку похаживает.
Ходючи Травник по лужку,
Да попал Травник в плужок
Своей левой ноженкой,
Он правым крылышком
Да мизинным перстичком.
А и пик, пик, пик Травник!
Сидючи Травник на лужку,
На лужку Травник во плужку,
Едва Травник вырвался.
Взвился Травник высоко,
Полетел Травник далеко,
Залетел Травник в Москву
И нашел в Москве кабачок,
Тот кабачок-то кручок.
А и тут поймали его,
Били его в дуплю,
Посадили его в тюрьму.

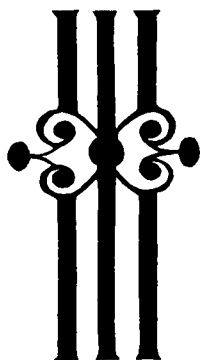

Пять недель, пять недель посидел,
Пять алтын, пять алтын заплатил.
И за то его выпустили,
Да кнутом его выстегали,
По рядам его выводили,
Едет дуга на дуге,
Шелудяк на хромой лошади,
А все Травника смотреть,
Все молодого смотреть —
Едва Травник вырвался.
Взвился Травник высоко,
Полетел Травник далеко,
На старую Канакже,
Ко Семену Егупьевичу
И ко Марье Алфертьевне,
И ко Анне Семеновне.
Залетел Травник в окно,
По избе он похаживает,
А низко спину гнет,
Носом в землю прет,
Збой за собой держит
И лукавство великое.
А Семен Травника невзлюбил,
Господин Травника невзлюбил:
«А что за птица та,
А что за лукавая?
Она ходит лукавится,
Збой за собой держит,
А и низко спину гнет,
А носом в землю прет».
И Семен Травника по щеке,
Господин по другой стороне,
А спину-хребет столочил,
Тело-печень прочь оттоптал.
Пряники сладкие,
Сапогами печатанные,
Калачи крупичатые,
Сапогами толоченные.
Втапоры мужики,
Неразумные канакжана,
Оне ходят дивуются:
«Где Травника не видать!

Где молодого не слышать?
Не клюет травоньки
Он вечно зеленыя».
Говорит Травникова жена,
Душа Анна Семеновна,
А наливная ягодка,
Виноградная вишенья:
«А глупы мужики,
Неразумные канакжана!
Травник с похмелья лежит,
Со Семенова почести,
А Семен его потчевал,
Господин его чествовал:
Спину-хребет столочил,
Тело-печень оттоптал».

Васильюшка Путятинский

ил свет Васильюшка Путятинский,
Ен трудно-больно во постелюшке лежал,
Что не сможа ён головы поднять.
Выпил чарочку зеленá вина.
С винца голова весела,
Со пива просыпанье тяжело,
Со калачика шейка бела,
Со попряничка румяньице,
Со кисленька поектанийце,
С толоконца порыганийце:
Мне гусятинки не хочется,
Поросятинка на ум нейдет,
Захотелося говядинки,
Право свежъей бычачинки,
Вот я крикну свою скорую слугу,
Слугу, свою верную посылочку:
«Ты поди ко мне, скорая слуга,
Поди, верная посылочка,
Походи по рынку, по дворам,
Поцепи быка веревкой за рога,
Доведи быка к болотийцу,
Привяжи быка к сосеночке,
Приударь быка березинкой,
Хорошенько с быка кожу сними,
Половину на куски разруби,
А другую на поварню отошли,
Прикажи мати нажарить, наварить,
Чтоб до свету артель накормить,
Чтобы не было пеняльщиков,
А после того жалальщиков,
Во дворе пану не сказывали б».
Была баба шельмилица,
Была старая харчевница,

Ничаво-то ена не взяла,
Только бычьи рожки да ходилочки.
Хорошо баба выпаливала,
Чередно яну выскабливала,
Ету стюдиньку наваривала,
По начовочкам разлиывала,
На боярушек выпажывала,
А боярушки откухывали,
Калачом яну закусывали,
Ету стюдиньку похваливали:
«Хороша твоя, бабушка,
Хороша твоя стюдинька!»
«На здоровье вам, боярушки,
На здоровье, кормилицы,
На здоровье, мои батюшки,
Со великою со сытностью,
Что со вашего ж со добрых!»

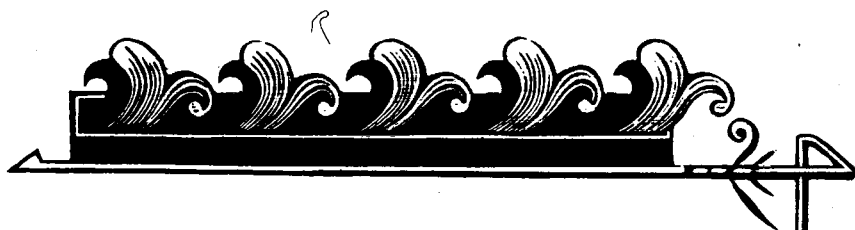
Сергей хорош

Кй ужли вы, миряне,
Государевы дворяне,
Благословите-тка вы, дворяне,
Про Сергея-та сказать,
Про Сергея Боркова
Сына Федоровича.
А не сергеевской Сергей,
Не володимерской Сергей,
А живал все Сергей
На Уфе на реке,
В ямской слободе
У попа во дворе,
В приворотней избе.
Спознала про Сергея
С гостиного двора
Гостиная жена,
Гостиная жена,
Крестиною зовут.
Она пива наварила
И ведро вина купила,
Позвала его, Сергея,
На пирушечку.
Приходил Сергей
Всех прежде людей,
А для-ради Сергея
И суседей позвала.
А и тот с борку,
Иной с борку,
Уже полна изба
Принабуркалася.
А и день к вечеру
Вечеряется,
Сергей молодец
Напивается,

Изволил он, Сергей,
Ко двору своему идти,
Ко подворью своему.
А в доме Сергей
Он опаслив был,
Он опаслив был
И не верил жене,
И не верил жене
И ревнив добре.
Заглянет Сергей
В огороде-хмельнике,
В огороде-хмельнике,
На повети в сеннике,
На перине на боку,
В шитом браном пологу,
А и тут Сергей
Не видал никого.
Заглянет Сергей
Во свином котухе,
А увидел он, Сергей,
Чужого мужика,
А чужого мужика
На жене-то своей,
А мужик бабу
Сергееву жену.
Сергей заревел,
Мужика испужал,
А мужик побежал,
На повесть скакнул,
На повесть скакнул,
Он повесть обломил,
Да скотину задавил,
Он быка задавил,
Овцу-яловицу,
Овцу-яловицу,
Семерых поросят.
А стало у Сергея
Три беды в дому:
Первая беда —
Мужик повесть обломил,
А другая беда —
То скотину задавил,
А третья беда —
То жену его
А сел Сергей

Сам расплатится:
«А не жаль мне повети,
И скотины своея,
Жаль мне того,
Кто жену мою ...,
Не ушел,—
С тоски пропадет,
А кабы-де он,
Спасиба бы сказал,
А спасиба бы сказал,
Могорец заплатил,
А поветь-та бы цела
И скотина-та жива,
И скотина-та жива,
И жена бы весела,
А столь бы весела,
Будто ни в чем не была.

Усы

ще за рекой-рекой было четыре двора,
А и четыре двора да из ворот ворота.
Еще жил такой крестьянин: он солоду
не рости́л,

Еще солоду не рости́л, завсегда пиво варил;
Он ведь денег не ку́ет, да день́ги в займы
да́ет.

Еще шли таки Уси́ща, да атамани́ща;
Стуки-стуки, стуки-стуки, стуки-стуки
на крыльцо,
Бряки-бряки, бряки-бряки, бряки-бряки
за ко́льцо:

«Ты ставай-ко, хозяин, отпирай ворота,
Ты ставай-ко, хозяйюшка, добывай огня».
Как хозяин-от встават, да ворота отпира́т,
Как хозяйка та встават, да огонь достават.
«Еще что бы нам, хозяин, как попить бы,
пои́сть?»

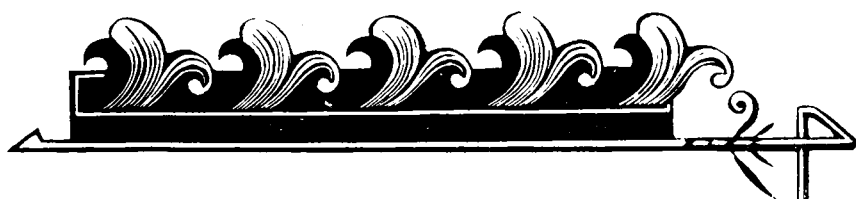
А попить бы, пои́сть, да нам позавтрака́ти?»
А хозяин-от идет, да еще ку́ль толокна несе́т,
А хозяйка та идет, да им уша́т молока несе́т.
Они по кусу хвата́ли — призаправи́лись.
По друго́му-то хвата́ли — Бо́гу кланя́лись.
«Да спасибо те, хозяин, на овсяном толокне,
Да спасибо те, хозяйка, на кисло́м моло́ке.
Еще бы ты нас, хозяин, напои́л бы, накорми́л,
Напои́л бы, накорми́л, да живото́м нас
наде́лил».

Да хозяин-от божи́тся: «Правда, денег нет».
Да хозяйка та ротит́ся: «Нам негде взять».
«Ты по́ди, Самсон, да колупа́й заслон,
Вы кла́дите-ко хозяину пы́лу под ды́ру:
Еще скаже́т хозяин-от собину́ свою».

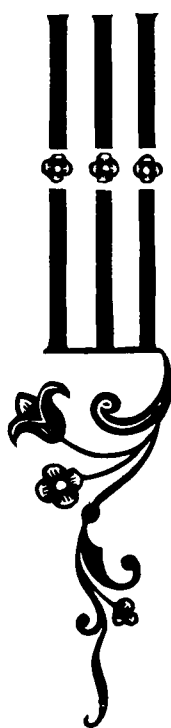
Да хозяин-от идет, да свою собину несет,
Да хозяйка та бежит, да достальны деньги
тащит.

Они делили, разделили по пятидесят рублей,
Да большому-то Усищу девяносто рублей.
«Да спасибо те, хозяин, напоил нас, накормил,
Напоил нас, накормил, да животом нас
наделил.

Еще двор твой знайём — опять придем!»

Стрельцы и крестьянин

ли стрельцов молодцов
Пятьдесят человек,
Сами сговорились,
Сами смолвились:
«Ежели бы нам, ребяташки,
Кобылушку соловую!
Нам бы только экипаж везла,
Сами бы мы пешки шли!»
Едет крестьянин,
Дуб сволок;
Под крестьянином
Кобылушка соловая.
Взглянули они,
Сами смéхнулись:
«Что в Христа молили,
То господь нам дал!
Ну-ка, сем-ка мы, ребяташки,
Навалимся!»
Видит крестьянин
Неминуемое свое,
Распрягает кобылушку
Соловую,
На колене дугу
Распрямливает:
Всех перебил,
Будто волк переел,
Спины понабил,
Как сычуг снарядил.
«Ну-ка, ребята,
Челобитную писать,
Челобитную писать,
К Москве посылать,

К Москве посылать,
 Ко царю подавать!
К Москве нам идтить,—
 Нам и правыми быть,
Правыми быть,
 Виноватыми слыть.
Ну-ка, ребята,
 По своим домам!
Заставим мы жен
 Банюшки топить,
Банюшки топить,
 Свои спинушки лечить.
Раны на нас
 Не копейчатые,
Раны на нас —
 Всё дубинный шлях!»

Казак и шинкарка

а траве, траве шелковой,
Стояла корчма государева.
Во той во корчме шинкарка сидит,
Шинкует шинкарочка пивом и вином,
Пивом и вином, сладким медом,
Пришли ко шинкарочке трое молодцов:
Туляк, да поляк, да с Дону казак;
Туляк вино пил, монеты платил,
Поляк вино пил, червонцы платил,
Донской казак пил, денег не платил,
Коня заложил, шинкарку манил:
— Поедем, шинкарушка, к нам на тихий Дон;
У нас на Дону не по-вашему,
Житье хорошо: не ткут, не прядут,
Мед, горелку пьют.
Возговорит же шинкарушка:
— Пойдем, пойдем, молодец,
Пойдем к моему отцу, к матери,
Возьмем, возьмем платье цветное.
Как возговорит донской казак:
— Не ходи-ка, девушка, к отцу, к матери,
Не бери-ка, девушка, платье цветное,
Возьми, возьми, девушка, золоту казну
государеву,
Садись-ка ты, девушка, на добра коня,
Поедем-ка, девушка, во темны леса,
Во темны леса, во сыры бора.
Едет же казак во темных лесах,
Возговорит молодец красной девице:
— Слезай-ка ты, девица, со добра коня,
Полезай, красавица, ты на сосенку,
Что на самую на вершиночку.
Привязал казак девушку ко сосенке:

— Погляди-ка, девушка, где тихий Дунай?
Погляди, красавица, где казачий Дон?
Зажигал же казак сосенку с серединочки,
Гори, гори сосенка до вершиночки.
Сосенка горит, шинкарочка кричит:
— Прости, прости, батюшка,
Прости, прости, матушка!
Простите, подруженьки, сестрицы родимые!
Не давайтесь, девушки, казакам в обман:
Донские казаченьки злообманчивы,
Злообманчивы, злопроводчивы!

Брат женился на сестре

а горе, горе
Стоял новый кабачок.
Как во этом кабачке
Удалые вино пьют.
Богачи дивуются.
«Не девуйтесь, богачи!
За все денежки отдам,
Из кармашка гроша два,
Целковеньких полтора».
«Верю, верю тебе, пан,
На тебе синий кафтан,
За тебя дочку отдам,
Моя дочка панночка —
Настоящая кралечка».
Во субботу сватали,
В воскресенье венчали.
Приехали от венца,
Давай пива и вина!
Стали бражку распивать,
Стали пана поздравлять:
«Здравствуй, здравствуй, пан,
Откуда ты родиной?»
«Родиной из Киева,
По прозванью — Карпов сын!»
«Здравствуй, здравствуй, панночка,
Настоящая кралечка!
Откуда ты родиной?»
«Родиной из Киева,
По прозванью Карпова!»
«Поди, сестра, в монастырь,
А я пойду в темный лес,
Где бы зверь-ит меня съел».

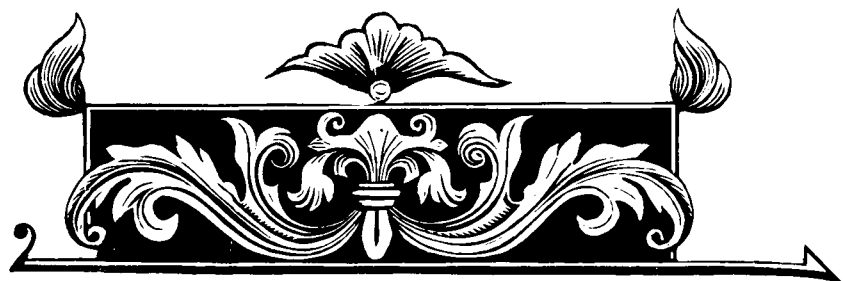

Как во славном было граде Вавилоне

е во славном было граде Вавѣлоне,
Вавѣлоне,
Там жила ли была вот красная девушка,
Она дочь отецкая,
Дочь отецкая.
Прожила ли она, вот красная девица,
Ромно тридцать лет,
Ромно тридцать лет.
Не имела себе вот красная девушка
Себе одного, ай одного греха,
Одного греха.
Приезжали к ее вот родимому батюшке
Всѣ из гор князья,
Князья-узденья.
Приезжал ли к ее вот родимому батюшке
Сам Султан-паша, ай турецкой султан,
Турецкой султан.
Как в его ли лицо вот красная девушка,
Вот она влюбилася,
Вот влюбилася.
Она в его ли красу вот она прельстилася,
Перельстилася.
Совершала она, вот красная девушка,
Богу тяжкий грех,
Богу тяжкий грех.
Породила она младого юношу,
Сына Македонского,
Македонского.
Как узнал-то ли, узнал вот родной ее батюшка,
Стал журить-бранить.
Ай что журит-то ли он бранит вот красную
девушку,
Ее со двора вон долой гонѣт,

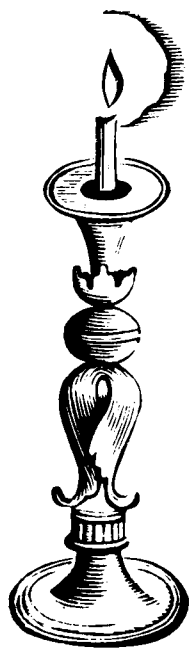
Он долой гонит:
«Ты сойди-ка, сойди, вот красная девушка,
С мово широка, ай широка двора,
Широка двора.
Ты снеси-ка, снеси ее, худу славушку,
Худу славушку».
Как взяла-то ли, взяла вот красная девушка
Младого юношу, сына Македонского,
Его Александрушку,
Александрушку.
Как пошла-то ли она вот не стёжечкой,
Не дорожечкою,
Не дорожечкою, а тропиною она всё,
Вот всё звериною,
Всё звериною.
Как навстречу ей, вот красной девушке,
Да молодой охотничек,
Да охотничек:
«Да бог помощь тебе, вот красная девушка,
Куда тебя бог бедну несёт?
Бог бедну несёт».
«А иду ли я, иду я, красна девушка,
По скрай моря синего,
Моря синего.
Еще я просить буду, я просить буду —
Не губи-ка ли ты младого юношу,
Сына Македонского!
Македонского».
«Как построим тебе, вот красная девушка,
Вот теплую гнёздушку,
Да и гнёздушку.
Да с окошечками тебе, вот красная девушка,
Уж мы во чисту поля,
Во чисту поля,
А воротичками мы во синю моря,
Во синю моря.
Да как будут приезжать всё из гор кораблички,
Да кораблички,
А молодой юноша уж и будет признавать
Родимого батюшку».

Обманутая девушка

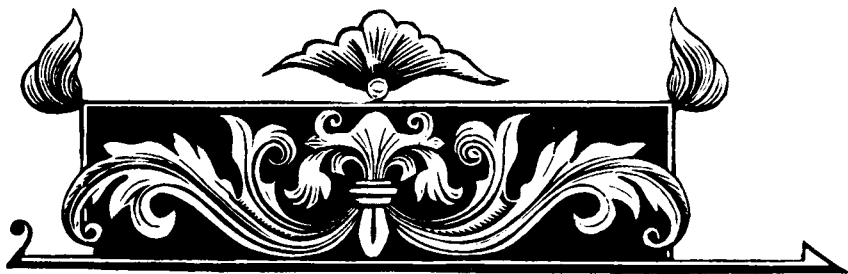

е велела мне матушка
Мне белиться, румяниться,
Начерно́ брови сурмити,
В цветное платье рядиться,
В холостую горницу хаживать,
В холостую, женатую,
С холостыми речь говаривать,
С холостыми и с женатыми.
Я не слушалась матушки,
Я белилась, румянилась,
Начерно́ брови сурмила,
В цветное платье рядилась,
В холостую горницу хаживала,
В холостую, женатую,
С холостыми речь говаривала,
С холостыми и с женатыми.
Обманул меня молодец,
Обманул расканальский сын:
Он сказал, что нет отца, матери,
Уж как нет молодой жены,
Молодой жены с детушками.
Уж как я ль, красна девушка,
На его слова прельстилася,
С вихорем думу думала,
С вихорем я разгадывала.
Он повез на свою сторону,
На дороге всю правду сказал,
Всю правду, всю истинную:
«Не пугайся, красна девица,
Не пугайся, дочь отецкая!

Я хочу тебе всю правду сказать,
Всю правду, всю истинную:
У меня есть и отец и мать,
У меня есть молодая жена,
Молода жена с детушками».
Залилась я, красна девушка,
Я своими горячьми слезами,
Во слезах слово молвила:
«Ты удалый добрый молодец,
Ты зачем же меня обманывал?
Мою молодость подговаривал?»
Он привез на свою сторону.
Как встречает его и отец и мать,
Как встречает молода жена с детушками.
«Ты родимый, родной батюшка!
Я привез вам вековую работницу,
А тебе, родна матушка,
Вековую переменщицу,
А тебе, молодая жена,
Вековую постельницу,
А вам, малым детушкам,
Вековая вам нянюшка,
А себе, добру молодцу,
Вековую разувальницу».
Залилась красна девушка
Своими горячьми слезами,
Во слезах слово молвила:
«Ты не смейся, добрый молодец!
Я отцу твоему не работница,
А матери не переменщица,
А жене твоей не постельница,
А детям твоим не нянюшка.
Ты удалый добрый молодец!
И ты дай мне ведры дубовые,
И я пойду на Дунай-реку,
На Дунай-реку по воду».
Почерпнула ведры, поставила,
На все стороны помолилася,
С отцом, с матерью простилася:
«Ты прости, мой родной батюшка,
Ты еще прости, государыня матушка,
Еще прощай, добрый молодец».

Уж в первóй-то она взошла
По свой шелков пояс,
А в другой-ат она взошла
По свои могучí плеча,
А уж в третий-та она взошла
По свою буйну голову.
Увидал добрый молодец
Со высокого терема,
Со косящатого окошечка,
Закричал он громким голосом:
«Не топись, красна девица,
Не топись, дочь отецкая!
Отвезу тебя на твою сторону,
К твоему ли к отцу, к матери,
К твоему роду-племени».

Разбойничья лодка

з-под камешка речка разливалась,
С бережочками поравнялася.
По этой быстрой речке плыла веточка.
Ну хорошо как, братцы, ветка изукрашенная:
Еще нос-кеорма у ветки подзолочена,
Рытым бархатом ветка обколочена,
Во носу сидит, братцы, есаул с ружьем,
Во корме сидит атаман с копьем.
Ну посередь ветки лежит золота казна,
На казне, братцы, красной ковричок,
На коврику сидит красна девица,
Атаманова, братцы, полюбовушка,
Есаулова, братцы, родна сестричка,
Сновидением она во сне видела:
«Атаманушку-дружку быть убитому,
Есаулушку-братцу пойманному,
А золотой казне быть похищенной,
А мне, красной девице, полоненной быть».
Тут спроговорил, значит, атаманушко-дружок:
«Ну не может быть,—сказал он,—и уж так же
сбудется,

Ну станем пить-попивать да зелена вина».
Ан и тут спроговорила да красная девица:
«Ну как пить-то вы, пить-то, только
не воспивайтесь!»

«Ну может быть, еще и не станется».
Вот стали пить они зелена вина,
ну и сильно испилися,

Вдруг нагрянула погонушка несносная,
Есаулушка-брата уж поймали его,
А атаманушка-дружка солдат на копье держал.
Тут спроговорил, братцы, атаманушка:

«Еще прощай, моя душа красная девица,
Полюбовушка ты моя любезная,
Ну не верил я тебе, не верил тебе,
Уж не думал я, что так и сбудется».
И атаманушко-брат тут и помер.
Поймали есаулушка, повезли его
И посадили его, есаулушка, во тюрьму,
И меня, красну девицу, вместе с ним.
И меня, красну девицу, вместе с ним
Посадили во тюрьму во глѹмную.

Лебедушка и сокол

а по морюшку, да было по морю по Верейскому,
По Верейскому,
Да там плавала, да плавала белая лебедушка,
Ну лебедушка.

Да она плавала, да не так-то сама слезно
плакала,

Слезно плакала,
Жалобу творит да она жа на ясного сокола,
Ясна сокола:

«Да ты, глупенький, да сокол глупый,
неразумненький,

Неразумненький!

Да за что, ты почто ты разбил стада лебединая,
Лебединая,

Да и убил ты, убил да мово белого лебедя,
Мово лебедя,

Разорил, разгромил да мою же вот теплую
гнездушка,

Мою гнездушка,

Посирóтил ты да моих малых детушек,

Малых детушек,

Малых детушек да моих жа малых лебедяточек,
Лебедяточек!»

«Да не плачь, не горюй, не горюй,
белая лебедушка,

Ну лебедушка,

Узовьюсь я, узовьюсь вот бы выше облака,
Выше облака,

Полечу жа я да пушусь, вот бы млад ясмён сокол,
Млад ясмён сокол,

Полечу же я, да пушусь вот за окиян-моря,
Окиян-моря,

Соберу, пригоню, пригоню же стада
гусей-лебедей,

Гусей-лебедей,
Да поставлю их, да поставлю бы в одну
линию,

В одну линию:
Выбирай же ты, выбирай же, белая лебедушка,
Ну лебедушка,
Выбирай себе да по совести себе лебедя,
Себе лебедя!»

«Не найтить же мне да по совести себе
лебедя,

Себе лебедя,
Не найтить, не найтить да своим деткам
отца рóдного,

Отца рóдного:
Да как мой лебедь, да ведь он был лебедь
приметливый,

Был приметливый,
Да и мой-то лебедь через пёрушку ведь он
позолоченый!»

Сынок Разина

ткуль взялся-проявился незнамой человек.
Он частым-часто по городу похаживает,
Черноплисовый кафтан да за един рукав таскал,
Сорываньской кушачок да в его белых руках,
Черна шляпа с брусаментом на его желтых
кудрах.

Он и шефам-офицерам не кланяется,
Востраканскому губернатору челом он не отдает,
Он челом не отдает, да всё под суд его нейдет,
Взяли-брали молодца да на царевы кабаки,
Становили молодца да против белого крыльца,
Против белого крыльца, прям губернацкого лица.
Стал губернатор выпрашивати,
Стал выпрашивати, да стал выведывати:
«Ты скажи, скажи, детинушка,

незнамой человек,

Уж ты со Дону казак, или казацкой сын?
Ты казанец, ли рязанец, али востроканец?»
Как ответ держит детинушка незнамой человек:
«Я не со Дону казак, да не казацкой сын,
Не казанец, не рязанец, я не востроканец,
Я со Камы со реки, да Сеньки Разина сын.
Мой-от батюшка хотел да к тебе в гости

побывать,

Ты умей его встречать, да умей чествовати,
Умей чествовати, да умей подчевати».

Востраканскому губернатору не слюбилися

словеса:

«Еще есть ли то при мне, а слуги верны
при себе,

Вы сведите-тко молодца в белокаменну тюрьму!»
Взяли брали молодца за желтые волоса,
Посадили молодца в белокаменны тюрьмы.

Що со Камы со реки да со самой горней стороны
Тут и был выплывал воровской атаман,
Воровской атаман, да Сенька Разин сам.
Он спроговорил-спромолвил, да как в трубу

струбил:
«Ище што мне, ребятушка, тошным мне

тошно,
Мне тошным-тошно, да пособить немошно?
Зачерпните-тко воды да со правой стороны,
Вы подайте-тко мне воды да

из правой из руки:
«И над водой-то Сенька волховал,
и воду взáдь выливал —

Верно, верно, да мой сыночек во неволюшки
сидит,

Во неволюшки сидит, да в белокаменной
тюрьмы,

Уж вы гряньте-тко ребята, да вниз по Камы
по реки,

Вниз по Камы по реки да к белокаменной
тюрьмы,

Болокаменну тюрьму да всю по камню
разберу,

С востраканского губернатора с живá кожу
сдеру».

Ище грянули ребята да вниз да по Камы по реки,
Вниз по Камы по реки, да к белокаменной

тюрьмы.
Белокаменную тюрьму да всю по камню

разобрал,
С востроканского губернатора с живá кожу

сдирал.

Сокол и вороны

агоралась в чистом поле ковыль-трава,
Добиралась до белого камня.
На камне сидел млад ясён сокол,
Подпалил он свои крылушки,
Обжег свои скорые ножушки.
Прилетали к соколу стадо воронов,
Садились вороны вокруг него,
В глаза ясну соколу насмехались,
Называли они сокола вороною:
«Ты ворона, ворона подгуменная!»
Тут возговорит млад ясен сокол:
«Как пройдет моя беда со кручиною,
Отрошу я свои крылья быстрые,
Оживлю я свои ноги скорые,
Я взовьюся, млад ясен сокол, выше облака,
Опущуся в ваше стадо быстрее стрелы,
Перебью вас, черных воронов, до единого...»

Смерть Разина

ы леса ль мои, лесочки, леса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы теплые,
Уж как вы ль, мои станочки, поразломлены,
Все товарищи, все приятели поразловлены,
По злодейкам по тюрьмам порассажены.
Только я то ли, добрый молодец, не пойман был,
По прозванию меня звали Стенька Разин сын.
Я не год гулял, я не два года,
Я гулял-то ровно тридцать лет;
Как пошел-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-реке,
У Дунай-реки перевоз кричал:
«Перевезите-ка меня, добра молодца,
На ту сторону, на белый камешек!»
На белом камешке стал скончаться,
При кончинушке стал наказывать,
Стал наказывать и выговаривать:
«Ах вы милые сотоварищи!
Похороните меня, добра молодца,
Промежду трех дорог — первой Питерской,
Другой Владимирской, третьей Киевской.
Во правую ручку дайте саблю вострую,
Во левую ручку калену стрелу,
В головах поставьте чуден-дивен крест,
Во ногах поставьте ворона коня».
Кто ни идет, кто ни едет мимо молодца,
Мимо молодца, всяк помолится:
«Что не вор ли лежит тут, не разбойничек,
Тут лежит-то Стенька Разин сын!»
Приходили тут сотоварищи,
Помолилися на чуден-дивен крест,
Тому-то братцы сдивовались,
Стеньке Разину поклонялися:

«Уж ты выстань-ка, сотоварищ наш,
Ты возьми-ка в руки саблю вострую,
Во в леву руку калену стрелу,
Ты ударь-ка буйной палицей,
По бедрам нашим широким!
Кабы знали мы, уж ведали,
Выручили бы с белá камня,
С бела камня, со Дунай-реки,
Со Дунай-реки со широконой.
Покажи-ка нам златы латы тут,
Златы латы тут серпентинные!»
Погрузили во Дунай-реку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-реки сотоварищи
На Амур пошли думу думати.
У Амур-реки крута гора,
Крута гора высокая;
На той горе распрощались,
Друг другу поклонялися:
«Уж мы, братцы, разойдемтесь-ка,
Разойдемтесь-ка по диким местам!»

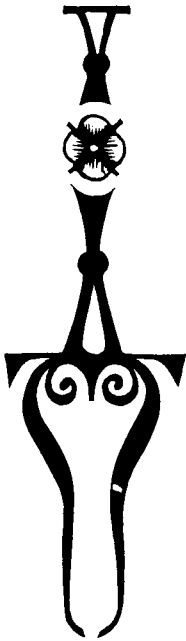
Убийство астраханского губернатора

Что повыше было города Царицына,
Что пониже было города Саратова
Протекала, пролегала мать Камышенка-река;
За собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга;
Она устьищем впадала в Волгу матушку реку.
Что по той ли было матушке Камышенке-реке,
Как плывут тут, wypлывают есаульные
стружки:
На стружках сидят гребцы,
всё бурлаки-молодцы,
Всё бурлаки-молодцы, всё заволгски удалцы,
Хорошо, братцы, молодцы переряжены сидят:
На них шапочки соболю, верхи бархатные,
Однорядочны кафтаны, всё камкой подложены,
Коноватные бешметы в одну нитку строчены,
Все тафтяные рубашки галуном обложены,
На них штаники суконны по-старинну скроены,
Что желтой сафьян сапожки,
всё щильцом каблучки.
Они веслами грёбут, сами песенки поют,
Становилися стружечки среди Волги
к островку,
Они ждали, поджидали губернатора к себе,
Губернатора к себе астраханского еще.
Ах! что взговорят молодцы, бурлаки-удальцы:
«Еще что-то на воде у нас белеется!»
Забелелися тут флаги губернаторские:
Кого ждали, пожидали, того ляд и несет.
Астраханской губернатор догадается:
«Ах! вы гой еси, бурлаки, люди вольные,

Вы берите золотой казны, что надобно,
Вы берите цвѣтно платье губернаторское,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите ли вещицы астраханские!»
Ах! что взговорят молодцы, люди вольные:
«Нам не дорога твоя ли золота казна,
Нам не дорого цвѣтно платье губернаторское,
Нам не дороги диковинки заморские,
Нам не дороги вещицы астраханские,
Дорога нам буйная твоя головушка!»
Как срубили с губернатора буйну голову,
Они бросили головку в Волгу матушку реку,
И что сами молодцы насмеялись ему:
«Ты добре ли губернатор к нам строгий был;
Ах! ты бил ли нас, губил, много в ссылку
 посылал,
Ах! ты жен наших, детей, на воротах
 расстрелял».

Конь и сокол

а во поле, во поле, во чистом поле,
Да там рос, вырастал сыр зеленый дуб:
Да у дуба корешки булатные,
Да у дубика шкорочка жестяная,
Да у дуба отросточки хрустальные,
Да у дубика листушки бумажные,
А жолудики у дуба позлачёные,
А и маковка с верхушкою земчужная.
Да на дубику гнездо соколиная,
Да под дубиком стойлица кониная.
Позаспорил соколик со добрым конем,
Не об сто-то рублей, не об тысячу,
Да об буйных своих-то об головушках,—
Как бежать до того места урочного,
До того бы ложочка до зеленого,
До того ли колодезя холодного.
«Ну, тебе, добрый коник, по земле бежать,
А мне, соколу, лететь по-над небесью!»
Вот и конь-то бежит, вот, аж земля дрожит,
А соколик летит, вот колокол звенит.
Прибегает конёчек до того места,
До того ли до места, до урочного,
До того было луга, до зелёного,
До того ли до колодца, до холодного.
Шелковый травы коник наедается,
Ключевой-то водицы напивается.
Как и час-то стоит, и другой стоит,
Как у третьем часу да сокол летит:
«Ну, иде же ты, соколик, позамешкался?»

«Как летел я, соколик, по-над небесью,
А навстречу мне стадо гусей-лебедей.
Да разбил, разогнал я эту стадушку,
Я убил, ушиб, сокол, бела лебедя.
Со того-то я, сокол, позамешкался,
Ты прости мне, прости же, душа,
добрый конь».
«Я прощаю, соколик, все вины твои
За твою молодецкую ухватушку!»

Покинутый разбойник

Как из славного царства Астраханского,
Что не грозная тут туча подымалась,
Подымалась-снаряжалась грозная высылка.
Что разъезд она держит до Кругла острова,
До славного пристанища молодецкого,
До соборища бурлацкого,
До притону ли казацкого.
Казаки, там сидя, догадались,
Что во легкие во лодки пометались.
Одного ли добра молодца покинули,
Что ни лучшего ль из молодцев — есаула.
Добрый молодец по острову похаживает,
И он добрую свою фузею за плечам носит,
И он острою своею саблей подпирается,
Сам горючими слезами обливается.
Он вскричал ли, возопил ли громким голосом:
«Государи вы, братцы товарищи,
Не покиньте доброго молодца при бедности!
Уж как в некоторо время пригожусь,
братцы, вам,
Замену я вашу смерть животом моим,
Животом моим и грудью белою!»
Как товарищи от молодца уехали,
Поймали молодца на острове.

Гнездо орла

На батюшке было на Киянь-море,
На его было на крутых бережках,
На желтых его песках сыпучих,
На сыпучих песках, мелких, рассыпчатых.
Вырастало тут купарис-древо.
Со комелю деревцо свилевато,
Ко середочке деревцо сучковато,
Ко вершиночке деревцо кудревато,
На самой вершиночке были развилочки;
На развилочках сидел млад сизой орел.
Он сидел, орел, ровно три года.
Прилетала к орлу орлинушка;
Они начали совыкатися;
По совыканьицу стали вить тепло гнездо:
На завив кладут бело серебро,
Середочку выкладывают красным золотом,
Краюшки вынизиывают мелким жемчугом,
В уголушки втирали дороги драгоценные
и самоцветные камни.

Выводил орел своих детушек,
Сизых молодых орлятушек.
Как добрый молодец стал на возрасте,
Его детушки стали быть на вóзлете.
Вдруг несчастье на Киянь-море случилось:
Подымалася полуденная погодушка,
Со всего свету сильна полоса;
Всколыхала она Киянь-море
С краю во край и с конца в конец,
Подрывала купарисовы кореньица,
Потопляла орлино тепло гнездышко,
Во гнездышке малых его детушек.

Тут воскликнул, восплакнул млад сизой орел:
«На что было мне, орлу, орлинушку,
На что было мне, орлу, тепло гнездышко?
На что были мне, орлу, малы детушки?»
Взвивался орел высокохонько,
Опускался орел низехонько,
Ушибался орел о бел горяч камень.

Яик Горынович

Яик ты наш, Яикушка, Яик, сын Горынович!
Про тебя ли, про Яикушку, идет слава добрая;
Про тебя ль, про Горыныча, идет речь хорошая.
Золочено у Яикушки его было донышко;
Серебряны у Яикушки его были краешки;
Жемчужные у Яикушки его круты бережки.
Мутнехонек, наш Яикушка, бежишь ты
быстрехонько;
Прорыл-протек, наш Яикушка, все горушки,
все долушки;
Выметывал, наш Яикушка, посередь себя
часты острова.
С вершин взялся, наш Яикушка,
Бежишь же ты вплоть до устьяца,
До славного ты до моря, до города до Гурьева.
За Гурьевым выпадал ты во батюшку сине море,
Как до славного до города, острова,
до острова Камынина.
На острове Камынине, братцы, старики живут,
Старики, братцы, старожилые,
они по девяносто лет.
С покоренною Золотой Ордой
Старики, братцы, во ладу живут.
Круты бережки, низки долушки
У нашего пресловутого Яикушки
Костьми белыми казачьими усеяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючми слезми матерей и жен поливаны.
Где кость лежит, там шихан стоит,
Где кровь лилась, там вязель сплелась;
Где слеза пала, там озеро стало.

Гибель пана

Как пошла млада панья
По своим по новым сеням,
Как почасту-ту младая панья
За окошечко смотрела.
Уж как из поля, поля,
Из широкого раздолья,
От там едут, да поедут
Все князи да бояра,
В тороках везут князя
Всё кроваво цвѣтно платье.
Как пошла-то пошла младая панья
Во свои-то новые сени.
На крылечико, на крылечико выходила
Да понизку челом била:
«Уж вы здравствуйте, князи,
Все князи да бояра.
Не видали, не видали ли вы
Моего жерябша пана,
Моего ли, моего ли
Прежнего мужа?»
Как первóй князь слово молвил:
«Мы видóм пана не видали».
Как второй князь слово молвил:
«Мы слыхóм пана не слышали».
Как третьёй князь слово молвил:
«Уж мы столько панá видали:
Предалéча да в чистóм поли
Его добрóй конь рыщет,
Его шелкóвый повод
Копытом лошадь заступает,
Его черкальское, черкальское ли да седелко
По подчѣревью скатилось,
Его шёлкова, шелкóва плетка

Лютою змеей да извивает,
Его буйная глава
Под ракитовым кусточком,
Его жолты́е кудри
Вихорем в поле разносило,
Его черные брови
Черные вóроны расклевали,
Его ясные очи
Ясные соколы разносили,
Его белое тело
Серы да волки растерзали,
Его резвые ножки
Во быструю-то ли реку да скатились».
Уж как сшибло у молодой паньи
Белые ручки ко ретíвому сердечку.
Как пошла, пошла млáдая панья
Своих деточек будити:
«Уж вы станьте, постаньте,
Малые дети,
Как не стало у вас,
Малые дети,
Батюшка вашего родного,
Моего жерябша пана».

Исправление жены

Н а печке сижу,
Посиживаю,
Заплатки плачу,
Приплачиваю,
Всё мужа браню,
Прибраниваю:
«Продай, муж, корову
С лошадушкою!
Купи, муж, шубейку —
Всю на золоте,
Опушку боброву,
Жемчужной борт,
А я соберуся —
К обедне пойду.
А люди-то скажут:
«Чья така́ идет:
Либо с барского двора,
Либо земского жена?»
От обедни приду —
Пообедаю,
На печке лягу,
Погреюся».
Идет муж с двора,
Несет воровины вожжи,
Воровины вожжи,
Несмоленый кнут.
«Слезай, жена, с печки,
Надевай хомут!
Поедем, жена, в рощу,
В рощу по дрова».
Приехал в целик,
Наклал воз велик.

Он в горку-то едет —
Подхлывствует,
А с горки-то едет —
Подсвистывает,
В деревню-то едет —
Ребятам кричит:
«Ребята, ребята,
Кобылка добра!
Кобылка добра —
Великий воз везла».
Приехал ко двору,
Выпрягал жену,
Засыпал жене
Сена и овса,
Сена и овса:
«Ешь, моя жена!»
В скорое время
Возмолилася:
«Продай, муж, шубейку
Всю на золоте,
Купи, муж, коровенку,—
Хоть безрогиньку,
Купи, муж, лошадку,—
Хоть бесхвостеньку».

Панья

Как пошла пánья
По своим новым сеням,
Как почасту, как почасту
Из окошечка смотрела:
Ажно íз поля, из пóля,
Да из далека чиста пóля
Ажно едут-поедут
Да всё князья-бояр́а,
В торока́х везут князя
Да всё кровавое платье.
Выходила млада панья
Да на прекрасное крыльцо,
Не дошедши млада панья
По-низкому челом довела.
«Уж вы здравствуйте, князи-бóяра!
Вы видали ли князя
Моего-то бывшего пана?»
Как первой князь слово молвил:
«Мы его видом не видали».
Как второй-от слово молвил:
«Да мы слыхом не слыхали»,
Как третей-то слово молвил:
«Уж мы столько видали:
Его добрый конь рыщет
По далеким чистым полям,
Его черкаско седелко
По подч́ереву волочилось,
Его шелковый повод
Копытом лошадь заступает,
Его шелковая плетка
Лютою змеею извивает,
Его буйная глава
Под ракитовым кустышком,

Его русые кудри
Вихорем-ветром разносило,
Его ясные очи
Да ясны соколы разносили,
Его черны брови
Черные вороны расклевали,
Его белое тело
Серы волки растерзали».
Как пошла млада панья
Со своих новых сеней,
Как будила млада панья
Своих маленьких детей:
«Уж вы станьте, пробудитесь,
Мои маленькие детки!
Как у вас-то, малых деток,
Света-батюшка не стало,
А у меня-то, младой паньи,
Бывша пана не стало!»
Как на другой день млада панья
В зеленом лесу гуляла,
Во пригорье рвала
Траву васильевску,
Во прикрутье щипала
Цветы лазоревы
И прикладывала
К своим белым щекам:
«Будьте столько же аленьки,
Мои паньины щечки!»
Как на третий день млада панья
Во замуж выходила:
«Господа ле вы, господа,
Ко мне завтра на свадьбу,
Хлеба-соли кушать,
Вина-пива пити!»
Паньюшка по сеничкам похаживала,
Хлопчика за ручку поваживала:
«Пойдем ты, хлопчик,
На кружельский двор,
Возьмем мы, хлопчик,
Чарочку винца и братыньку пивца,
И выпьем мы, хлопчик,
По чарочки с тобой:
Ты за мое здоровьице,
А я за твое.
Ты-то будешь пьяный,

А я весела.
Ты будешь плясать,
А я буду скакать.
Мой-то пан уехал
Во большó гулять,
Меня пан оставил
Горе горевать,
Тóски тосковать.
Я ведь не умею
Горе горевать,
Тоски тосковать,
Только умею
Скакать да плясать!»
Мало-помалу
Сам-от пан на двор.
Выскочил хлопчик
Из полуокна,
Выставил хлопчик
Правую руку, а левую ногу.
Отсек пан у паньюшки
По плеч голову:
«Вот тебе, паньюшка,
Чарочка винца
Да братынька пивца,
Вот тебе, паньюшка,
Скакать да плясать!»

Недвига

Как звали Недвигу во пир пировать,
Во пир пировать, во беседу сидеть.
Да что наша Недвига отнекивалась,
Отнекивалась, отговаривалась:
«И мне не в чем идти, и мне не от кого!»
А после Недвига сбиралась, снаряжалась
Во атласницу да во бархатницу;
Приказала мужилушке дома сидеть:
«Ты сиди, муж, дома, сиди, супостат!
И ты масло пахтай, пшеницу просей,
Цыплят стереги и дитя колыхай!»
Приезжала Недвига к широкому двору;
Что садилась Недвига повыше всех,
Наедалась Недвига посытее всех,
Напивалась Недвига попьанее всех.
Селиван наливал, Афросин подносил,
Афросин подносил, Феклист кланялся;
Да что зять Куприян, он на смех поднимал.
За то наша Недвига рассердилася,
Рассердилася, разгузынилася,
Она вон пошла, дверью хлопнула.
Навстречу Недвиге стар старичок,
Стар старичок, кривой колпачок,
На соломенной лошадке, сани писанные.
«Ты садись, Недвига, в сани, поедем с нами!»
У нас на Руси да три радости:
У Романа жена себе сына родила —
Без пальца нога, без мизинца рука,
Без уса борода, без ума голова!»
Приезжала Недвига к широкому двору.

«Ты здорово ль, мужилушка, спал-ночевал?»
«Я не пуще здорово спал-ночевал:
И я масло пролил, пшеницу просыпал;
Прилетел коршун, ухватил цыплака,
Ухватил цыплака поперек живота;
А я кинулся — опрокинулся,
За копыл зацепил и дитя задавил!»

Фома и Ерема

ома да Ерема были братенички,
Прокуратиннички.
Они пили-ели сладко да носили хорошо:
Ерема носил рогожу, а Фома-то торпъё.
«Не лучше ль нам, Ерема, пашенку пахать,
Пашенку пахать, да и хлеб засевать?»
Ерема купил лошадь, а Фома-то жеребенка,
Ерема купил соху, а Фома-то борону,
У Еремы-ти не едет, у Фома-ти не везет.
Уж и по боку ножом, еще кожу на рожон.
«Уж и ну к черту, Ерема!»
«С этим промыслом, Фома!»
«Так не лучше ль нам, Ерема, за охотою
ходить,
За охотою ходить, серых зайчиков ловить?»
Ерема купил суку, а Фома-то кобеля.
Как Фомин-от кобель серу мышь задавил.
Навстречу им злодей — медведь-лиходей,
На Ерему-то ревет, а Фому-то дёром дерет.
А Ерема-то бежит, не оглянется,
А Фома-то за ним порет, не останется.
«Уж ты, брат, стой, Еремей честной!
Уж и ну к черту, Ерема!»
«С этим промыслом, Фома!»
«Так не лучше ль нам, Ерема, обеденки
служить?»
Ерема стал на крылос, а Фома-то на алтарь.
Ерема закричал, а Фома-то зазычал.
Навстречу им злодей-пономарь-лиходей,
Он Ерему-то дубиной, а Фому-то-вязовой.
А Ерема-то бежит, не оглянется,
А Фома-то за ним порет, не останется.
«Уж ты, брат, стой, Еремей честной!

Не лучше ли нам, Ерема, овинчики сушить,
Овинчики сушить да рожь молотить?»

Ерема овин сажит, а Фома теплину валит,
Ерема-то колотит, а Фома заберег воротит.
Колотили-молотили да овин сожгли.

Как Ерема-то бежит, не оглянется.

А Фома-то за ним порет, не останется.

«Уж ты, брат, постой, Еремей честной!

Уж и ну к черту, Ерема!»

«С этим промыслом, Фома!»

«Так не лучше ль нам, Ерема,

при дороженьке стоять,

При дороженьке стоять да обозы разбивать?»

Ерема взял дубину, а Фома-то вязову,

Навстречу им злодей-мужик-лиходей,

Он Ерему-то дубиной, а Фому-то вязовой.

Вот Ерема-то бежит, не оглянется,

А Фома-то за ним порет, не останется.

«Уж ты, брат, постой, Еремей честной!

Уж и ну к черту, Ерема!»

«С этим промыслом, Фома!»

«Так не лучше ль нам, Ерема, белу рыбицу
ловить?»

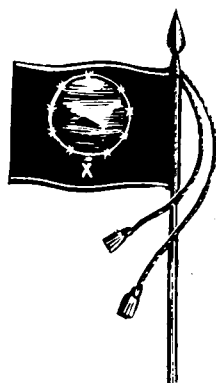
Ерема сел в лодку, а Фома-то в ботничок.

Они три года ныряли, да со дна-то не бывали.

Стрелецкий бунт

На черте было черте
На рубеженской,
Как на той-то было границе
Императорской,
Тут стояли же стрельцы-бойцы
Двенадцать лет —
За двенадцать лет им, стрельчикам,
Им провианту нет,
На добрых-то ихних на коней
Фуражу нейдет.
Собиралися стрельчики
Во единый круг,
Они думали крепку думушку
За единую:
«Уж гой-то еси стрельцы,
Вы добры молодцы!
Собирайтесь вы, стрелечки,
Во единый круг,
Уж делайте вы тележки
Одноколучки,
Уж сядемте в тележки
По семи человек,
По восьмому человеку
На запяточки.
Мы поедем-то, стрельцы,
В каменну Москву».
Мы не доехавши за двенадцать верст
Остановилися.
Мы раскинули шатры
Белы-полотняные.

Еще все наши шатры
При долу стоят,
Как один из них шатер
На пригорочке,
На пригорочке.
Как то у всех шатров
Маковочки серебряны,
Маковочки серебряны,
У одного ли же у шатрика —
Позолочены.
Как на шатрике сидел
Млад ясен сокол,
Как возговорил человечьим
Громким голосом:
«Уж вы гой-то еси,
Братцы мои товарищи,
Еще есть-то на вас
Наговорщики.
Наговорили наговорщики
Самому царю!»
На заре-то было, на зореньке
Ранней утренней,
Как не золотая трубонька
Вострубила,
Не жаркая позолочена да возговорила,
Как возговорил наш батюшка
Православный царь:
«Вы слуги мои, слуги верные,
Приведите-ка вы мне
Стрелецкого атаманушку!»
Как ведут-то ведут
Стрелецкого атаманушку:
Не лисья-то на нем шубочка
Нараспашечку,
Соболиная-то шапочка
Под пазухой.
Он упал-то перед царем
На коленочки:
«Уж ты батюшка православный царь,
Да какую мы тебе
Проступочку сделали?
Мы за эту же тебе

За проступочку,
Мы возьмем тебе три города
Столичных.
Без фуражу твоего возьмем,
Без жалованья,
Без свинца твоего, без пороху».
«Мне не надо твоих три города
Столичных,
Прикажи ты своим стрельцам
Добрым молодцам,
Чтобы с топорами шли,
Все со плахами».

Царь в кабаке

Уто из славного города из Санкт-Питера
Пролегала путь широкая дорожечка.
Что по той пути широкия дорожечке
Туда шло-пошло удалых тридцать молодцов;
Молодец к молодцу, волос к волосу,
Волос к волосу молодцы, да голос к голосу.
Случилось им идти мимо царев кабак,
Мимо то же кружало государево.
Еще все они, молодцы, на проход прошли,
Что один из них, добрый молодец, остается.
Приворачивал молодец на царев кабак,
Что на то же кружало государево.
Отворяет он кабацкие двери на пятах,
Да он молится Спасу и Пречистой,
Поздравляет он бурмистров со ларешными:
«А вы здравствуйте, бурмистры и ларешные!
Вы отмеряйте питья мне за пятьсот рублей,
А товарищам моим за целую тысячу».
Уже как в то время бурмистры соглянулися,
Соглянулися бурмистры, рассмехнулися;
Уж как стали у молодца выпрашивать:
«Еще как тебя, добрый молодец, по имени зовут,
Еще коего города урождением?»
Что ответ держит удалой добрый молодец:
«Урождением города каменной Москвы,
Что квартирушка стоит в Кремле-городе,
В Кремле-городе, против Ивана Великого».
Уж как в то время бурмистры испугалися:
«Ах ты ой еси, батюшко наш православный царь,
Золота твоя казна не запечатана,
Твои погребы глубокие не заперты».

Петр и казак

Как у нас было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси было, в кременной Москве,
В Петербурхе было, было в славном городе,
Там стоят, стоят три полка казачие:
Как и первый полк стоял — Преображенский полк,
На другой-то полк стоял — полк Измайловский,
Как на третий-то стоял — гренадерский полк.
Как во тех полках государь погуливал.
Не один гулял, гулял с генералами.
Перед ним-то идет, идет вестовой казак,
Он шумит, кричит своим громким голосом:
«Уж и нету ли у вас на царя охотничка,
На Петра-то царя нет ли поединщика?»
Ни в одном-то полку не было охотничка.
Ни в одном-то полку не было охотничка,
Ой да лейб-гвардейского полка выезжал охотничек.
Вот и взял-то царя, его за белы груди,
Вот и вдарил его казак об сыру землю.
Ну, лежит наш царь, а сам речи говорит:
«Ой да чем же тебя, чем, казак, пожаловать,
Чи большим ли чином, али золотой казной?»
«Ой не надобно мне чинов, золотой казны,
Ты пожалуй меня, младца, вольной волею:
Не стоять во строю, да быть во темном лесу,
Ой да, во темных-то лесах гулять,
во диких степях!»

Два невольника

К ак шли двое невольников
Из неволи,
Из той орды проклятой
Из Хивинской;
Пришли они к быстрой реке
Ко Уралу.
На ту пору Урал-река
Возмутилась,
С песком она да с желтеньким
Посмешалась,
Ледком она да тоненьким
Сомыкалась,
Снежком она да беленьким
Покрывалась.
Один из них пустился в путь
Через реку;
Он правой своей ножкой в снег
Становился.
И только что успел он в лед
Упереться,
Как беленький снежок вдруг
Распахнулся,
А тоненький ледочек вокруг
Обломился,
Удалой добрый молодец
Стал тонуть.
Товарищу он взгаркнул тут
Благим матом:
«Ты гой еси, товарищ-друг,
Брат названный,

Не дай ты мне в мои года
Жалко сгибнуть,
Беги да протяни скорей
Праву руку!»
«И рад бы я тебе
Протянути,
Да рука-то теперь моя
Коротенька,
А быстра Урал-речушка
Глубоконька».

Похищение девушки

о славном было городе Кронштате,
Гостиный сын по улице гуляет,
И он носит красно золото на цевке,
Окатистый крупный жемчуг на атласе.
Из высокого из нового терема
Увидела душа красна девица.
«Ах ты душечка удалый добрый молодец!
Ты продай, продай красно золото на цевке,
А окатистый крупный жемчуг на атласе!»
Да что взговорит удалый добрый молодец:
«Ах ты душечка-душа красна девица!
Красно золото на цевочке не чисто,
А окатистый крупный жемчуг не крупен.
Приходи, красна девица, к синю морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю,
Как во городе люди приумолкнут,
А в тереме свечки приутухнут,
И батюшка с матушкой спать лягут».
Красна девица по светлице ходила,
Она буйну свою голову чесала,
Русу свою косу заплетала.
Пошла красна девица к синю морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю.
Гостиный сын по бережку гуляет,
Он душу красну девицу дожидает.
Принимает красну девицу под ручки,
Берет ее за золоты за перстни.
Повели красну девицу во кораблик,
Посадили красну девицу на стулик,
Подносили красной девице сладкой водки,
Напоили красну девицу допьяна.
Поизволила девица почивати
У гостинного у сына на кровати.

Гостинный сын по кораблику гуляет,
Молодым матросам повелевает:
«Ах вы свет мои бурлаки молодые!
Вы отвязывайте кораблик, не стучите,
Душу красную девицу не будите!»
Среди моря девица пробудилась,
Пробудившись, девица стала плакать:
«Ахти, я перед богом согрешила,
Отца и мать навеки прогневила!»
Гостинный сын по кораблику гуляет,
В звончаты свои гуселечки играет,
Он душу красну девицу забавляет:
«Ты не плачь, не плачь, душа красна девица!
Уж как бог нас донесет с тобой в наш город,
И я буду просить у батюшки благословленья
На тебе, на красной девице, жениться.
Как станем мы с тобой жить во любви,
Отпущу тебя к твоему батюшке побывати,
На своей тебе сторонушке погуляти».

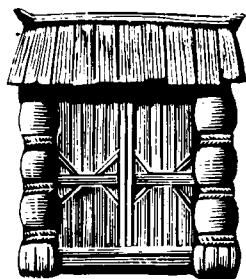

Похищение девушки бурлаками

Не вечерняя заря, братцы, приутухла,
Полунощная звезда, братцы, восходила.
Что во славном было городе Казани,
Что на крутеньком на красном бережочке,
Что на желтом на сыпучем на песочке,
Тут не черные вороны солетались —
Собирались понизовые бурлаки,
Они думали крепкую думушку заедино:
«Ах, состроим мы, ребяташки,
гребной стружок,
И поделаем заключинки кленовые,
Изнавесим мы веселочки ветловые,
Что нагрянем, ребяташки, вниз по Волге,
Остановимся, ребяташки, среди Волги,
Супротив того стольникова дому!»
Что у стольничья приказчика дочь хороша,
Что просилась дочь у батюшки погуляти:
«Ай, пусти, пусти меня, батюшка, погуляти,
Понизовых-то бурлаков поглядети!»
Понизовые бурлаки злы, лукавы,
Напоили красну девицу допьяна.
Уж как та ли красна девица уснула
У повольского атамана на коленях.
Да что взговорит повольский атаман:
«Что мы грянемте, ребяташки, вниз по Волге,
Чтобы не было от стольника погони!»
Ото сна ли красна девица пробудилась,
И за-очи с отцом, с матерью простилась:
«Ты прости, прости, мой батюшка родимый!
Ты скажи от меня матушке челобитье!»

Повели меня, красну девицу, в полицу,
Подымали красну девицу на дыбу.
Уж смело красна девица отвечала:
«Постойте, судьи мои, не судите!
Чего вам от меня больше желати?
Сама я вам, красна девица, повинюся:
Не много-то я, красна девица, гуляла,
Гуляла я, красна девица, тридцать шесть лет,

Была я, красна девица, атаманом,
Стояла я, красна девица, при дороге
Со вострым я со ножичком булатным:
Ни конному, ни пешему нет проезда.
Не много я, красна девица, душ губила,
Погубила я, красна девица, двадцать тысяч,
А старого и малого в счет не клала.
Захотела я, красна девица, загуляти
Во славное в Московское во царство,
По широкиим по улицам походить,
Богатых там купцов поглядети,
Мне каменны полаты поломати,
Железные запоры отпирати,
Загуляла я, красна девица, загуляла
На славное Петровское кружало,
Не глядя я рублевички вынимала,
За стоичку без счету подавала,
Атамановы поступочки показала.
Уж тут меня, девицу, признавали,
По имени красну девицу называли,
По отчеству меня величали,
Назад руки красной девице завязали,
Повели меня, красну девицу, в полицу.
Судите, судьи, меня поскорее,
Раскладывайте огни на соломе,
Вы жгите мое белое тело,
После огня мне голову рубите,
Вы слушайте, судьи, моего приказа:
Ведите меня с товарищи в чисто поле,
Зачинайте вы класть всех сряду,
Меня, красну девицу, напоследок».
Я, лежа там, красна девица, возрыдала,
Об товарищах своих я пожалела,
Что я рано я вас, девица, погубила.
«Я в сей вине, красна девица, причинна;
Простите, мои приятели, доброхоты!»

Жена разбойника

Ты талань моя, таланюшка таланистая,
Талань участь, горя-горькая.
На роду талань уписана,
В жеребью ли талань выпала,
Со делу ли доставалася,
Со младости до старости,
До седата бела волоса!
Во лесу ли леса не было,
Во миру ли людей не жило,
На мне ли на младешеньке,
Женихов ли на мне не было?
Женихи были хорошие,
Сватовья были богатые,
Из Питера молоды купцы,
Молоды купцы, артельщики.
Здумал-выдал меня батюшко
Что за вора, за разбойничка,
За денного подорожничка,
За ночного полуночничка.
Он со вечера коня седлал,
Со полуночи в разбой уезжал,
А ко белу свету домой приезжал:
«Ты жена ль, моя сударушка,
Отпирай, жена, воротичка,
Запускай мужа разбойничка!
Ты умой платьё кровавое,
Ты стирай, да не рассматривай,
Полощи, да не размахивай».
Половину платья вымыла,—
Увидала своего брата родимого рубашку.
Задрожали ноги резвые,
Приопали руки белые,
Я едва домой, баба, пришла.

«Уж ты муж, ты муж разбойничек,
Денной ты подорожник,
Ночной полуночник,
Зачем убил моего братца родимого,
Тебе шурина любимого?»

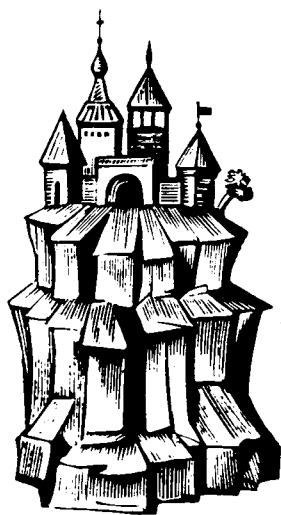
«Глупа, глупа, молода жена,
Неразумная дочь отецкая!
Где возьму тебе братца родимого,
Мене шурина любимого,
Я со вечера коня седлал,
Со полуночи в разбой съезжал,
Как сегодняшню-ту ноченьку
Никому разбору не было:
Ни отцу было, ни матери,
Ни братьям и ни сестрицам!»

Князь Волхонский и Ванюша-ключник

ж на горке возле речки
Стоял нов-высок терем,
Уж и в евом теремочке
Жил да был Волхонской князь.
Как у евого ли князя
Были слуги верные,
А уж всех-то их вернее
Был Ванюша-ключничек,
Молодой его княгини
Верный полюбовничек.
Он не год-то с ней годует,
Не другой год с ней живет,
Что на третьем-то годочке
Сам ли князь доведался,
Через сennую ли девчонку
Самую паскудную.
Уж и вышел князь Волконской
Он на свой красен крылец,
Уж и крикнул князь Волконской
Своим зычным голосом:
«Ой вы гой, мои холопья,
Слуги мои верные!
Вы возьмите-ка, возьмите
Заступы железные,
Вы копайте-ка, копайте
Две ямы глубокие,
Вы поставьте тут, поставьте
Два столба точеные,
Вы кладите между ними
Тонку перекладину.

Вы повесьте тут, повесьте
Петельку шелковую,
Вы подите, приведите
Вора Ваньку-ключника!»
Ой ведут, ведут Ванюшу,
Руки-ноги скованы,
Шелкова его рубашечка изодрана.
Его буйная головка
До мозга проломлена,
А сафьянные сапожки
Все кровью наполнены.
Ой ведут, ведут Ванюшу,
Сам князь усмехается:
«Ты скажи, скажи, Ванюшка,
Ты скажи мне, варвар мой,
Ты с какой поры, со времени
Со княгиней сведался?»
«Ничего, сударь, не знаю,
Ничего не ведаю.
Уж и где же мне, холопу,
Со княгиней знатися...»
Закричал же князь Волхонской
Своим громким голосом:
«Уж вы вешайте Ванюшку,
Слуги мои верные!»
«Нет, постойте-ка, постойте,
Вы мои товарищи,
Уж вы дайте мне потешить
Нашего боярина:
Уж и третий год я, сударь,
Со княгиней знаюся!
На пуховой ли перине
Много было лежано,
За белые ли за груди
Много было хватано,
Про твою ли, сударь, милость
Часто было ругано!»
«Ну повесьте же, повесьте
Вора Ваньку-ключника,
Молодой моей княгини
Верна полюбовничка,
Уж пускай же вор-Ванюшка,

Пускай покачается,
Молода моя княгиня
Пускай попечалится!»
И повесили Ванюшу,
На веревке он качается,
Молодая-то княгиня
На ножу кончается.
А как сам-то князь Волхонской
Стоит улыбается.

Жена мужа заре ла

Ты звезда ли моя восходя,
Восходя, полунощная!
Высоко ты, звезда, восходила,
Выше леса, выше темного,
Выше садика зеленого.
Далеко, звезда, просветила,
Дальше города, дальше Саратова,
Дальше купчика богатого.
У того ли у купца богатого
Случилось несчастье,
Несчастье большое, не малое:
Как жена мужа зарезала,
Как белую грудь она ему изрезала,
Вынимала сердце с печенью,—
Сама, младшенька, испугалась,
Садилась под окошечком:
«Уж куда мне это тело деть будет?
Положу я тело в холодён погреб,
Я засыплю тело песком желтым,
А наверх того землей черною».
Сама, младшенька, вошла в горенку
(Сама села, пригорюнилась),
Под окошечком передним.
Прилетали к ней двое соколы,
Двое соколы, двое ясные,
Деверья ее любимые.
Они стали ее спрашивать:
«Ты сноха ли наша, невестушка!
А где же наш братец Иванушка?»
«Он отъехал во путь, во дороженьку,
Во путь, во дороженьку,—в лес за охотушкой,
За лютым зверем, за львицею».

«Ты сноха-ль наша, невестушка,
Что у тея в горенке за кровь?»
«Уж я ли, молода, белу рыбу чистила:
Бела рыбица металася,
По горенке кровь брызгáлася».
«Ах, ты ль сноха наша, невестушка!
На словах ты нас не обманивай!
Его добрый конь на стойле стоит,
Его сбруя ратная на стене висит».
«Ах вы, деверья, вы, ясные соколы!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы снимите с меня буйну голову!
Я своего мужа зарезала,
Вынимала сердце с печенью,
Положила тело в холодён погрёб,
Засыпала тело песком желтым,
А наверх того землею черною».

Три жеребья

Батюшка наш, ты Яик город!
Про тебя идет слава добрая, речь хорошая,
Будто ты, Яик, на красе стоишь,
На красе стоишь, на крутой горе.
Из тебя выходит легка партия,
Легка партия — пятисотный полк,
На Капкайску горьку линию
Насылается именной указ
Из матушки каменной Москвы,
Чтоб от трех братьев во солдаты брать.
У богатого ли Трифона
У него было три сына:
Одного сына во солдаты брать.
«Уж вы гой еси, мои детушки,
Мне которого во солдаты отдать?»
Большому сыну идти не хочется,
У среднего детей много,
А малый брат просит жеребью.
Что возговорит добрый молодец:
«Ох вы гой еси, мои детушки,
Вы подите-ка во зелены луга,
Уж вы вырежьте все по прутуку,
Сделайте все по жеребью.
Вы подите на Урал-реку,
Бросьте жеребьи на свежую воду:
Чей жеребий на дно падет —
Уж тому идти и во некруты».
Большого брата жеребий поверх воды,
И среднего середь воды,
А малого — как ключ ко дну.

Питер-Москву проезжали

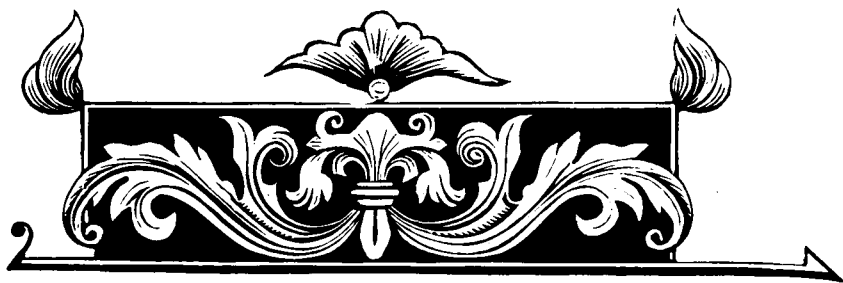
Питер-Мóскву проезжали,
Да мы в деревню заезжали
Во деревню да заезжали,
Да ко вдовушки да приставали
Ко вдовушки да приставали,
Под окошком да колотились.
Под окошком да колотились,
Да постояти ко вдовы да мы просились:
«Спусти-ко вдовушка да постояти,
Постояти да ночевати.
Нас-то ведь, молодцев, да всех немного,
Да полтора ста нас пешеконных,
Полтора ста нас пешеконных,
Да полтретья ста нас всё на конях».
Все-то на конях, да все они на белых,
Все они на белых, да все во седлах.
Вышла та вдовушка да на крылечко,
Говорила им вдова в ответ словечко:
«У меня ведь домик не постоялой,
Фатерушка да небольшая,
У меня избушка да небольшая».
Ой, да народ-то силой к ей валятся,
Все по лавочкам гости они садятся.
Да как большой-от гость да сел повыше,
Как меньшей-от гость да сел пониже.
Стала вдовушка тогда ко печку,
Приложила вдова руки к сердечку.
Как-то большой-от гость ей слово молвит:
«Сколько лет ты, вдова, вдовеешь,
Сколько лет ты сиротеешь?»
«Я-то вдовею да годов двадцать,
Да сиротею годов пятнадцать».

«Подойди-ко, вдова, ко мне поближе,
Да поклонись-ко, вдова, ты мне пониже.
Ты сойми у меня да черну шапку,
В этой шапке-то есть у меня платочек,
Да во платочку златой перстень,
Мы которым с тобой да обручались,
Да обручались, да повенчались».
Бросилась вдова к ему в колени,
Да схватилась-то вдова ему за шею,
Да залилась-то вдова тогда слезами.
Как большой-от гость ей слово молвит:
«Да кто то по правой руке моей сидит же,
Кто то по праву боку сидит же?
Да то твое чадо сидит по праву руку».

Бегство из кавказского плена

оздалече, воздалече в чистом поле
Пролегала не дорога — тропа малая.
Шли по ней два невольничка молодые,
Увидали два невольничка густой камыш,
Они просили камыш-траву ночлег себе:
«Прими ты нас, камыш, гостьми себе,
Дозволь ты нам суконные онучи просушить,
Ременные бахилочки тут повялоти!»
Легли тут добрые молодцы в камыш-траву.
Со вечера камыш-травушка приутихла,
Со полуночи камыш-травушка зашумела,
На заре камыш-травушка речь возговорила:
«Уставайте вы, невольнички молодые,—
За вами есть черкасская зла погоня,
Росланбек-мурза с узденями недалеко!»
Встрёпенулись добры молодцы, в ход пустились,
Перед балкою они камышиной очутились.
Дошли вниз по ней молодцы до трясины,
Схоронились в ней молодцы со всем телом.
Росланбек-злодей до балки той доезжает,
Не нашедши их, за Кубань-реку завертает.

Король и девушка

шел братец во служебку,—
И брат сестре приказывает:
«Не ходи, сестра, на вулицу,
Не грай, сестра, с Большим королем!
Большой король насмешник злой».
Вот год прошел — нету мово братца,
Другой прошел — нету родимого,
На третий год мой брат пришел,
Пришел братец со служебки,
Вошел братец в высок терем.
В высоку тереме колыбель висит.
Висит колыбель малёшенька,
Да висит колыбель малёшенька,
Лежит дитя дробнёшенько.
Подошел братец, он стал качать:
«Баю, баю, мое дитятко,
Баю, баю, чадо милое!
Я не знаю, как тебя назвать
По батюшке и по матушке?»
«Я по матушке — млад б́арченок,
А по батюшке — татáрченок
А мой отец Большой король,
Большой король, насмешник злой.
Моя матушка — душа Аннушка».
Пошел братец во комнатку,—
Да во комнатке сестра сидит,
Русая коса растрепанная,
Ее локонцы по плечушки.
Взял братец сестру за косу,
Да взял братец востру сабельку.
«Не руби мне, братец, во горенке,
Отруби мне, братец, на вулице,
Чтобы всем было на д́ивище,
Большому королю на позорище,
Что отрубил братец сестре голову».

Проданный сын

Родители да были умные,
Уж как чадушка пали безумные,
Пошли чадышка по кабакам погуливать,
Золоту казну стали прокидывать,
А со девками, со вдовками погуливать.
Уж как маменька на молодца
да распрогневалась.
Пошла маменька во гавань корабельную:
«Вы купцы, гости да ведь торговые!
Вы купите у меня да чада милого,
Чада милого, чада любимого».
«Не вора ли ты продашь да не разбойника,
Не церковного продашь да ты грабителя?»
«Продаю-то я да чада милого,
Чада милого да я любимого.
Мое чадышко стоит пятьсот рублей,—
Я за чадышка возьму да только сто рублей».
Не березонька в ответ да к земли да клонится,
Не кудрявая к сырой земли приклоняется —
Добрый молодец со маменькой прощается:
«По житью-бытью — да моя мать родна,
По досады, по разлуке — змея лютая!»
Уж как проговорит да добрый молодец:
«Вы купцы, гости да всё торговые!
Уж вы дайте моей маменьке да за меня
не сто рублей,
Уж вы дайте за меня да целу тысячу,
Не ходила бы ведь моя мать да по подоконью,
Не сбирала бы да кусков ломаных,
Кусков ломаных да ломтей резаных!»
Забривали тут ведь молодца да во солдатики,
Надевали на него шинель солдатскую.
С кормы на нос он по кораблю да запогуливал,

Запогуливал, сам запоплакивал,
Он поплакиват, горе причитыват:
«Ты талань ли ты моя да участь горькая!
Ты куды, талань, теперь да сподевалася?
Ты в темных лесах, талань моя, да заблудилася,
Ты в чистом поли, талань,
богатыри тя побили?
Охо-хо, хо-хо, да охти мнешенько!
Некуда уйдешь, некуда денешься!
Я куда пойду, да горе всё с собой,
Мне на час горе да не отвяжется».
Привозили добра молодца да во чистое поле,
Посадили добра молодца да на добрую лошадь,
Награждали добра молодца да что медным
ружьём,
Что медным ружьём да золотым копьем.
По чистую полю добрый молодец
да запоезживал,
Запоезживат да сам поплакиват,
Сам поплакиват, горе свое причитыват.
Он с того горя да со кручинушки
Он свалился прочь да со добра коня.
Что резвы ноги да во быстрой реки,
Что буйной главой да под ракивов куст.
Что на ту пору, да на то времечко
Прилетело ведь три птички, три кукушицы:
Как една кукуша на бедную главу села,
А друга кукуша — на белые груди,
А третья кукуша на резвы ноги.
На буйной главы да сидит мать родна,
На белых грудях — да родимая сестра,
Во резвых ногах да молода жена.

Параша

ак пошла наша Параша
Ко суседу во беседу,
Ко суседу во беседу
Коромысла попросить.
Коромысла попросить
На Дунай-реку́ сходить.
Как вор ли-то Олёшка
Догадлив, шельма, был:
Наперед забежал,
За горой пролежал,
За горой пролежал,
Всё Парашу дожидал.
Как идет, идет Параша
На Дунай-реку за водой:
«Еще помнишь ли, Параша,
Что отец твой говорил?
Он хотел отдать тебя
Замуж за меня!»
«Ох ты, вор ты, Олёшка,
Мне не быть за тобой,
Мне не быть за тобой,
Не слыть мне тобой,
Мне не слыть тобой,
Мне Олёшкиной женой!»
Он бил, топтал меня топчкám,
Полужёными гвоздям.
Он бил по щекам,
По жемчужным серьгам.
Чуть-насилу поднялась,
Зашаталась, побрела.
Что навстречу Параше
Рóдный батюшка идет:

«Еще что же ты, Параша,
Не весело идешь?
Позаплаканы глаза,
Порастрепаны волоса!»
«Родной батюшко!
Худо можетя,
Худо можетя,
Нездоровится!»
Со вечера Параша
Разнемогалася,
Ко полуночи Параше
Попа привели,
Ко белу свету Параша
Переставилася.
Что во городе, в соборе,
В большой колокол звонят,
Большие-то бояры
Про Парашу говорят:
«Как уже нашу Парашу
Хоронить понесут».
Уж как вор-то Олёшка
Догадлив, шельма, был:
Наперед забежал,
На паперти простоял,
На паперти простоял,
В руках свечку продержал:
«Доставалась Параша
Ни мне, ни кому,
Ни мне, ни кому,
Ни товарищу моему!
Доставалась Параша
Что сырбй земле,
Гробовой доске».

Илья кум темный

Еще было во городе Чернигове,
Там ведь жил-то молодой-от князь-от
душечка,
Еще душечка да князь Семен Михайлович;
Живучись-то ихна жисть да хорошо жилась.
Им на радость ту господь послал
да чада милого,
Чада милого послал, да всё любимого,
Да родился у них маленький княжевич-сын.
Собирает он на радости почестен пир,
Собирает он всех князей-то, всех он бóяров,
Он ведь всех гостей-купцев торговых.
Научили его нянюшки-ти, мамушки:
«Ты поди-ка, душечка князь
Семен Михайлович,
Ты зови, зови к себе всё кума стретного,
Кума стретного зови, кума крестового».
Тут князь-от не отслышался,
Он ведь звал-то себе да кума стретного,
Он того ли звал ведь темного разбойника,
Звал он темного разбойника
да Илью Кліманта.
Говорит ему княгиня таковы слова:
«Уж ты душечка князь Семен Михайлович!
Ты худого, нехорошего себе привел кума,
Откажись возьми от кума Ильи Климанта».
Говорит-то ведь он да таковы слова:
«Угощу я на пиру кума крестового,—
На меня ведь лихо кум всё не подумает».
Приходил-то темный-от разбойник
Илья Климантов,
Одержал он себе крестника любимого.

На пиру-ту он сидит, разбойник
Илья Климантов,
Он сидит-то на пиру не пьет, не ест,
не кушает,

Он ведь беленькой лебедочки не рушает.
Говорил ему-то душечка князь

Семен Михайлович:
«Уж ты что сидишь, да кум ты мой
крестовый-от,
Ты сидишь у меня не пьешь, не кушаешь,
Еще беленькой лебедочки не рушаешь?
Налились-то очи ясны всё кровью

у ты горячею.
Разве местом я тебя обсадил теперь,
Обнесли-то разве тебя золотой чарой,
Надсмеялся разве кто-нибудь над тобой,
крестовый кум?»

Говорит-то душечка князь Семен Михайлович:
«Не убил ты сегодня человека понапрасному,
Ты не пролил разве крови христианскую?»
Говорит темной разбойник Илья Климантов:
«Ты не бойся, мой крестовый кум

Семен Михайлович,
Ты не бойся середи да дня ты белого,
Ты побойся во полночь хошь ночки темная;
Ты споманешь всё тогда кума крестового!»
Говорит-то тут ведь душечка-та князь

Семен Михайлович:
«А не хвастай-ка ты, мой да кум крестовая,
Ай ты тот ли наш разбойник Илья Климантов!
Я тепереча услышал похвалбу твою,—
Я заложусь на крепки замочки тут

заморские,
Я поставлю тут ведь верных караульщичков,
Не зайти теперь бы чтобы, не попасть никак».
Говорит темной разбойник Илья Климантов:
«Попаду-ту я к тебе, да я зайду к тебе».

Говорит ему княгина таковы слова:
«Уж ты душечка, ты князь Семен Михайлович!
Немалу ты теперь шуточку нашутил тут;
Эта шуточка тебе да как ведь с рук
сойдет?»

Говорит-то ей ведь князь Семен Михайлович:
«Мы не будем ведь спать да во полночь ту,
ночку темную».

Говорит ему княгиня таковы слова:
 «Подавай да дороги ему подарочки».

Он снимает свою шапку с буйной головы,
 Подавает своему куму крестовому:
 «Уж ты милый, любимой кум крестовый мой,
 Еще тот ли ты разбойник Илья Климантов!
 Ты бери, бери подарочки, как я дарю».

Принимает он подарочки да единой рукой,
 Не дават ему спасибо всё куму крестовому.
 Почернело тут у разбойника Ильи всё
 у Климанта,
 Почернело лицо-то, кровь-та богатырская,
 Богатырска в лице кровь переменялася:
 «Я хошь взял-то у тебя подарки,
 кум крестовый мой,
 Не укрепил ты моего теперь
 да ретива сердца.

Разгрубил ты всё мое да ретиво сердце».

Тут пошел у них кум да со честна пиру,
 Запирает он двери крепко-накрепко.
 Они тут ведь уж ночку ту уж не спали,
 Они всю ту ночь ведь господу молилися.
 На другу-ту они ночку запиралися
 Что на те ли на замки, замки на крепкие;
 У замков были поставлены караульщики верные.
 Говорит-то ведь душечка князь
 Семен Михайлович:

«Что же мы ведь станем на замках
 да запираяться мы?
 Уж уехал теперь мой крестовый кум».

Ай ведь у кума крестового была
 у Ильи Климантова,
 Ай была у его шубка-невидимка,
 Ай была-то у его шапка-невидимка.
 Заходил-то кум крестовый на белом свету,
 На белом свету зашел — его уж не увидишь тут.
 Повалился под тесову под кроваточку,
 Он держал в своих руках да саблю острую.
 Он сидел-то, всё лежал да до полуночи,
 Он в полночь ту ведь ставал да
 на резвы ноги,
 Ай отсек-то он у кума крестового,
 Он отсек-то у него да буйну голову,
 Он отсек же у княгини буйну голову,
 Он отсек-то у любимого у крестничка.

Отбрызну́ла от младе́ня-та горя́ча кровь,
Что брызну́ла во его-то во ясны́ очи,
Во ясны-ти очи Илье Климанту;
Он ослеп-то Илья, да Илья Климантов,
Закричал-то он своим-то зычным голосом:
«Вы секите, вы рубите мою грешну голову!
Что засек я своего кума любимого,
Я засек-то свою куму любимую,
У крестового у дитятка отсек я
буйну голову;

Мне попала кровь горя́ча во ясны́ очи».
Захватили тут его всё за черны́ кудри,
Увезли они его на поле на Кули́ково,
Что отсекали-отрубили буйну голову.

еще было-то жил купец богатой-от.
Помирал-то купец да в молодых летах,
Оставляя он именье своему сыну,
Своему-то он сыну одинакому.
С того горюшка сынок купеческой
Полюбил-то он пить да сладку водочку,
Сладку водочку пить да зеленó вино.
Пропивал-то всё именье рóдна батюшка,
Проиграл-то он да вдвое в карточки,
Прогулял-то, проживал да он три лавочки
С дорогима он заморскими товарами.
Он пошел-то во кабак да к зеленú вину,
Напивался в кабаки-то зеленým вином,
Говорил-то он голя́м, голям кабацким:
«Я скажу-то вам, скажу, голям кабацким:
Я ходил, голи, сегодня я по городу,
Я искал-то всё себе брата крестового,
Я крестового себе брата, названого;
Я не мог себе найти брата крестового,
А никто со мной крестами не побратался;
Как идут мимо меня, всё надсмехаются,
Надсмехаются идут да сами прочь бежат».
Вдруг стоит-то тут у стойки голь кабацкая,
Голь кабацкая стоит, всё горька пьяница,
Говорит-то он ему всё таковы слова:
«Мы побратаемся мы с тобой крестами
золотымá мы!»
Говорит-то всё ему да голь кабацкая:
«Неужели у тебя имеется золотой-от крест?»
Говорит-то тут кабацка голь таки речи:

«Я сажу-ту хошь за стойкой, прохлаждаюся,
Я ведь был-то на веку́ не голь кабацкая,
Я имел ведь у себя-то черны кáрабли,
Я имел ведь у себя товары разные,
Ай несчетно у мня было золотой казны!»
Скиныва́л-то он с ворота золотой всё крест,
Ай побратались крестами золотыма тут.
Обдирало-то у них да хмель-то пьяной тут,
Стали они да всё заплакали:
«Нам ведь полно-то ходить да нам шалеть
больше!
Нам ведь надоть наживать живот,
как раньше был».

Устинья

ак сватался су вор Янька
Пять лет на Устинье,
Пять лет на голубке,
Не мог ее достати,
Не мог достигнути.
Пошел-то вор Янька
К девушкам голубкам,
Устиньиным подружкам:
«Уж вы девушки голубки,
Устиньины подружки!
Я вам дам по златнице:
Выманите Устинью
В Марьинскую рощу!»
Пошли-то девушки,
Пошли-то красные
К бабушке-старушке,
Устиньиной мачке.
Устиньина мачка
На печке сидела,
Бабушка-старушка
Чуть их опознала.
«Спусти, спусти, бабушка,
Спусти, спусти, сударыня,
Свою-то Устинью
В Марьинскую рощу
С нами погуляти,
В хороводе поплясати!»
Как сговорит-промолвит
Устиньина мачка:
«Моя-то Устинья,
Моя-то голубка,
Нигде не бывала,
Людей не видала!»

Устинья во сенях
Голову чесала,
Косу заплетала.
Надевала Устинья
Понизову юбку,
Штофну душегрею.
Пошли-то подружки,
Пошли-то голубки
Во Марьинскую рошу.
Надевал-то вор Янька
Понизову юбку,
Штофную душегрею,
Жеребьи бросали,
Попарно плясали.
Приходилось Устинье,
Приходилось голубке
С московскою гостьей.
Как сговорит Устинья,
Как сговорит голубка:
«Что это за гостья,
Что за московка?
Как барская хилка,
Как су вор Янька!»
Как сговорит вор Янька,
Взговорит Устинье:
«Пойдешь ли за меня замуж?»
Как взговорит Устинья,
Как взговорит голубка:
«Я что себе не прийму,—
За тебя замуж не пойду!»
Как вынимает вор Янька
Ножичек булатный,
Убивает Устинью,
Убивает голубку.
Приходят подружки,
Приходят голубки
К Устиньиной мачке:
«Бабушка-старушка!
Твоя-то Устинья
Кровью венчалась,
На ноже обручалась».

Монашенка

Раз молоденька монашка
Малюточку родила,
Споротивши малюточку,
Ручки, ножки связала,
Посвязавши ручки с ножкам,
В Шексну-речку бросила.
Она бросила во реченьку,
Домой пошла.
Попадали ей навстречу
Два охотничка,
Два рыболовничка.
Поймали эту малюточку
Шелковым неводком,
Понесли эту малюточку
Ко игуменье в дом.
Игуменьша молодая
Всех монашек собрала,
Собравши всех монашек,
Становила во кружок
И давала всем монашкам
По алому цветку.
Как у всех монашек
Во руках цветы цветут,
У одной ли-то монахини
Во руках цветов повял.
Не ходила ли чернобровая
По трактирам, кабакам,
Не пила ли чернобровая
Зелена вина стакан,
Не любила ли чернобровая
Богатого купца?

Федор и Марфа

У а озерье, да во сторонке,
Да там живет мужик Карпуня,
Да у Карпуньки сын Федуня,
Да у Федуня жена Дуня,
Да там случилися две гостьи,
Да эти гостьи, две Федосьи,
Да одна гостья говорила,
Да вот другая потакала:
«Да ты убей-ка, Федор, Дуню,
Да мы найдем тебе другую».
Да Дуня речи услышала,
Да скоро в гости отпрошалась:
«Да отпусти-ка, Федор, в гости,
Да отпусти-ка на недельку,
Да отпусти-ка на другую,
Да отпусти, Федя, на третью».
«Да поезжай-ка, Дуня, с богом», —
Да отвечает Дуне Федор.
Да вот гостит Дуня недельку,
Да вот гостит Дуня другую,
Да вот гостит она и третью.
«Да что собаки-то как лают?
Да поглядите-ка, ребята,
Да вон не мой ли Федор едет?»
Да Федор в лесенку вздыматся,
Да Федор двери отпирает,
Да Федор богу помолился,
Да Федор богу помолился,
Да одной теще пэкклонился.
«Да мы домой поедem, Дуня,
Да все-то дома нездоровы —
Да свекор-батюшка на печке,
Да свекровь-матка на шесточке,

Да деверья-то все по лавкам,
Да все золовки по залавкам».
Да как пришла Дуня домой,
Да видит дома все здоровы,
Да свекор-батюшка за вязкой,
Да свекровь-матушка за прялкой,
Да деверья все по работам,
Да все золовки по беседам.
«Да затопи-тка, Дуня, баню,
Да вот без чаду, без угару».
«Да наколи-ка, Федор, дровец,
Да ты без щепок, без осколков».
Да истопила Дуня баню,
Да вот без чаду, без угару:
«Да ты ступай-ка, Федя, в баню».
«Да ты пойдешь, Дуня, со мною».
Да как подходит Дуня к бане,
Да резвы ножки подломились,
Да белы ручки опустились,
Да голова с плеч покати́лась.
Да как пришел Федя из бани:
«Да ты поди-ка, матка, в баню».
Да как подходит матка к бане:
«Да ты чего, Федя, наделал!
Да головешка на трубешке,
Да белы груди на окошке,
Да белы руки на полочке,
Да резвы ноги под порогом,
Да резвы ноги под порогом,
Да тулово ее под лавкой!»

Охотник и сестра

вечера позднихонько девки думал-думали,
На белой-то зоре в лес по ягоды пошли,
За калинкою, за малинкой,
за черной смородиной.
В лесу все девушки, все красны ягод
принабрались они.
Одна Машенька не набрала ничего,
Заплуталась красна девка во лесу,
Заплутавшись, становилась ко дубу.
Мимо девушки, мимо красной
Никто не проедет, не пройдет,
Только зайка серый пробежал,
Как за зайнкой за серым люта львица прошла.
За львицей за лютой млад охотничек едет,
Не доехавши, охотник со добра коня слезал,
Подошедши к красной девке,
низко кланялся он ей.
Не спрося он ума-разума своего,
Стал он с девкой шуточки шутить.
Отшутимши шуточки, стал выпрашивать ее:
«Скажи, девушка, скажи, красная,
Чьего матери-отца?»
Отвечала красна девка:
«Я не царского и не барского,
богатого отца дочь;
Нас у батюшки было семь дочерей,
Восьмой-ет братец ко царю служить пошел,
А девятый братец в лес охоту возымел».
Узнаёт охотник — девка родная ему сестра,
Вынимает млад охотник свой булатный
острый нож.
«Прощай, девка, прощай, красная,
Прощай, родная сестра!»
Зарезал охотник сам себя.

Дурень

А жил-был дурень,
А жил-был бабин,
Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши дурень
Версту, дру́гу,
Нашел он, дурень,
Две избы пусты,
В третей людей нет.
Заглянет в подполье
В подполье черти
Востроголовы,
Глаза что часы,
Усы что вилы,
Руки что грабли,
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают,
Груды переводят.
Он им молвил:
«Бог вам помочь,
Добрым людям!»
А черти не любят,
Схватили дурня,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень домой-та,
Плачет, голосом воеет,
А мать — бранити,

Жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,
А ты бы молвил:
«Будь, враг, проклят
Именем господним
Во веки веков, аминь».
Черти б убежали,
Тебе бы, дурню,
Деньги достались,
Место клады».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень
Четырех братьев,—
Ячмень молотят.
Он им молвил:
«Будь, враг, проклят
Именем господним!»
Бросились к дурню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали колотити,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень домой-та,
Плачет, голосом воеет,
А мать — бранити,
А жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«А глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы ты молвил,

Ты бы молвил
Четырем братьям,
Крестьянским детям:
«Дай вам боже
По сту на день,
По тысячу на неделю!»
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Я таков не буду!»
Пошел же дурень,
Пошел же бабин
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидел дурень —
Семь братьев
Мать хоронят,
Отца поминают,
Все тут плачут,
Голосом воют.
Он им молвил:
«Бог вам в помощь,
Семь вас братьев,
Мать хоронити,
Отца поминати!
Дай господь бог вам
По сту на день,
По тысячу на неделю!»
Схватили его, дурня,
Семь-та братьев,
Зачали его бити,
По земле таскати,
В говне валяти,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Идет-та дурень домой-та,
Плачет, голосом воеет.
Мать — бранити,
Жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«А глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово

Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
«Прости, боже, благослови,
Дай, боже, им
Царство небесное,
В земле упокой,
Пресветлой рай всем!»
Тебя бы, дурня,
Блинами накормили,
Кутьей напители».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду!»
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
Встречу ему свадьба,
Он им молвил:
«Прости, боже, благослови!
Дай вам господь бог
Царство небесно,
В земле упокой,
Пресветлый рай всем!»
Наехали дружки,
Наехали бояра,
Стали дурня
Плетьми стегати,
По ушам хлестати.
Пошел, заплакал,
Идет да воеет.
Мать — его бранити,
Жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
«Дай господь бог
Новобрачному князю
Сужено поняти,

Под злат венец стати,
Закон божий прияти,
Любовно жити,
Детей сводити!»
«Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Встречу дурню
Идет старец,
Он ему молвил:
«Дай господь бог
Тебе же, старцу,
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Любовно жити,
Детей сводити!»
Бросился старец,
Схватал его, дурня,
Стал его бити,
Костылем коверкать,
И костыль изломал весь:
Не жаль старцу
Дурака-та,
Но жаль ему, старцу,
Костыля-та.
Идет-та дурень домой-та,
Плачет, голосом воем,
Матери расскажет.
Мать — его бранити,
Жена — журити,
Сестра-та — также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То ж бы ты слово
Не так же бы молвил;
Ты бы молвил:
«Благослови меня, отче,
Святы игумен!»
А сам бы мимо».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,

Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Впредь таков не буду!»
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
В лесу ходити,
Увидел дурень
Медведя за со́сной:
Кочку роет,
Корову коверкат.
Он ему молвил:
«Благослови мя, отче,
Святы игумен!
А от тебя дух дурен!»
Схватал его медведь-ат,
Зачал драти,
И всего ломати,
И смертно коверкать,
И ж... выел,
Едва его, дурня,
Жива оставил.
Пришедши дурень домой-та,
Плачет, голосом воет,
Матери расскажет.
Мать — его бранити,
Жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,
Ты бы зауськал,
Ты бы загайкал,
Ты бы заулюлюкал».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду!»
Пошел же дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будет дурень

В чистом поле,
Встречу дурню
Шишков-полковник.
Он зауськал,
Он загайкал,
Он заулюлюкал.
Наехали на дурня солдаты,
Набежали драгуны,
Стали дурня бити,
Стали колотити,
Тут ему, дурню,
Голову сломили
И под кокору бросили,
Тут ему, дурню,
И смерть случилась.

Как филина ловили

Прикажи, судáрь хозяин,
Прикажи же, господин,
Из-за лавки стать,
Поскакать, поплясать,
Да прошенъице сказать
Про Лаврентья старика,
Про Ефрема мужика.
Да Борисович Иван
Поутру рано вставал,
Утру свету дожидал,
Он зари не просыпал,
Он к суседу побежал,
Ко суседу ко Петру
Ко Тарасовичу.
Колотился под окном
Он толстýм кулаком
Всё о шестонько:
«Разбудися, мой сусед,
Да Тарасович Пётр!
Еще что у нас тако
Что удеялося,
Учинилося?
Там за Дедковой за пожней,
За сосновым наволочком,
За Кырой за рекой,
Да там кошкою кунярка
С собакой горчит,
Пишит, верещит,
Спредиковывает.
Там прежито живут,
Две скотины бьют».
Петрушка-то встает,
Умывается.

Оболокается,
Богу молится.
Он молитву творил
Всё Иисову.
Собирались ребята
Во единую избу.
Они садились вдруг,
По скамейкам в круг,
Они думали, гадали,
Советовали.
Да Клементий Клим
Несоветлив был,
Да он по полу ходил,
Не по их речь говорил.
Они били да бранили,
Взяли прочь да прогнали.
Как пошли наши ребята
Хилина ловить.
Петрушка ходит-слуша,
Не хилин ли сидит,
А Матюша ходит-тюкает,
Хочет сосну валить,
А Чика ходит-чиркае,
Хочет хилина стрелить.
Стрелили хилина́
Из большого из ружья,
Из оленного.
Попало хилину́
По задú да по перу.
Хилин стрепетался,
Чика
Хилин выше поднялся
На сосну на сушину,
На самую вершину,
Под ним сук не погодился,
Хилин на землю свалился.
«Уж мы как будем, ребята,
Хилина делить?»
«Да Петруше полтуши,
Матюше серы уши,
Харлану — ноги драны,
Борису ноги лысы».
Пришел Лúчка,
Взял за крьlлко,
Бросил о землю:

«Уж вы глупые ребята,
Неразумны старики,
Вам на що его делить,
Как нельзя его варить?
Мы повесим хилиночка
Ко Чикину гумешку,
На проезжу на дорожку.
Кто ни прѳѳде, ни проѳде,
Всяк про хилина вспомяне:
«Как теперя хилиночку
Не по сосенкам летать,
Как не нас же пугать».

Небывальщина

Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщина да неслыхальщина:
Еще сын на матери снопы возил,
Всё снопы возил, да всё конопляны.
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка да неслыхальщинка:
На горе корова белку лаяла,
Ноги расширят да глаза выпучит.
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка да неслыхальщинка:
Еще овца в гнезде яйцо сажит,
Еще курица под осеком траву секёт.
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка да неслыхальщинка:
По поднебесью да сер медведь летит,
Он ушками, лапками помахиват,
Он черным хвостом тут поправливат.
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка да неслыхальщинка:
По синю морю да жернова плывут.
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка да неслыхальщинка:
Как гулял Гулейко сорок лет за печью,
Еще выгулял Гулейко ко печну столбу,
Как увидел Гулейко в лоханке воду:
«А не то ли, братцы, синё морё?»
Как увидел Гулейко, из чашки ложкой
шти хлебуют:
«А не то ли, братцы, корабли бежат,
Корабли бежат, да всё гребцы гребут?»
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка да неслыхальщинка.

Примечания

Татарский полон. Печатается впервые: Коми АССР, Усть-Цилемский р-н, д. Замежная, Семенова Наталья Тимофеевна, 63 года. Зап. Д. М. Балашов, декабрь 1964 г. *Дуван дуванить* — делить добычу (татарск).

Татарский полон (иной вид). Ист. песни, № 33.

Авдотья Рязаночка. Рыбников, т. 2, № 182. Баллада в полусказочной форме отразила разорение старой Рязани Батыем. Позднее Рязань, под воздействием преданий и песен о знаменитом походе Грозного, стала Казанью, еще позже Батый превратился в Бахмета турецкого.

Полонянка. Этнографический сборник, вып. 6. Спб., 1864, с. 92. Зап. в Томской губ. Собиратель сообщает: «Конец этой песни, как говорят казаки, забыт, и один певец добавил мне от себя, что перевозчик бросился спасать девицу, вытаскивал мертвую и тогда только узнал, что это была его родная сестра» (там же, с. 93). *Скат-жемчуг* — скатный, круглый, хорошего качества.

Казарин. Григорьев, № 60.

Егорий. Печатается впервые: Архив Русского Географического общества, собрание Пономарева, ф. 12, оп. 2, № 26, л. 24—32, д. Ломовка Тульской губ. *Егорий-змеебоц* был одним из популярнейших русских святых. Его изображение стало государственным гербом и украшало знамена русских войск. В балладе предание о мучениях и конечной победе Егория над врагом осмыслилось как предсказание победы Руси над татарами.

Чудесное спасение. Ист. песни, № 4 (впервые: «Живая старина», 1905, вып. 3—4, с. 293, 336). Баллада эпохи татарского нашествия. *Царь крымской* — позднейшая замена.

Егорий (иной вид). Народные баллады. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Д. М. Балашова. Общая редакция А. М. Астаховой. М. — Л., 1963, с. 194.

Щелкан. Кирша Данилов, с. 28.

Брат спасает сестру. Пропп-Путилов, т. 2, с. 277.

Разбойничий дуван. Мякушин, с. 50.

Князь Роман и Марья Юрьевна. Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым, кн. 1. М., 1859, с. 122. *Косивчатое* — косячатое, обрамленное косяками (в отличие от маленького волокового окна) в богатых теремах с узорным плетением и вставку цветных стекол. *Мост* — помост, всякий настил. *Шеенки* — якорные канаты (северн.) *Поваренный детинушка* — повар. В русском эпическом фольклоре нарицательное имя ловкого царского слуги, похитителя чужих жен.

Василий и Софья. Гильфердинг, т. 2, № 134.

Домна. Марков-Богословский, с. 98.

Василий и Софья (вариант). Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и редакция А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941, № 71.

Чурилья-игуменья и Стафида Давыдьевна. Кирша Данилов, с. 257. *Старец*, *старица* — монах, монахиня, независимо от возраста. *Крылос* — клирос, возвышение для певчих. *Четьи* — церковные песнопения. *Караул скрал* — снял караул. *Полудновать* — быть при смерти.

Иван Дудорович и Софья Волховична. Марков-Богословский, с. 85. В строке «Уж он кафтан кладет...» сделана замена, в подлиннике — слово «шинель». *Након* — раз. *Она платице надела... подвенечное* — в знак того, что она, как невеста, готова умереть с женихом.

Князь и старицы. Печатается впервые: Архив ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, разряд 5, колл. 172, папка 2, № 232, А. М. Клещева, с. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. Зап. Д. М. Балашов, 1957 г. *Назем* — навоз. *Канмóтничек* — сарафан.

Терентий-гость. Киреевский, вып. 7, с. 48. «Недугом», который излечивает Терентий, по вариантам оказывается любовник жены: «А недуг ат непутем в окошко скочил, чуть головы не сломил, на карачках ползает, едва от окна отполз» (Кирша Данилов, с. 22). *Очестливый* — воспитанный (от слова «честь»).

Князь Роман жену терял. Чулков, ч. 2, № 128. *Терять* — убивать. *Грядка* — перекладина-вешалка. *Слово противное* — сказанное супротив, вперекор.

Гибель брата. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым. — Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым, т. 4. М., 1862, с. 81.

Князь Роман жену терял (вариант). Рыбников, т. 2, № 217. *Баской* — хороший, красивый.

Дети вдовы. Григорьев, № 6. *Дубочек* — дубок, кораблик.

Убитый брат. «Русский филологический вестник», 1886, № 4, с. 224.

Братья-разбойники и сестра. Истомин-Дютш, с. 68. *Пáшица* — крестьянка. *Выстать* — встать, подняться.

Князь Михайло. Рыбников, т. 1, № 100. *Ества* — еда. *Травчатый* — расписанный или шитый травами (растительным узором).

Рябинка. Сочинения П. И. Якушкина. Спб., 1884, с. 570.

Молодец и королевна. Чулков, ч. 3, № 58.

Злые коренья. Савельев, с. 156.

Молодец и королевна (вариант). Гильфердинг, т. 2, с. 162. *Наволо́к*, *наволочище* — заросший лесом мыс, полуостров, переволок, лесной путь.

Молодец и королевна (иной вид). Киреевский, вып. 5, с. 170.

Алеша и сестра двух братьев. Киреевский, вып. 2, с. 64.

Молодец и худая жена. Гуляев, № 54.

Брат, сестра и любовник. Киреевский, новая серия, № 1930.

Худая жена — жена умная. Гильфердинг, т. 2, № 89. *Велéи* — иначе тавлеи, игра в кости, также (в народном бытовании) игра в шахматы, шашки. *Езды брать* — ехать верхом на проигравшем. *Камверт* — здесь в значении: кошелек.

Насильный постриг. Перетц В. Н. Современная русская народная песня. Спб., 1893, с. 17. О причинах настойчивости матери варианты баллады упоминают очень глухо:

Три годы девица строй строила,
Три годы красная богу молилась.
За батюшков грех она умолила,
За матушкин грех не могла умолить.

(«Записки Уральского общества любителей естествознания», т. 1, вып. 2. Екатеринбург, 1874, с. 128.)

Старец Игренище. Кирша Данилов, с. 226. *Ребята десятильниковы* — сборщики пошлин с монастырей и церквей. *Игренище* — прозвище от цвета волос — рыжий.

Федор Колышатай. «Этнографическое обозрение», 1913, 1—2, с. 220. Зап. в Русском Устье (низовье Индигирки), куда выселилась маленькая группа русских в конце XVI в.

Жена князя Василия. Киреевский, вып. 5, с. 66.

Молодец и три татарина. Савельев, с. 132. *Чумбур* — часть узды.

Иван Левшинов. Листопадов, т. 1, ч. 2, № 160.

Продажа полонянки. Чернышев, № 66. *Торосинушка* — каменная площадка, от «торос» — плитняк.

На литовском рубеже. Кирша Данилов, с. 253. «*Рогатина*» — копье с широким лезвием и двумя отростками ниже лезвия. *Наступчивый конь* — выступающий бодрой и твердой поступью.

Пан привозит жене русскую полонянку. Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии Василием Поповым. М., 1880, с. 58. *Миткаль* — белый ситец. *Низаная лента* — шитая жемчугом. *Стружок*, *струг* — ладья, корабль. *Сафьян* — тонкая цветная кожа. *Тафта* — шелковая ткань. *Бумажный* — хлопчатобумажный.

Три зятя. «Русская беседа», М., 1860, т. 1, с. 114.

Взаимные угрозы. Шейн, № 750.

Король-королевич. Богораз В. Г. Областной словарь русского колымского наречия. СПб., 1901, № 105. Последние шесть строк добавлены по тексту: Киреевский, вып. 5, с. 82.

Девичьи угрозы. «Вологодские губ. ведомости», 1883, № 18, вып. 40. (Печ. по изд.: Чернышев, № 255.) *Ендова* — низкая широкая чаша.

Злая жена. Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Студитским. СПб., 1841, с. 56.

Девичьи угрозы (вариант). Песенник 1829 г., с. 96. (Печ. по изд.: Великорусские народные песни, т. 1—7. Изданы проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895—1902. Т. 1, № 154.)

У меня ль, у красной девушки. «Русская беседа», М., 1860, т. 1, с. 98. *Пенечный* — пеньковый.

Два Лазаря. Бессонов, с. 49. Народные певцы значительно усилили социальное содержание притчи — источника, придав конфликту характер своеобразного классового столкновения.

Аника-воин. Киреевский, вып. 4, с. 119. В вариантах смерть даже превосходит небесные силы: «Был сотворший бог, сотворил небо, землю, и луны, и звезды, и то меня, смерти, не миновал» (там же, с. 115). *Искошай* — скошу (смерть всегда изображалась с косой).

Горе. Рыбников, т. 2, № 187. На основе баллад о горе создалась в XVII веке знаменитая «Повесть о Горе-Злочастии». По вариантам баллады горе предстает как горе крестьянина, молодца, женщины, преследующее свою жертву вплоть до могилы. *Огнёвушка* — болезнь, жар.

Хмель. Печатается по записи из Архива Географического общества, собрание А. Н. Пасхаловой, разряд 36, оп. 1, № 58, л. 483, 484. *Сулой* — сваренное гиво (сусло), еще без хмеля.

Непростимый грех. Марков-Богословский, с. 41. Первые две строки добавлены по тексту со с. 42.

Туры златорогие. Григорьев, № 33.

Вознесение. Марков-Богословский, с. 25. По вариантам грабители бедняков князья, бояре и проч.

- Турь золоторогие** (вариант). Листопадов, т. 1, ч. 1, № 55.
- Милостива жена**. «Чтения в Обществе истории и древностей российских». М., 1848, № 9. Смесь, с. 194 (собр. П. В. Киреевским).
- Княгиня и змей**. Гуляев, № 22. *Скурлат-сукно* — красное.
- Индрик-зверь**. Листопадов, т. 1, ч. 1, № 52. *Индрик* — единорог.
- Царь Давыд и Олена**. Бессонов, с. 718.
- Дочь тысячника**. Бессонов, с. 720.
- Скимень-зверь**. Гуляев, № 21.
- Устиман-зверь**. Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. 1-е изд. М., 1858. ч. 1, с. 221.
- Взятие Казани**. Ист. песни, № 50.
- Гибель Пожарского**. Киреевский, вып. 7, с. 26. *Улавины* — испорченное «улавы», род конницы. *Мержавецкое* — мурзавецкое, восточное. *Камочка хрустатая* — шелковая узорчатая ткань.
- Казань-город**. Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948, № 157.
- Кострюк**. Киреевский, вып. 6, с. 121.
- Гнев Ивана Грозного на сына**. Рыбников, т. 2, № 108. *Обское* — Опсков, Псков.
- Молодец и река Смородина**. Кирша Данилов, с. 202.
- Правеж**. Киреевский, вып. 6, с. 194.
- Грозный под Серпуховым**. Киреевский, вып. 6, с. 190. *Шахмат* — порода коня.
- Иван Грозный и Домна**. «Советская этнография», 1958, № 6, с. 105.
- Гришка-Расстрижка**. Рыбников, т. 1, № 67 (с добавлением певца А. Е. Чуккоева).
- Гришка-Расстрижка** (вариант). Кирша Данилов, с. 79. *Панафиды* — панихиды, заупокойные службы.
- Скопин**. Чулков, с. 3, № 159. Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (1587—1610) молодой талантливый полководец Смутного времени. Добился крупных успехов в борьбе с поляками, чем вызвал зависть и опасения соперников, боявшихся, что он станет царем. Утверждают, что на пиру у Воротынских жена Д. И. Шуйского (дочь Малюты Скуратова), приходившаяся кумой М. В. Скопину, поднесла ему отраву, от которой он и умер. Песни о нем появились немедленно после его смерти.
- Оборона Пскова**. Киреевский, вып. 6, с. 187. *Полотский* — Полоцк. *Сиповичики* — военные музыканты (играют на «сиповках» — музыкальных инструментах).
- Защита Смоленска**. Гильфердинг, т. 2, № 154. *Нанимать* — набирать войско.
- Взятие Азова**. Гильфердинг, т. 1, № 37. *С обвешамы* — с узорами. *Юхты* — кожи. *Шурмовать* — сражаться.
- Старина о большом быке**. Гильфердинг, т. 3, № 297. *Бык рободановик* — по-видимому, бык, принадлежавший одному из очень известных в XVII—XVIII вв. бояр Ромодановских. *Раскучались* — разбрелись. *Степь* — бычий хребет. *Не заступы* — ты крепкие, да не гости — ты Строганные, да только кожевнику бы головой вершить — т. е. если бы не заступничество купцов (гостей) Строганных, по-видимому покровительствовавших этой ватаге, кожевнику и другим пришлось бы потерять головы. *Прорость* — в мясе жир между мышцами откормленного животного. *Чередно* — брюхо. *Начевочки* — ночвы, неглубокие корытца, лотки.
- Травник**. Кирша Данилов, с. 282. Сатирический образ московского тунаядца XVI—XVII вв. *Плужок* — силос для ловли птиц. *Били в дуп-*

лю — били в причинное место (сибирск., диалект.) Эбой за собой держит — мошенничает.

Васильюшка Путятинский. «Чтение в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». М., 1868, кн. 4, с. 259. (Опочецкий уезд, Псковской губ.)

Сергей хорош. Кирша Данилов, с. 44.

Усы. Григорьев, № 122. *Собина* — собственность, богатство. *Ротётся* — клянется. *Животом наделить* — наделить богатством.

Стрельцы и крестьянин. Киреевский, вып. 9, дополнения, с. 111.

Казак и шинкаря. Печатается по рукописи из собрания Титова. Госуд. Публ. библиотека (г. Ленинград). Тит, 2321, л. 38—38 об. Зап. в Арзамасском уезде Нижегородской губ.

Брат женился на сестре. Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда, Казанской губ. В. Магнитского. Казань, 1877, с. 63.

Как во славном было граде Вавилоне. Песни гребенских казаков. Публикация, вступ. статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 12.

Обманутая девушка. Киреевский, новая серия, № 1462.

Разбойничья лодка. Русский фольклор. Материалы и исследования, т. 3. М. — Л., 1958, с. 361. *Ветка* — легкая лодка, челнок. *Глумный* — позорный.

Лебедушка и сокол. Листопадов, т. 1, ч. 1, № 64.

Сынок Разина. Григорьев, № 58, строки 24—27 и 37-я добавлены по тексту: Гильфердинг, т. 3, № 203.

Сокол и вороны. Великорусские народные песни, т. 1—7, изданы проф. А. И. Соболевским, т. 1. Спб., 1895, № 489.

Смерть Разина. Рыбников, т. 2, № 221.

Убийство астраханского губернатора. Чулков, ч. 3, № 54.

Конь и сокол. Листопадов А. М. Донские былины. Ростов-на-Дону, 1945, № 56.

Покинутый разбойник. Чернышев, № 111.

Гнездо орла. Киреевский, новая серия, № 2524. *Свилеватый* (о дереве) — закрученный. *Погода* — непогода, ненастье. *Полоса* — порыв ветра, буря.

Як Горынович. Мякушин, с. 47. *Шихан* — бугор, островерхий холм. *Вязель* — вьющееся растение (дикий горошек и проч.).

Гибель пана. Истомин-Дютш, с. 225. Баллада польского происхождения занесена на север поляками, осевшими в пору Смутного времени на берегу Белого моря.

Исправление жены. Шейн, № 948. *Воровины вожжи* — веревочные. *Целик* — нерубленный лес, чаща.

Панья. Озаровская О. Э. Пятиречье. Л., 1931, № 17. *Кружельский двор* — кабак.

Недвига. Шейн, № 954.

Фома и Ерема. «Древняя и Новая Россия», 1876, т. 1, с. 365; Симбирская губ. (печ. по изд.: Пропп-Путилов, т. 2, с. 434). *Прокуратинички* — проказники, лентяи, плуты. *Ерема овин садит...* и т. д. — Ерема наполняет овин снопами (для сушки зерна), Фома накладывает растопку и ворошит огонь. Сушка овина всегда опасна, легко можно сжечь овин с высушенным хлебом.

Стрелецкий бунт. Печатается впервые: Архив Географического общества, Собрание Пономарева, ф. 12, оп. 2, № 7, л. 5—7.

Царь в кабаке. Чернышев, № 143. *Кружало* — кабак.

Петр и казак. Листопадов, т. 1, ч. 2, № 125.

Два невольника. «Отечественные записки», 1848, № 8. Смесь, с. 141.
Похищение девушки. Чулков, ч. 3, № 60. *Красно золото на цевке* — моток волоченого золота.

Похищение девушки бурлаками. Чулков, ч. 1, № 138.

Девуца — атаман разбойников. Чулков, ч. 3, № 59.

Жена разбойника. Кривополенова М. Д. Былины, скоморошины, сказки. Редакция, вступительная статья и примечания А. А. Морозова. Архангельск, 1950, с. 91. *Талань* — участь, судьба.

Князь Волхонский и Ванюша-ключник. Печатается впервые: Архив Географического общества, разряд 9, оп. 1, № 65, с. 4—6. Зап. в Москве.

Жена мужа зарезала. Шейн, № 892. Строка в скобках дополнена ради смысловой ясности.

Три жеребья. Киреевский, новая серия, № 2456. ✓

Питер-Москву проезжали. Печатается впервые: Коми АССР, Усть-Цилемский район, д. Боровская, Чупров Еремей Провович, 77 лет. Зап. Д. М. Балашов, декабрь 1964 г.

Бегство из кавказского плена. Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885, с. 130.

Король и девушка. Шейн, № 899. Певуца так объясняла заключение баллады: «Он вывел сестру на улицу, положил на плаху ее голову, стал рубить. Она думала, что Большой король заступится, а он посмотрел да прочь пошел». *Дробнёшенько* — маленькое.

Проданный сын. Марков-Богословский, с. 88.

Параша. Киреевский, новая серия, вып. 2, ч. 1, № 1363.

Илья кум темный. Марков, № 54. *Зови к себе кума стретного* — в некоторых местах до недавнего времени существовал древний обычай звать в крестные первого встречного. *Темный* — слепой (прозвище предвещает событие).

Крестовый брат. Марков, № 55. По народному поверью человек, не пропивший с себя креста, может еще вернуться на путь истинный.

Устинья. Суханов М. Древние русские стихотворения, служащие в дополнение к Кирше Данилову. Спб., 1840, с. 28. *Барская хилка* — прихвостень.

Монашенка. Киреевский, новая серия, № 1462.

Федор и Марфа. Великорусские песни в народной гармонизации, записаны Е. Линевой, вып. 2. Спб., 1909, с. 59.

Охотник и сестра. Чернышев, № 259.

Дурень. Кирша Данилов, с. 261. *Шишков-полковник* — офицер, произволивший в 1740-е гг. перепись уральского горнозаводского населения. *Кокора* — коряга.

Как филина ловили. Былины Севера, записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой, т. 2. М. — Л., 1951, № 218. *Спрядивает* — (от «дикой» — шальной) кричит диким голосом, пугает. В варианте: «Там не кошка ли курнё, не собака ли ревё? Верно, скотину дерё». *Курныкать* — мяукать, кричать кошкой. Крик филина похож на кошачий вой.

Небывальщина. Григорьев, № 123. *Осек* — рубленая загородка для скота.

Сокращения

- Бессонов* — Бессонов П. А. Калики перехожие, т. 1. М., 1861.
- Гильфердинг* — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд., т. 1—3. М. — Л., 1949—1951.
- Григорьев* — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. 1. М., 1904.
- Гуляев* — Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева, под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.
- Кирша Данилов* — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М. — Л., Изд-во, АН СССР, 1958. Сер. «Литературные памятники». (Первое издание: М., 1804.)
- Ист. песни* — Исторические песни XIII—XVI веков. Издание подготовили Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1960.
- Истомин-Дютш* — Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году. Записали слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. Спб., 1894.
- Киреевский* — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1—10. М., 1860—1874.
- Киреевский*, новая серия — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 2, ч. 1, 2 (песни необрядовые). М., 1929.
- Листопадов* — Листопадов А. Песни донских казаков. Музгиз, т. 1, ч. 1, 2, 1949; т. 2, 1950; т. 3, 1951.
- Марков* — Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901.
- Марков-Богословский* — Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. — «Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 2. М., 1911.
- Мякушин* — Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Т. Мякушин. Спб., 1890.
- Пропп-Путилов* — Былины в двух томах. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958.
- Рыбников* — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 2-е изд., под ред. А. Е. Грузинского, т. 1—3. М., 1909—1910.
- Савельев* — Сборник донских народных песен. Составил А. Савельев. Спб., 1866.
- Чернышев* — Русская баллада. Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева. Вступительная статья Н. П. Андреева. Л., «Советский писатель», 1936. «Библиотека поэта».
- Чулков* — Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова, т. 1. Собрание разных песен, ч. 1, 2 и 3 с прибавлением. 1770—1773 гг. Спб., 1913 (1-е изд.: 1770—1773).
- Шейн* — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. 1, вып. 1—2, Спб., 1898.

Содержание

Русские народные баллады (Вступительная статья Д. М. Балашова)	5
---	---

Баллады

Татарский полон	11
Татарский полон (иной вид)	13
Авдотья Рязаночка	17
Полонянка	20
Казарин	22
Егорий	25
Чудесное спасение	30
Егорий (иной вид)	32
Щелкан	34
Брат спасает сестру	38
Разбойничий дуван	40
Князь Роман и Марья Юрьевна	43
Василий и Софья	47
Домна	49
Василий и Софья (вариант)	52
Чурилья-игуменья и Стафида Давыдьевна	54
Иван Дудорович и Софья Волховична	57
Князь и старицы	60
Терентий-гость	62
Князь Роман жену терял	65
Гибель брата	67
Князь Роман жену терял (вариант)	69
Дети вдовы	71
Убитый брат	73
Братья-разбойники и сестра	74
Князь Михайло	76
Рябинка	80
Молодец и королевна	81
Злые корни	85
Молодец и королевна (вариант)	87
Молодец и королевна (иной вид)	90
Алеша и сестра двух братьев	92
Молодец и худая жена	94
Брат, сестра и любовник	96
Худая жена — жена умная	98

Насильный постриг	101
Старец Игренище	102
Федор Колыщатой	105
Жена князя Василия	107
Молодец и три татарина	108
Иван Левшинов	109
Продажа полонянки	111
На литовском рубеже	112
Пан привозит жене русскую полонянку	115
Три зятя	117
Взаимные угрозы	119
Король-королевич	121
Девичьи угрозы	122
Злая жена	124
Девичьи угрозы (<i>вариант</i>)	125
У меня ль, у красной девушки	127
Два Лазаря	129
Аника-воин	133
Горе	136
Хмель	138
Непростимый грех	140
Туры златорогие	142
Вознесение	143
Туры златорогие (<i>вариант</i>)	144
Княгиня и змей	146
Индрик-зверь	147
Царь Давыд и Олена	148
Дочь тысячника	150
Скимен-зверь	152
Устиман-зверь	154
Взятие Казани	157
Гибель Пожарского	159
Казань-город	161
Кострюк	163
Гнев Ивана Грозного на сына	167
Молодец и река Смородина	171
Правеж	175
Грозный под Серпуховым	177
Иван Грозный и Домна	179
Гришка-Расстрижка	183
Гришка-Расстрижка (<i>вариант</i>)	185
Скопин	187
Оборона Пскова	189
Защита Смоленска	191
Взятие Азова	194
Старина о большом быке	197
Травник	201
Васильюшка Путятинский	204
Сергей хорош	206
Усы	209
Стрельцы и крестьянин	211
Казак и шинкаря	213
Брат женился на сестре	215
Как во славном было граде Вавилоне	216

Обманутая девушка	218
- Разбойничья лодка	221
Лебедушка и сокол	223
Сынок Разина	225
Сокол и вороны	229
Смерть Разина	230
Убийство астраханского губернатора	232
Конь и сокол	234
Покинутый разбойник	236
Гнездо орла	237
Яик Горынович	239
Гибель пана	240
Исправление жены	242
Панья	244
Недвига	247
Фома и Ерема	249
Стрелецкий бунт	251
Царь в кабаке	254
Петр и казак	255
Два невольника	256
Похищение девушки	258
Похищение девушки бурлаками	260
- Девуца — атаман разбойников	261
- Жена разбойника	263
Князь Волхонский и Ванюша-ключник	265
Жена мужа зарезала	268
Три жеребья	270
Питер-Москву проезжали	271
Бегство из кавказского плена	273
Король и девушка	274
Проданный сын	275
Параша	277
Илья кум темный	279
Крестовый брат	283
Устинья	285
Монашенка	287
Федор и Марфа	288
Охотник и сестра	290
Дурень	291
Как филина ловили	298
Небывальщина	301
Примечания	302
Сокращения	308

Русские народные баллады

Вступительная статья,
подготовка текста
и примечания *Д. М. Балашова*

Рецензент **А. Горелов**
Редактор **Л. Асанов**
Художник **С. Харламов**
Художественный редактор **Г. Саленков**
Технический редактор **В. Никифорова**
Корректоры **И. Попова, Г. Голубкова**

ИБ № 2637.

Сдано в набор 05.11.81. Подписано к печати 11.01.83.

Формат 70х108/16. Гарнитура академ.

Печать офсет. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 27,3. Усл. кр-отт. 91,99. Уч.-изд. л. 17,08.

Тираж 15 000 экз. Заказ 4118.

Цена 5 р.

Издательство «Современник»
Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Госкомиздат РСФСР
Полиграфическое производственное объединение «Офсет»
Управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Волгоградского облисполкома.
400001, Волгоград, ул. КИМ, 6

